

POLSKIE TOWARZYSTWO RUSYCYSTYCZNE

przeгляд rusycystyczny

2020, nr 1(169)

Katowice 2020

KOMITET HONOROWY

Janusz Henzel, Walenty Piłat, Władysław Woźniewicz, Wanda Zmarzer

KOMITET REDAKCYJNY

Tadeusz Klimowicz (Uniwersytet Wrocławski) — przewodniczący
Franciszek Apanowicz (Uniwersytet Gdański)
Jens Herlth (Universitaet Freiburg, Szwajcaria)
Władimir Klimonow (Humboldt-Universität zu Berlin, Niemcy)
Joanna Madloch (Montclair State University, USA)
Daria Nevskaya (Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Rosja)
Kadisa Nurgali (Евразийский университет имени Л.Н. Гумилева, Kazachstan)
Antoaneta Olteanu (Universitatea din București)
Grzegorz Przebinda (Uniwersytet Jagielloński)
Barbara Stempczyńska (Uniwersytet Śląski)
Walerij Tiupa (Российский государственный гуманитарный университет, Moskwa)
Halina Waszkielewicz (Uniwersytet Jagielloński)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY

Piotr Fast (redaktor naczelny), Michał Głuszkowski, Justyna Pisarska, Joanna Darda-Gramatyka, Paweł Łaniewski (sekretarz redakcji)

Adiustacja tekstów rosyjskich

Yevheniy Liashchevskyi

Korekta

Paweł Łaniewski

ADRES REDAKCJI

Przegląd Ruscystyczny, 41-205 Sosnowiec, ul. Spokojna 2
tel. +48 604 965 737; +48 505 300 667
e-mail: prz.rus@op.pl
<http://www.journals.us.edu.pl/index.php/PR>

Index 371866

ISSN 0137-298X

Publikacja zrealizowana przy wsparciu finansowym Komisji Europejskiej
w ramach programu Erasmus+

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Европейской комиссии
в рамках программы Эразмус+

WYDAWCY

**Polskie
Towarzystwo
Ruscystyczne**

Polskie Towarzystwo Ruscystyczne
41-200 Sosnowiec
ul. Stefana Grota Roweckiego 5/318
tel. 505 300 667, ptr.polska@gmail.com
www.polskietowarzystworuscystyczne.pl

**UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH**

Uniwersytet Śląski
Instytut Literaturoznawstwa
Instytut Językoznawstwa
41-200 Sosnowiec
ul. Stefana Grota Roweckiego 5

Zakupu wersji papierowej można dokonać na stronie: <http://wydawnictwo.us.edu.pl>; zamówienia.wydawnictwo@us.edu.pl

SPIS TREŚCI

WARTOŚCI I WARTOŚCIOWANIE W DISKURSIE MEDIALNYM

gościnnie pod redakcją

ALICJI PSTYGI

PROFESOR JÓZEF SMAGA (1937–2019)

- 9 ALICJA PSTYGA Wprowadzenie
- 14 TOMASZ DROZDZIŃSKI Wprowadzenie do badań nad dyskursem strategicznym. Rozważania wstępne
- 23 JELENA JEGOROWA *Upojenie administracyjne*: skrzydlate słowo Dostojewskiego jako językowy środek wartościowania w tekście medialnym
- 35 TATIANA KANANOWICZ Wizerunek Jarosława Kaczyńskiego w dyskursie politycznym polskiej publicystyki (na materiale tygodników opinii)
- 55 ZOJA NOWOŻENOWA Mistyczo-ezoteryczne wartości vs wartości kultury masowej w komunikacyjnych praktykach Rosjan: konflikt interesów
- 80 UGO PERSI *Sentiment analysis*: główne aspekty teoretyczne oraz wybrane zastosowania praktyczne w zakresie analizy opinii i nastrojów (sentymentu)
- 92 ANDRIEJ POŁONSKIJ Nietolerancja i jej przejawy w dyskursie współczesnych mediów rosyjskich
- 105 ALICJA PSTYGA Wartościowanie w tekście medialnym — interpretacja tłumacza
- 119 ŻANNA SŁADKIEWICZ Prawda i fałsz w perspektywie aksjologicznej (na przykładzie cyfrowych zasobów medialnych)
- 145 OLGA WALENTINOWA, MICHAŁ RYBAKOW, ALICJA PSTYGA Ograniczenie fleksyjności we współczesnym języku rosyjskim z perspektywy typologii systemowej języków Giennadija P. Mielnikowa

* * *

- 162 KATARZYNA JASTRZĘBSKA Tendencje modernistyczne w powieści *Nocne drogi* Gajto Gazdanowa
- 180 MIROŚŁAWA MICHALSKA-SUCHANEK Najnowsza literatura rosyjsko-izraelska. Zarys zagadnienia

RECENZJE

- 198 LUDMIŁA ŁUCEWICZ Ludmiła Mnich, *Шекспир в русской теории первой половины XX века*, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, Siedlce 2019

SPRAWOZDANIA

- 202 MARTA CHASZCZEWICZ-RYDEL, OLGA SIEMOŃSKA, MATEUSZ ŚWIETLIKI, ANNA ŚWIETLIK, KATARZYNA UCZKIEWICZ Sprawozdanie z XIII Międzynarodowej Sławistycznej Konferencji Literaturoznawczej *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich. Pamięć* (Wrocław, 16–17 maja 2019 roku)

- 208 NOTY O AUTORACH

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕННОСТИ И ОЦЕНОЧНОСТЬ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

под редакцией

АЛИЦИИ ПСТЫГИ

ПРОФЕССОР ЮЗЕФ СМАГА (1937–2019)

9	АЛИЦИЯ ПСТЫГА	Введение
14	ТОМАШ ДРОЗДИНСКИ	Введение в изучение стратегического дискурса. Вступительные рассуждения
23	ЕЛЕНА ЕГОРОВА	<i>Административный восторг:</i> крылатое слово Достоевского как средство оценки в тексте СМИ
35	ТАТЬЯНА КАНАНОВИЧ	Имидж Ярослава Качиньского в политическом дискурсе польской публицистики (на материале социально-политических еженедельников)
55	ЗОЯ НОВОЖЕНОВА	Мистико-эзотерические ценности vs. ценности массовой культуры в коммуникативно-речевых практиках россиян: конфликт интересов
80	УГО ПЕРСИ	<i>Sentiment analysis:</i> главные теоретические аспекты и некоторые прикладные подходы
92	АНДЕЙ ПОЛОНСКИЙ	Интолерантность и ее виды в дискурсе современных российских СМИ
105	АЛИЦИЯ ПСТЫГА	Оценочность в медийном тексте — интерпретации переводчика
119	ЖАННА СЛАДКЕВИЧ	Правда и фейк в аксиологическом ракурсе (на примере цифрового медиаресурса)
145	ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВА МИХАИЛ РЫБАКОВ АЛИЦИЯ ПСТЫГА	Разрушение флективности современного русского языка с позиций системной типологии языков Геннадия П. Мельникова
		* * *
162	КАТАЖИНА ЯСТЖЕМБСКА	Модернистские тенденции в романе <i>Ночные дороги</i> Гайто Газданова
180	МИРОСЛАВА МИХАЛЬСКА-СУХАНЕК	Новейшая русско-израильская литература. Очерк вопроса
		РЕЦЕНЗИИ
198	ЛЮДМИЛА ЛУЦЕВИЧ	Ludmiła Mnich, <i>Шекспир в русской теории первой половины XX века</i> , Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, Siedlce 2019
		ОТЧЕТЫ
202	МАРТА ХАЩЕВИЧ-РЫДЭЛЬ ОЛЬГА СЕМОНЫСКА МАТЕУШ СВЕТИЦКИ АННА СВЕТЛИК КАТАЖИНА УЧКЕВИЧ	Отчет о XIII Международной конференции славистов в рамках цикла <i>Великие темы культуры в славянских литературах. Память</i> (16–17 мая 2019 г., Вроцлав)
209	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	

TABLE OF CONTENTS

VALUES AND VALUATION IN MEDIA DISCOURSE

guest editor

ALICJA PSTYGA

PROFESSOR JÓZEF SMAGA (1937–2019)

9	ALICJA PSTYGA	Preface
14	TOMASZ DROZDZIŃSKI	Introduction to research on strategic discussion. Initial considerations
23	ELENA YEGOROVA	<i>Administrative delight</i> : Dostoevsky's figure of speech as means of expressing the evaluation in mass media
35	TATIANA KANANOWICH	Image of Jarosław Kaczyński in political discourse of Polish journalism (on the material of opinion-based weeklies)
55	ZOJA NOVOZHENOVA	Mystic and esoteric values vs. values of the mass culture in communicative practices of Russians: the conflict of objectives
80	UGO PERSI	<i>Sentiment analysis</i> : the main theoretical prerequisites and some empirical application
92	ANDREI POLONSKY	Intolerance and its types in the discourse of modern Russian mass media
105	ALICJA PSTYGA	Valuation in media discourse — translator's interpretations
119	ZHANNA SLADKEVICH	True and fake in axiological perspective (on the example of digital media resources)
145	OLGA VALENTINOVA MIKHAIL RYBAKOV ALICJA PSTYGA	Violation of flectionality in contemporary Russian language from the standpoint of Gennadiy P. Melnikov's systemic typology of languages

* * *

162	KATARZYNA JASTRZĘBSKA	The modernist tendencies in the novel <i>Night roads</i> by Gaito Gazdanov
180	MIROŚŁAWA MICHALSKA-SUCHANEK	The latest Russian-Israeli literature. Outline of the issue

R E V I E W S

198	LUDMIŁA ŁUCEWICZ	Ludmiła Mnich, <i>Шекспир в русской теории первой половины XX века</i> , Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, Siedlce 2019
-----	------------------	--

R E P O R T S

202	МАРТА ХАЩЕВИЧ-РЫДЭЛЬ ОЛЬГА СЕМОНЬСКА МАТЕУЩ СВЕТЛИЦКИ АННА СВЕТЛИК КАТАЖИНА УЧКЕВИЧ	Report on The 13th International Slavic Studies Conference <i>The Great Topics of Culture in Slavic Literatures. Memory</i> (Wrocław, May 16–17, 2019)
-----	---	--

209	ABOUT AUTHORS	
-----	---------------	--

Foto. Waclaw Klag

PROFESOR JÓZEF SMAGA (1937–2019)

12 listopada na Cmentarzu Batowickim w Krakowie pożegnaliśmy Profesora Józefa Smagę. Profesor przez całe życie zawodowe związany był z WSP w Krakowie, dzisiejszym Uniwersytetem Pedagogicznym. Wchodził także w skład Komitetu Słowianoznawstwa PAN w Warszawie. Należał do Komisji Słowianoznawstwa oddziału PAN w Krakowie.

Zainteresowania Józefa Smagi były bardzo rozległe. Przedmiot Jego badań stanowiły zasadnicze problemy literatury, kultury i historii Rosji. Pisał m.in. o twórczości Fiodora Dostojewskiego, Maksyma Gorkiego, Aleksandra Sołżenicyna, Andrija Bitowa, Wiktora Astaffjewa, Władimira Szarowa. Zajmował się modernizmem rosyjskim (*Dekadentyzm w Rosji*, 1981) i współczesną literaturą rosyjską (*Rosyjska radziecka literatura współczesna (od 1954 r.)*, 1982). Ze szczególną pasją badał polityczne dzieje Rosji w XX wieku (*Narodziny i upadek imperium. ZSRR 1917–1991*, 1992). Po 1980 roku aktywnie uczestniczył w działalności konspiracyjnej, uprawiał publicystykę i drukował w wydawnictwach podziemnych.

Z pracą naukową łączy się jeszcze jeden wymiar życiowego dzieła Józefa Smagi — kształcenie młodych kadr naukowych z wielu ośrodków akademickich w Polsce. Pozostawał bowiem przez lata niestrudżonym recenzentem rozpraw doktorskich i habilitacyjnych, wnikliwym czytelnikiem i rozmówcą.

Dziękujemy, Panie Profesorze!

ALICJA PSTYGA

Uniwersytet Gdański

 ORCID <http://orcid.org/0000-0001-6933-2132>

WPROWADZENIE

Język w mediach nie jest jednolity, nie jest też neutralny, a poszczególne media wpływają zarówno na język, jak i zasady porozumiewania się. Badania mediów w zakresie języka i dyskursów ujawniają zmediatyzowane interpretacje rzeczywistości, które wpływają na zachowania językowe poszczególnych społeczności. Przekazy medialne stają się więc przestrzenią, w obrębie której wartości i wartościowanie zyskują wymiar szczególny.

Rozumiejąc pojęcie publicznego dyskursu medialnego jako nadrzędne wobec innych dyskursów: prasowego, internetowego, telewizyjnego i radiowego, zgodnie z interpretacją wielu badaczy należy przyjąć, że dyskurs medialny jest zdarzeniem komunikacyjnym silnie osadzonym w kontekście społecznym, kulturowym, politycznym. Badacze mediów mówią przy tym o wielości dyskursów – wielowymiarowych, krzyżujących się, dynamicznych, z bogatą aksjologią, zróżnicowaniem językowym i otwartością – stosownie do potrzeby komunikacyjnej i atrakcyjności medialnej, w których punkt widzenia wpływa na specyficzny sposób obrazowania i ekspresji. Wartości determinują więc procesy informacyjne i wizję rzeczywistości. Zdaniem Michała Głowińskiego „nadawanie wartości, wprowadzanie czynnika aksjologicznego jest stałym komponentem [...] wszelkiego mówienia”¹. Wartościowanie jest zjawiskiem wieloaspektowym, niejednorodnym, ściśle powiązaniem z przestrzenią komunikacyjną. Jadwiga

¹ M. Głowiński, *Wartościowanie w badaniach literackich a język potoczny*, w: S. Sawicki, W. Panas (red.), *O wartościowaniu w badaniach literackich*, Wydawnictwo KUL, Lublin 1986, s. 180.

Puzynina dostrzega przy tym, „jak dalece wszystkie nasze teksty są przesycone nie zawsze przez nas uświadamianym wartościowaniem”².

Wartości i wartościowanie w dyskursie medialnym przyjęliśmy jako główny temat, wokół którego koncentrowały się referaty oraz dyskusje rusycystów z Gdańska, Bergamo, Białgorodu i Moskwy podczas ostatniego seminarium zorganizowanego w ramach działalności afiliowanej przy Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego Pracowni Badań nad Komunikowaniem Medialnym (12 kwietnia 2019 roku). Wystąpienia te stały się podstawą publikacji prezentowanych w bloku tematycznym pod tym samym tytułem: *Wartości i wartościowanie w dyskursie medialnym*. Składa się nań dziewięć artykułów, z których każdy przedstawia osobliwości wybranego fragmentu współczesnej medialnej przestrzeni dyskursywnej i właściwego mu problemu szczegółowego — przede wszystkim Rosjan, aczkolwiek niektóre z nich mają wymiar bardziej ogólny, odnosząc się do zagadnień aktualnych dla każdej społeczności językowej.

Tomasz Drozdziński w pracy *Wprowadzenie do badań nad dyskursem strategicznym. Rozważania wstępne (Введение в изучение стратегического дискурса. Вступительные рассуждения)* przedstawia rozważania dotyczące postulowanego pojęcia dyskursu strategicznego i jego podstawowych kategorii. W perspektywie badań interdyscyplinarnych — językoznawstwa oraz nauk o bezpieczeństwie — analizuje on zjawisko komunikacji strategicznej.

Artykuł Jeleny Jegorowej *Upojenie administracyjne: skrzydlate słowo Dostojewskiego jako językowy środek wartościowania w tekście medialnym (Административный восторг: крылатое слово Достоевского как средство оценки в тексте СМИ)* zawiera analizę związku wyrazowego *upojenie administracyjne* (który po raz pierwszy został użyty przez Dostojewskiego w powieści *Biesy* w odniesieniu do samowoli urzędników) i jego realizacji w dyskursie medialnym. Aktualne konteksty występowania tej frazy i jej odpowiedników w rosyjskich, ukraińskich i polskich tekstach medialnych zdaniem autorki pozwalają sądzić o zmianie semantyki i poszerzeniu możliwości użycia, a zatem uniwersalności wartościującej frazy Dostojewskiego.

Artykuł Tatiany Kananowicz *Wizerunek Jarosława Kaczyńskiego w dyskursie politycznym polskiej publicystyki (na materiale tygodników opinii) [Имидж Ярослава Качиньского в политическом*

² Zob. J. Puzynina, *Wokół języka wartości*, w: J. Bartmiński (red.), *Język w kręgu wartości*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2003, s. 30.

дискурсе польской публицистики (на материале социально-политических еженедельников)] przynosi omówienie semantycznej struktury pozytywnego i negatywnego wizerunku jednego z polskich polityków — Jarosława Kaczyńskiego. Materiał został zaczerpnięty z dwóch konkurujących ze sobą tygodników opinii — „Newsweek Polska” i „Sieci”. Wizerunek w tym ujęciu jawi się jako złożony konstrukt semantyczny, składający się z co najmniej kilku prezentacji semantycznych, skoncentrowanych wokół tzw. etykiet (bazowych nominacji). Dodatkową wartością tej pracy stanowią objaśnienia materiału dla odbiorcy rosyjskojęzycznego.

Artykuł Zoi Nowożenowej *Mistyczno-ezoteryczne wartości vs. wartości kultury masowej w komunikacyjnych praktykach Rosjan: konflikt interesów* (*Мистико-эзотерические ценности vs. ценности массовой культуры в коммуникативно-речевых практиках россиян: конфликт интересов*) przedstawia proces kształtowania się w komunikacyjnej przestrzeni Rosjan dyskursu ezoterycznego, propagującego wartości ezoteryczne. Zdaniem autorki na peryferiach tego dyskursu, przede wszystkim w przestrzeni medialnej, można dostrzec zjawisko przenikania do obszaru ezoterycznego wartości kultury masowej, co na poziomie praktyk dyskursywnych przejawia się w deformowaniu kanonów gatunków dyskursu ezoterycznego — horoskopu i gatunku kultury masowej — reklamy.

Ugo Persi, zgodnie z zaproponowanym tytułem — *Sentiment analysis: główne aspekty teoretyczne oraz wybrane zastosowania praktyczne w zakresie analizy opinii i nastrojów (sentymentu)* (*Sentiment analysis: главные теоретические аспекты и некоторые прикладные подходы*) — przedstawia stosunkowo nowy temat i główne założenia teoretyczne w zakresie rozwoju metod *Sentiment Analysis* oraz możliwości poszerzenia ich praktycznych zastosowań w takich sferach komunikacji jak marketing, usługi, media społecznościowe i blogi.

Andriej Połonski w pracy *Nietolerancja i jej przejawy w dyskursie współczesnych mediów rosyjskich* (*Интолерантность и ее виды в дискурсе современных российских СМИ*) rozpatruje problem nietolerancji jako wyjątkowo aktualny we współczesnym świecie, zwłaszcza w odniesieniu do normy kulturowej i komunikacyjnej. Dowodzi, że główne zasady moralne, światopoglądowe, komunikacyjne wpływają na dominujący w społeczeństwie typ zmiennych sensów i wartościowań w wypowiedziach i w tekstach. Autor przedstawia przejawy nietolerancji na przykładzie współczesnych mediów rosyjskich.

Artykuł *Wartościowanie w tekście medialnym – interpretacje tłumacza (Оценочность в медийном тексте – интерпретации переводчика)* dotyczy problemu zmienności aksjologicznej w procesie przekładu tekstów medialnych. Na przykładzie rosyjskich tekstów medialnych przełożonych na język polski, w których różne środki bywają wykorzystywane jako nośniki konotacji wartościujących, przedstawiając temat wypowiedzi w sposób negatywny bądź pozytywny, Alicja Pstyga zwraca uwagę na stopień odtworzenia (*vs.* zmiany) wartościowania. Globalna ocena oryginału i przekładu w odniesieniu do tekstów prasowych (medialnych) pozwala bowiem dostrzec także inne elementy ich struktury, których obecność, wyróżnienie lub pominięcie może wpływać na znak wartości całego komunikatu.

Rozważania Żanny Śładkiewicz w opracowaniu *Prawda i fałsz w aksjologicznej perspektywie (na przykładzie cyfrowych zasobów medialnych) [Правда и фейк в аксиологическом ракурсе (на примере цифрового медиадискурса)]* dotyczą stosunku aksjologicznych kategorii prawdy i fałszu w cyfrowej przestrzeni informacyjnej. Ewolucja mediów internetowych zakwestionowała podstawowe zasady dziennikarstwa zorientowanego na obiektywność i wiarygodność w przekazywaniu treści, na co wskazuje funkcjonowanie takich fałszywych informacji, jak clickbait, wiralna reklama, fejkowe aplikacje i programy, witryny do generowania fałszywych informacji, cyfrowe algorytmy służące do audiowizualnego fałszowania treści.

Olga I. Walentinowa, Michaił A. Rybakow i Alicja Pstyga – autorzy artykułu *Naruszenie fleksyjności we współczesnym języku rosyjskim z perspektywy typologii systemowej języków Giennadija P. Mielnikowa (Разрушение флективности современного русского языка с позиций системной типологии языков Геннадия П. Мельникова)* proponują analizę i ocenę faktów językowych, które – ze względu na częste występowanie w przestrzeni dyskursu publicznego Rosjan – prowadzą do zaburzenia systemu fleksyjnego współczesnego języka rosyjskiego. Zjawisko to, jak wskazuje tytuł, autorzy rozpatrują z perspektywy typologii systemowej języków Giennadija P. Mielnikowa.

WPROWADZENIE

BIBLIOGRFIA

Głowiński, Michał. "Wartościowanie w badaniach literackich a język potoczny." 176–198. Sawicki, Stefan. Panas, Władysław (Eds.). *O wartościowaniu w badaniach literackich*. Lublin: Wydawnictwo KUL, 1986.

Puzynina, Jadwiga. "Wokół języka wartości." 19–34. Bartmiński, Jerzy (Ed.). *Język w kręgu wartości*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2003.

Алиция Пстыга

ВВЕДЕНИЕ

Резюме

Оценочность является неотъемлемым элементом человеческой концептуализации и категоризации, что обуславливает соотношение структуры языка с системой ценностей и языковой картиной мира. В статье обсуждается проблема ценностей, оценки и оценочности в медийном дискурсе, которую авторы рассматривают с точки зрения русскоязычных медиатекстов и медийной коммуникации. Авторы статей предлагают анализ и оценку происходящих в актуальной медийной коммуникации явлений.

Alicja Pstyga

VALUES AND VALUATION IN MEDIA DISCOURSE. INTRODUCTION

Summary

Valuation is an important element of conceptualisation and categorisation, therefore close relationships can be observed between a language and the system of values of its users, as well as their view of the world. The paper touches the matter of values and valuation in media discourse which is presented from the perspective of Russian media texts and communication. The authors of the articles discuss the phenomena characteristic for speech works of different functional styles in media discourse.

TOMASZ DROZDZIŃSKI

Uniwersytet Gdański

 ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8877-0477>

WPROWADZENIE DO BADAŃ NAD DYSKURSEM STRATEGICZNYM ROZWAŻANIA WSTĘPNE

WSTĘP

Celem niniejszego artykułu jest przedstawienie rozważań dotyczących postulowanego pojęcia dyskursu strategicznego i jego podstawowych kategorii. Artykuł, odwołując się do dwóch dyscyplin naukowych — językoznawstwa oraz nauk o bezpieczeństwie — służyć ma spojrzeniu na zjawisko komunikacji strategicznej między podmiotami bezpieczeństwa narodowego, zwłaszcza państw z perspektywy teorii dyskursu. Sprowadza się to w istocie do poszukiwania odpowiedzi na dwa pytania: 1) czy i jak można zastosować model dyskursu do opisywania komunikacji strategicznej między państwami? 2) w jaki sposób państwa toczą ze sobą dyskurs?

Współczesny świat to przestrzeń ścierania się dyskursów, w ramach których ludzie komunikują się, za pomocą języka opisując, oceniając i wpływając na kształt otaczającego ich świata. Jednym z najbogatszych rezerwuarów tematycznych współczesnych dyskursów są wartości, wokół których prowadzone są rozważania, spory i otwarte konflikty. Człowiek niestrudzenie na nowo opisuje, konstruuje i interpretuje takie wartości jak zdrowie, miłość, dobro, prawda czy piękno. Potrzebujemy wartości i dążymy do nich. Niektóre z nich można nazwać potrzebami, których zaspokojenia człowiek pragnie. Wartością, która niewątpliwie ma taki wymiar, jest bezpieczeństwo — zarówno osobiste, jak i zbiorowe¹.

¹ E. Nowak, M. Nowak, *Zarys teorii bezpieczeństwa narodowego. Zarządzanie bezpieczeństwem*, Difin, Warszawa 2011, s. 13–15.

Bezpieczeństwo, choć posiada wiele rozmaitych definicji, również na gruncie polskiej teorii bezpieczeństwa, sprowadza się w istocie do dwóch powiązanych ze sobą, procesów – trwania i rozwoju. Bezpieczeństwo to taki ciągły stan, w którym dany podmiot (osoba, grupa, społeczność, naród lub państwo) może trwać w sposób niezakłócony oraz swobodnie się rozwijać, zgodnie z samodzielnie obranymi kierunkami i dynamiką. Niezakłócone trwanie i swobodny rozwój to potrzeba, wartość i cel sam w sobie. To interesy, które domagają się realizacji przez podmiot, który dąży do zapewnienia sobie bezpieczeństwa. Jeśli więc mówimy, dyskutujemy o bezpieczeństwie, to dyskutujemy o naszych potrzebach, wartościach i interesach (celach). Dyskusję wokół spraw bezpieczeństwa obserwujemy i uczestniczymy w niej każdego dnia. Współczesny świat to świat dyskursu o bezpieczeństwie, można by rzec, dyskursu strategicznego².

ISTOTA I CECHY DYSKURSU

Czym jest dyskurs? Profesor Uniwersytetu Paryskiego Dominique Maingueneau definiuje go jako „działanie użytkowników [języka – T.D.] wpisanych w określone konteksty”³. W definicji tej wskazano na trzy istotne cechy dyskursu. Po pierwsze, ma on charakter wielogłosowy. Jest dialogiem lub polilogiem „użytkowników”, a nie monologiem „użytkownika”. Po drugie, jest procesem (ciągłym lub cyklem zdarzeń) oraz przejawem ich aktywności („działanie”). Po trzecie, ma miejsce w określonym kontekście, np. kulturowym, społecznym, politycznym i technologicznym. Warto zwrócić uwagę, że w przywołanej definicji to użytkownicy, a nie ich wypowiedzi, wpisani są w kontekst. Jest więc dyskurs wielogłosowym ciągiem zdarzeń osadzonym w pewnym kontekście.

Na pozajęzykowe środowisko, w którym dyskurs się odbywa, zwracają uwagę polscy i rosyjscy uczeni. Wybitna polska dyskur-

² P.D. Williams, *Badania bezpieczeństwa. Wprowadzenie*, w: P.D. Williams (red.), *Studia bezpieczeństwa*, przeł. W. Nowicki, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2012, s. 5–6; W. Kitler, *Bezpieczeństwo narodowe Rzeczypospolitej Polskiej. Podstawowe kategorie. Uwarunkowania. System*, Akademia Obrony Narodowej, Warszawa 2011, s. 22–24; E. Nowak, M. Nowak, *Zarys teorii bezpieczeństwa narodowego...*, s. 16–23.

³ D. Maingueneau, *Les termes clés de l'analyse du discours*, Paryż 1996, s. 28. Cyt. za: U. Dąmbska-Prokop (red.), *Mała encyklopedia przekładoznawstwa*, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Języków Obcych i Ekonomii EDUCATOR, Częstochowa 2000, s. 63.

sywistka, profesor Anna Duszak, definiując dyskurs następująco: „określona werbalizacja (tekst), jak i czynniki pozajęzykowe, które jej towarzyszą, tj. przede wszystkim określona sytuacja użycia oraz jej uczestnicy”⁴, podkreśliła znaczenie uczestników dyskursu jako części ekstralingwistycznego środowiska dyskursu. Jego kontekst składa się również ze zindywidualizowanych osobliwości profilu uczestników.

Podobnie problematykę tę ujmuje Zoja Komarowa, opisując dyskurs jako „złożone zjawisko komunikacyjne, zawierające w sobie, obok tekstu, także pozajęzykowe czynniki: orientacje i cele adresatów, ich opinie, samoocenę i ocenę innych [tłumaczenie — T.D.]”⁵. Dyskurs, zdaniem rosyjskiej językoznawczyni, jest zatem procesem komunikacji (nadawania, odbierania i interpretacji) między podmiotami o określonych cechach indywidualnych, które to cechy wpływają na jego przebieg.

W ramach dyskursu, definiowanego w powyższy sposób, uczestnicy dążą do wywarcia sprawczego wpływu na pozostałych uczestników oraz na rzeczywistość, w której dochodzi od kreowanych zdarzeń językowych. Podmiot uczestniczący w dyskursie nie tylko komunikuje swoje intencje i oceny, ale także przekonuje, mobilizuje i porusza.

Komunikacyjny aspekt dyskursu akcentuje definicja zaproponowana przez profesora Stanisława Grabiasa: „ciąg zachowań językowych, których postać zależy od tego, kto mówi, do kogo, w jakiej sytuacji i w jakim celu”⁶. Polski uczony wskazuje przy tym na interakcję między uczestnikami dyskursu oraz na ich cele, których emanacją jest „postać”, a zatem forma tekstów. Nie sposób bowiem nie dostrzec potencjału wpływania celu i funkcji tekstu na jego formę, np. organizację stylistyczną⁷. Konstruując model dyskursu w oparciu o tę defi-

⁴ A. Duszak, *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*, Warszawa 1998, s. 19. Cyt. za: R. Grzegorzczkova, *Wstęp do językoznawstwa*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2007, s. 41.

⁵ З. И. Комарова, *Методология, метод и технология научных исследований в лингвистике. Учебное пособие*, Уральский федеральный университет, Екатеринбург 2012, s. 282.

⁶ S. Grabias, *Język w zachowaniach społecznych*, Lublin 1994, s. 231. Cyt. za: R. Grzegorzczkova, *Wstęp do językoznawstwa...*, s. 41.

⁷ З. Недомова, *Функциональная стилистика русского языка (Funkční stylistika ruského jazyka)*, Ostravská univerzita, Ostrava 2010, s. 10–11, 14, 16–17; D. Zdunkiewicz-Jedynak, *Wykłady ze stylistyki*, wyd. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2008, s. 15; H. Kurkowska, S. Skorupka, *Stylistyka polska. Zarys*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2001, s. 20.

nicję, można by wyróżnić trzy kategorie: 1) podmioty (uczestników) dyskursu, 2) ich cele i intencje oraz 3) kontekst.

Cechą dyskursu, której nie należy pomijać, jest jego ograniczoność przedmiotowa. Dyskurs jest zjawiskiem zindywidualizowanym, unikalnym i konkretnym. Odbywa się wokół określonego problemu, w granicach określonych dążeń, w ramach określonej tematyki. Posiada pewnego rodzaju pole przedmiotowe, którego granice cechują się względną elastycznością. Rozwijanie się dyskursu, występowanie kolejnych zdarzeń językowych oraz zmiany pozajęzykowego środowiska, w którym do nich dochodzi, powoduje, że pole przedmiotowe, problematyka danego dyskursu ulega bądź poszerzeniu i uogólnieniu, bądź zawężeniu i uszczegółowieniu⁸.

STRATEGIA I KOMUNIKACJA STRATEGICZNA

Niewykluczone, że zarysowany powyżej model oraz cechy dyskursu można stosować nie tylko do rozpoznawania komunikacji językowej między osobami, środowiskami i grupami społecznymi (np. w ramach dyskursu naukowego czy medialnego), ale także do opisywania i lepszego zrozumienia mechanizmów rządzących tzw. komunikacją strategiczną.

Czym zatem jest strategia? W niniejszym artykule, odwołującym się do wyrastającej z politologii dyscypliny nauk o bezpieczeństwie, strategia nierozłącznie związana jest ze wspomnianym pojęciem bezpieczeństwa, rozumianego jako ciągły stan niezakłóconego trwania oraz swobodnego rozwoju. Teoretycy strategii z Wydziału Strategiczno-Obronno Akademii Obrony Narodowej (obecnie Akademia Sztuki Wojennej w Warszawie) definiują strategię jako „teorię i praktykę określającą sposoby myślenia i działania przedstawicieli najwyższych władz w danej dziedzinie, charakteryzujące się [...] umiejętnością pozyskiwania zasobów dla osiągnięcia założonych celów”⁹. Kluczowe aspekty tej definicji to wspomniane „myślenie i działanie”, a także „założone cele”, które znajdują ekwiwalenty w ramach rozważań dotyczących dyskursu, w szczególności takie jak cele, intencje i zachowania jego uczestników.

Podobnie pojęcie strategii ujmuje profesor Stanisław Koziej, emerytowany oficer polskich sił zbrojnych i teoretyk bezpieczeństwa:

⁸ U. Dąbska-Prokop (red.), *Mała encyklopedia przekładoznawstwa...*, s. 64.

⁹ B. Zdrodowski (red.), *Słownik terminów z zakresu bezpieczeństwa narodowego*, Akademia Obrony Narodowej, Warszawa 2008, s. 126.

„teoria i praktyka kierowania sprawami bezpieczeństwa danego podmiotu przez naczelnego decydenta (indywidualnego lub zbiorowego), w tym zwłaszcza ustalania celów bezpieczeństwa oraz sposobów ich osiągnięcia”¹⁰. Definicja generała Kozieja wskazuje na dwa najważniejsze elementy strategii: określanie celów (interesów) oraz ich realizację.

Waldemar Kitler, uznany badacz systemów bezpieczeństwa narodowego, strategię określił jako „naukę i sztukę (zamiennie: teorię i praktykę) działania państwa zmierzającego do osiągnięcia założonych celów we wszystkich dziedzinach jego działalności, przy wykorzystaniu wszelkich, będących w jego dyspozycji środków i zasobów”¹¹, akcentując totalny stosunek strategii do dziedzin życia państwowego.

Strategia zatem, zgodnie z powyższymi opisami, jest ustalaniem celów (interesów) bezpieczeństwa narodowego danego podmiotu przez jego władze oraz realizacja tych celów za pomocą dobranych środków. Należy przy tym zwrócić uwagę, że za ów „podmiot bezpieczeństwa narodowego”, współczesne nauki o bezpieczeństwie, czerpiąc z dorobku nauk o stosunkach międzynarodowych, uznają przede wszystkim państwo jako zorganizowaną wspólnotę ludności, zamieszkującą określone terytorium, nad którym sprawuje suwerenną władzę polityczną uznaną przez społeczność międzynarodową¹².

Dążąc do realizacji swoich interesów strategicznych, państwa podejmują wysiłek na rzecz możliwie najbardziej efektywnego doboru środków i zasobów. Narzędziem zapewnienia trwania i rozwoju jest także język i komunikacja. Państwa nieustannie komunikują swoje zamierzenia strategiczne oraz realizują je, wykorzystując środki o charakterze językowym i komunikacyjnym. Ten ciągły proces nazywany jest komunikacją strategiczną.

¹⁰ S. Koziej, *Bezpieczeństwo: istota, podstawowe kategorie i historyczna ewolucja*, „Bezpieczeństwo Narodowe” 2011, nr 18, s. 21.

¹¹ W. Kitler, *Bezpieczeństwo narodowe Rzeczypospolitej Polskiej. Podstawowe kategorie. Uwarunkowania. System*, Akademia Obrony Narodowej, Warszawa 2011, s. 38.

¹² T. Łoś-Nowak, *Uczestnicy stosunków międzynarodowych*, w: T. Łoś-Nowak (red.), *Współczesne stosunki międzynarodowe. Podręcznik akademicki*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2010, s. 53–62; I. Popiuk-Rysińska, *Uczestnicy stosunków międzynarodowych. Ich interesy i oddziaływanie*, w: E. Haliżak, R. Kuźniar (red.), *Stosunki międzynarodowe. Geneza, struktura, dynamika*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2000, s. 86–96.; P. D. Williams, *Badania bezpieczeństwa. Wprowadzenie*, w: P. D. Williams (red.), *Studia bezpieczeństwa...*, s. 7–8.

Do rozwoju teorii i sztuki komunikacji strategicznej w przestrzeni europejskiej oraz euroatlantyckiej przyczynia się stworzone w 2014 roku Centrum Doskonalenia Komunikacji Strategicznej Paktu Północnoatlantyckiego (NATO) w Rydze. Ośrodek ten stosuje definicję komunikacji strategicznej, która brzmi następująco: „koordynacja działań, słów i obrazów [wyobrażeń — T. D.] służących wywarceniu wpływu na zachowania oraz opinie kluczowych odbiorców w celu osiągnięcia zamierzeń strategicznych”¹³.

Komunikacja strategiczna w tak nakreślonych granicach znaczeniowych, podobnie jak i dyskurs, charakteryzuje się dążeniem jej uczestników do wywarcia sprawczego wpływu na odbiorcę oraz na środowisko, w którym się odbywa.

DYSKURS STRATEGICZNY

Językoznawczy model dyskursu koresponduje z pojęciem komunikacji strategicznej. Być może wskazane byłoby nawet używanie terminu „dyskurs strategiczny” dla oznaczenia komunikacji strategicznej między podmiotami bezpieczeństwa narodowego, zwłaszcza państwami, oraz ciągu ich zachowań językowych (komunikatów), do których dochodzi w dającym się określić pozajęzykowym kontekście.

W modelu rozumianego w ten sposób dyskursu strategicznego uczestnikami wielogłosowego procesu komunikacji (dialogu) byłyby podmioty bezpieczeństwa narodowego, w szczególności państwa, a właściwie ich przywódcy lub przedstawiciele kolegialnych czynników decydujących i wpływających, wypowiadający się (formułujący komunikaty) niejako w imieniu danego państwa.

Komunikaty strategiczne (zachowania językowe), nadawane przez uczestników prowadzących dyskurs, mają w proponowanym modelu charakter narzędzia służącego realizacji interesów bezpieczeństwa państwa. Ich celem jest wywarcie takiego sprawczego wpływu na innych uczestników dyskursu, których możemy nazwać odbiorcami aktywnymi, a także na audytorium składające się z odbiorców biernych (media, społeczeństwa danych państw, konkretne

¹³ C. Paul, *Strategic Communication: Origins, Concepts, and Current Debates*, Praeger, Santa Barbara 2011, cyt. za: *Hybrid Threats. A Strategic Communications Perspective*, Centrum Doskonalenia Komunikacji Strategicznej NATO, Ryga 2019, s. 21. Tłumaczenie — T.D.

jednostkowe osoby), który sprawi lub może przyczynić się do tego, że stan bezpieczeństwa danego państwa (szanse na niezakłócone trwanie i nieskrępowany charakter dalszego rozwoju) zostanie ugruntowany i poprawiony.

Komunikaty w ramach dyskursu strategicznego osadzone byłyby w konkretnym kontekście, funkcjonowałyby w otoczeniu określonych czynników pozajęzykowych. Przykładami takich czynników mogą być różnice potencjałów uczestników dyskursu (kondycji gospodarczej, potęgi militarnej, zdolności do oddziaływania politycznego), ich intencje, zamierzenia, sposób postrzegania (różnice na poziomie psychologicznym oraz kulturowym), dokonane oceny, ich niepewność w stosunku do kolejnych zachowań innych uczestników dyskursu, ale także np. możliwości technologiczne (techniczne kanały nadawania komunikatów, ich skuteczność i zasięg).

Problematyka dyskursu strategicznego jako dyskursu o interesach bezpieczeństwa państwa i na rzecz ich realizacji niewątpliwie, wymaga pogłębionych badań i prac koncepcyjnych, by wyczerpująco przedstawić jego strukturę, najważniejsze kategorie i cechy. Jednym z najbardziej obiecujących obszarów badań w tym zakresie jest stylistyka komunikacji strategicznej. Złożoność tej problematyki związana jest z różnorodnością form organizacji stylistycznej komunikatów strategicznych, niektórymi cechami tej komunikacji, w której mogą występować zarówno wypowiedzi oficjalne, gdy komunikat kierowany jest bezpośrednio do innego uczestnika, np. z wykorzystaniem kanału dyplomacji, bądź wypowiedzi publicystyczne, gdy komunikat strategiczny ma dotrzeć do innego uczestnika (państwa) oraz jego zaplecza społecznego i medialnego. Interesującym zjawiskiem w ramach komunikacji strategicznej jest także nierzadko idiolektyczny charakter zachowań językowych przywódców państw¹⁴.

ZAKOŃCZENIE

Niniejszy artykuł jest przyczynkiem do podjęcia pogłębionych badań w zakresie dyskursu strategicznego. Materiału do badań dostarcza nieustający łańcuch zdarzeń komunikacyjnych w przestrzeni międzypaństwowej rządzący się zmienną, ale trwale wysoką dynamiką

¹⁴ М. Н. Кожина (red.), *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, «Флинта», Москва 2011 s. 95–99, 273–277, 312–315; U. Dąmbska-Prokop (red.), *Mała encyklopedia przekładoznawstwa...*, s. 218–219.

następowania po sobie kolejnych zdarzeń. Niewykluczone, że wnikliwa obserwacja i analiza zachowań uczestników dyskursu stanie się źródłem inspiracji badawczych zarówno w obszarze zainteresowań językoznawczych, jak i politologicznych.

BIBLIOGRAFIA

- Dąbmska-Prokop, Urszula (Ed.). *Mała encyklopedia przekładoznawstwa*. Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Języków Obcych i Ekonomii EDUCATOR, 2000.
- Duszak, Anna. *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998.
- Grabias, Stanisław. *Język w zachowaniach społecznych*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1994.
- Grzegorzczkova, Renata. *Wstęp do językoznawstwa*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007.
- Haliżak, Edward, Kuźniar, Roman (Eds.). Popiuk-Rysińska, Irena. "Uczestnicy stosunków międzynarodowych. Ich interesy i oddziaływania." *Stosunki międzynarodowe. Geneza, struktura, dynamika*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2000. 86–106.
- Hybrid Threats. A Strategic Communications Perspective*. Ryga: Centrum Doskonalenia Komunikacji Strategicznej NATO, 2019.
- Kitler, Waldemar. *Bezpieczeństwo narodowe Rzeczypospolitej Polskiej. Podstawowe kategorie. Uwarunkowania. System*. Warszawa: Wydawnictwo Akademii Obrony Narodowej, 2011.
- Komarova, Zoya I. *Metodologiya, metod i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike. Uchebnoye posobiye*. Yekaterinburg: Ural'skiy federal'nyy universitet, 2012 [Комарова, Зоя И. *Методология, метод и технология научных исследований в лингвистике. Учебное пособие*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2012].
- Koziej, Stanisław. "Bezpieczeństwo: istota, podstawowe kategorie i historyczna ewolucja." 19–39. *Bezpieczeństwo Narodowe 2011*, no. 18.
- Kozhina, Margarita (Ed.). *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Flinta, 2011. [Кожина, Маргарита (Ред.). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва: Флинта, 2011].
- Kurkowska, Halina, Skorupka, Stanisław. *Stylistyka polska. Zarys*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001.
- Łoś-Nowak, Teresa. "Uczestnicy stosunków międzynarodowych." Łoś-Nowak, Teresa (Ed.). *Współczesne stosunki międzynarodowe. Podręcznik akademicki*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010. 53–74.
- Maingueneau, Dominique. *Les termes clés de l'analyse du discours*. Paryż: Éditions du Seuil, 1996.
- Nedomova, Zdenka, *Funktsional'naya stilistika russkogo yazyka (Funkční stylistika ruského jazyka)*. Ostrava: Ostravská univerzita, 2010 [Недомова, Зденка, *Функциональная стилистика русского языка (Funkční stylistika ruského jazyka)*. Острава: Остравská univerzita, 2010].

- Nowak, Eugeniusz. Nowak, Maciej. *Zarys teorii bezpieczeństwa narodowego. Zarządzanie bezpieczeństwem*. Warszawa: Wydawnictwo Difin, 2011.
- Paul, Chistopher. *Strategic Communication: Origins, Concepts, and Current Debates*. Santa Barbara: Praeger, 2011.
- Williams, Paul. "Badanie bezpieczeństwa. Wprowadzenie." Williams, Paul (Ed.). *Studia bezpieczeństwa*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego 2012. 1–12.
- Zdrodowski, Bogdan (Ed.). *Słownik terminów z zakresu bezpieczeństwa narodowego*. Warszawa: Wydawnictwo Akademii Obrony Narodowej 2008.
- Zdunkiewicz-Jedynak, Dorota. *Wykłady ze stylistyki*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN 2008.

Tomasz Drozdziński

INTRODUCTION TO RESEARCH ON STRATEGIC DISCUSSION.
INITIAL CONSIDERATIONS

Summary

The article presents general considerations regarding strategic discourse. The use of the discourse model to describe the strategic communications' mechanism between national security actors, especially states, has been proposed. The subject matter of the article is interdisciplinary.

Томаш Дроздиньски

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.
ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ

Резюме

В статье представлены общие рассуждения, касающиеся стратегического дискурса, в рамках которых предлагается использование модели дискурса для описания механизма стратегической коммуникации между субъектами национальной безопасности, особенно государствами. Проблематика статьи междисциплинарная.

JELENA JEGOROWA

Uniwersytet Gdański

 ORCID <http://orcid.org/0000-0002-5844-2747>

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ: КРЫЛАТОЕ СЛОВО ДОСТОЕВСКОГО КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ СМИ

В книге, посвящённой крылатым словам, выдающийся польский лингвист Войцех Хлебда заметил, что внимание исследователей современного состояния польского языка обычно сосредоточено на языке СМИ¹. Безусловно, данное утверждение справедливо и в отношении других языков. Нельзя не согласиться и с тезисом Хлебды о том, что «[...] медиальная часть публичного дискурса не только отражает публичный дискурс определённого сообщества в данном месте и в данное время, но и в какой-то степени создаёт этот дискурс и это сообщество»².

По словам Валерия Мокиенко,

публицистический дискурс давно уже стал актуальным объектом лингвистических исследований, поскольку этого требует не только всё возрастающая прагматическая и информационная значимость средств массовой информации в современной жизни, но и собственно лингвистическая ценность их языка — языка, насыщенного повышенной экспрессивностью³.

¹ W. Chlebda, *Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2005, s. 36.

² «[...] medialna część dyskursu publicznego nie tylko odzwierciedla dyskurs publiczny pewnej społeczności danego miejsca i czasu, ale też w określonym stopniu ten dyskurs i tę społeczność tworzy». Там же, с. 38. Цитаты из польскоязычных и украинскоязычных источников приводятся в переводе автора статьи.

³ В.М. Мокиенко, *Фразеология в современной публицистике* // Х. Вальтер, В.М. Мокиенко, Ж. Финк (ред.), *Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс)*, Университет им. Эрнста Морица Арндта,

Как известно, характерной особенностью публицистического текста является сочетание информативной функции и экспрессивной. Необходимостью оказывать влияние на реципиента обусловлено широкое применение в текстах СМИ фразеологии, которая представляет собой яркое выразительное средство языка и характеризуется эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью.

Как отмечает Валерий Мокиенко, фразеологические единицы

с денотативной точки зрения практически не несут никакой новой информации и используются в текстах исключительно как характеризующее средство. Не случайно некоторые лингвисты подчёркивают, что фразеология является набором единиц — носителей «избыточной информации». Чисто информационная «избыточность фразеологии», однако, компенсируется её прагматической полноценностью как активного средства воздействия на адресата. Фразеология позволяет тонко дифференцировать излагаемую в прессе и других СМИ информацию по разным регистрам — прежде всего социально-культурным и функционально-стилистическим⁴.

Особое место среди фразеологических единиц занимают крылатые слова — устойчивые и воспроизводимые выражения индивидуально-авторского происхождения. Смысловая или оценочная коннотация, которой они осложнены, как правило, не столь очевидна, как в случае других фразеологизмов.

Многие исследователи публицистического дискурса считают одной из его характерных особенностей использование крылатых слов, аллюзий, отсылок к прецедентным текстам⁵. К прецедентным текстам, как известно, относятся культурно значимые произведения, знакомство с которыми определяет своего рода культурный статус читателя. Поэтому, с одной стороны, отмечается эффективность этого приёма как стилистического средства усиления выразительности текста и привлечения внимания. С другой — подчёркивается ориентированность на определённый

Грайфсвальд 2017, с. 26–36, http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/monografija_neu_14_febr.pdf (10.07.2019).

⁴ Там же, с. 26.

⁵ Термин «прецедентный текст» был введён в научный обиход Ю.Н. Карауловым и получил широкое распространение, а также породил ряд производных терминов, таких как «прецедентный образ», «прецедентное высказывание» и др. См.: Ю.Н. Караулов, *Русский язык и языковая личность*, Наука, Москва 1987.

ный круг читателей, поскольку понимание подтекста, выражаемого с помощью данного приёма, возможно только при наличии определённых знаний, а нередко и эрудиции у адресата.

Например, выражение *маленькая победоносная война* любым русскоговорящим человеком (так же, как и *маленька переможна війна* носителем украинского языка или *mała zwycięska wojna* говорящим на польском языке) будет понято как обозначение непродолжительного, небольшого по масштабу вооружённого конфликта, завершившегося победой его инициаторов. И только эрудит увидит в этом словосочетании скрытую иронию, критику действий правительства. Именно ёмкостью подобных выражений объясняется их способность выражать интенции автора и реализовывать прагматическую функцию. В качестве иллюстрации можно привести фрагмент публикации в интернет-издании *Свободная пресса*: «Перед визитом в Москву президент США решил провести маленькую победоносную войну с талибами»⁶, а также заголовки статей украинских и польских СМИ: *Маленька переможна війна. Яким був 2017-й для Путіна?*⁷; *Кремлю вкрай потрібна «маленька переможна війна»*⁸; *Крым: Mała, zwycięska wojna Putina?*⁹, *Rosja i mała zwycięska wojna. Dlaczego Kreml wzmacnia swoje siły na Kaukazie?*¹⁰.

Более подробно мы рассмотрим словосочетание *административный восторг*, которое также можно отнести к числу прецедентных высказываний, используемых в текстах СМИ. Однако в данном случае понимание даже носителями языка не будет однозначным. Не зная истории происхождения выражения, его можно понять как ироничное определение формализма

⁶ С. Турченко, П. Владимиров, *Обама нанёс «Удар меча» в Афганистане*, <http://svpressa.ru/all/article/10905/> (10.07.2019).

⁷ О. Гольц, *Маленька переможна війна. Яким був 2017-й для Путіна*, <https://nv.ua/ukr/opinion/malenka-peremozhna-vijna-jakim-buv-2017-j-dlja-putina-2443779.html> (10.07.2019).

⁸ *Кремлю вкрай потрібна «маленька переможна війна»*, <http://www.pic.com.ua/kremlivskym-karlykam-vkraj-potribna-malenka-peremozhna-vijna-skorishejji-imitatsiya2.html> (10.07.2019).

⁹ Ł. Fyderek, *Крым: Mała, zwycięska wojna Putina?*, <http://www.rmf24.pl/raporty/raport-ukraina/opinie/news-krym-mala-zwycieska-wojna-putina,nId,1191797> (10.07.2019).

¹⁰ P. Felgengauer, *Rosja i mała zwycięska wojna. Dlaczego Kreml wzmacnia swoje siły na Kaukazie?*, <http://www.geopolityka.org/komentarze/pawel-felgengauer-rosja-i-mala-zwycieska-wojna-dlaczego-kreml-wzmacnia-swoje-sily-na-kaukazie> (10.07.2019).

в работе или стремления угодить начальству, заискивания перед руководством.

Приведём примеры его употребления в публицистических текстах. Рудольф Пихоя в статье под названием «*Административный восторг*» и *очковтирательство как методы развития сельского хозяйства*, опубликованной в интернет-проекте *Россия в красках*, пишет следующее:

В конце 50-х и начале 60-х гг. в административной системе Советского Союза складывается такая система злоупотреблений, государственного обмана, политического фарисейства, перед которой меркнут все мошенничества чиновников Российской империи, описанной великим сатириком и знатоком отечественной бюрократии Салтыковым-Щедриным¹¹.

Игорь Олин в публикации под заголовком *Административный восторг*, размещённой на интернет-портале *ProШколу.ru*, выступает против бюрократизма в системе образования:

Героические усилия чиновников по сбору разнообразной и поражающей воображение объёмами информации не утихают ни на денёк. Кстати, их административный восторг не утихал и летом. Видимо, новые поколения бюрократов не знают, что у педагогов лето — пора отпусков, и даже усиливают сбор разнообразной информации¹².

Статья Алексея Лучникова *Административный восторг. Заметки о прошедших выборах*, опубликованная на сайте *Пермского регионального правозащитного центра*, раскрывает многочисленные административные нарушения во время выборов в органы местного самоуправления и начинается словами: «Состоявшиеся выборы были отмечены обычными административными нарушениями и необычной административной активностью»¹³.

Это выражение находим и в тексте публикации *У каждого ума свой телескоп* журналистов интернет-издания *Частный корреспондент* Дмитрия Бавильского и Игоря Манцова:

¹¹ Р. Пихоя, «*Административный восторг*» и *очковтирательство как методы развития сельского хозяйства*, <http://ricolor.org/history/rsv/aft/hr/2/> (10.07.2019).

¹² И. Олин, *Административный восторг*, <http://www.proshkolu.ru/user/igorolin/blog/530972> (10.07.2019).

¹³ А. Лучников, *Административный восторг. Заметки о прошедших выборах*, <http://www.prpc.ru/gazeta/103/delight.shtml> (10.07.2019).

Посмотрите на людей, нас окружающих. На административный восторг в глазах вахтёра, мнящего себя повелителем стихий; на сторожа, являющегося по классификации всё того же Достоевского «подпольным человеком», каждую ночь взрывающего мир. У нас даже в метро ездят не просто так, но с показом: одни демонстрируют, как им обрыдло всё, что вокруг, другие источают такую усталость или сонливость, которых просто не бывает в природе. Наш человек везде и всегда красит своё место. Он всегда больше той ситуации, в которой находится, какой бы бытовой и заурядной она ни была¹⁴.

Как видим, все цитируемые материалы посвящены проблеме бюрократии, чиновничьего произвола, должностных злоупотреблений. Поскольку анализируемое выражение не относится к числу расхожих, легко узнаваемых фраз, его значение для большинства читателей проясняется в контексте, как и источник происхождения благодаря упоминанию о русских классиках — Достоевском и Салтыкове-Щедрине.

Автор книги *От адамова яблока до яблока раздора. Происхождение слов и выражений* Вадим Храппа признаётся: «Недавно услышал выражение *административный восторг* и был удивлён тем, насколько точно оно отражает способ руководства наших чиновников», — и задаётся вопросом: «Кто придумал столь гениальный образ?». Ответив себе и читателям, что создателем образа является Фёдор Михайлович Достоевский, автор приводит строки из его романа *Бесы*:

Вам [...] без всякого сомнения, известно, [...] что такое значит русский администратор, говоря вообще, и что значит русский администратор внове, то есть нововыпеченный, новопоставленный... [...] Но вряд ли вы могли узнать практически, что такое значит административный восторг и какая именно это штука? [...] поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтёт себя вправе смотреть на вас Юпитером, когда вы пойдёте взять билет.

Автор также отмечает: «Фраза эта поражает даже не столько своею точностью, сколько бессмертием. Почему-то рефлекс административного восторга у российского чиновного люда неистребим»¹⁵.

¹⁴ Д. Бавильский, И. Манцов, *У каждого ума свой телескоп*, http://www.chaskor.ru/article/u_kazhdogo_uma_svoj_teleskop_19161 (10.07.2019).

¹⁵ В. Храппа, *От адамова яблока до яблока раздора. Происхождение слов и выражений*, Энас, Москва 2010, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/hrapa/ (10.07.2019).

В современном русском языке анализируемое выражение является идиоматическим, оно фиксируется фразеологическими словарями с пометой *ироничное*, иногда *книжное*. Фразеологический словарь русского литературного языка под редакцией Фёдорова определяет *административный восторг* как «упоеание своей властью»¹⁶. Согласно Большому толковому словарю русского языка под редакцией Кузнецова, *административный восторг* — это «чрезмерное увлечение приказами, распоряжениями, администрированием»¹⁷.

Меткое выражение Достоевского встречается и у таких классиков, как Куприн и Салтыков-Щедрин, а Михаил Зощенко использовал его в качестве названия фельетона о полицейском. Современный российский писатель Фёдор Киприянович Чернов написал рассказ *Административный восторг*, который начинается словами:

Выражение, вынесенное в заголовок, придумали Достоевский и Салтыков-Щедрин. Административный восторг может испытывать не только администратор. Нет, конечно, дело не в должности и не в профессии. Дело в обладателе сего чувства, когда он попадает в ситуацию, где другие люди оказываются в зависимости от него¹⁸.

Как видим, это выражение Достоевского стало метким обозначением факта действительности, социального явления, многими авторами характеризуемого как типично российское. Его можно сравнить с таким наименованием, как *обломовщина*, которое Добролюбов назвал «ключом к разгадке многих явлений русской жизни»¹⁹.

Однако поскольку литературный источник данного высказывания стал достоянием не только русской, но и мировой литературы, функционирование анализируемого выражения не было ограничено национально-языковыми параметрами. Как отмечает автор монографии *Философия и метаморфозы культуры* Владимир Миронов, «русская литература в период, когда тво-

¹⁶ А. И. Фёдоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка*, Астрель: АСТ, Москва 2008.

¹⁷ С. А. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург 1998.

¹⁸ Ф. К. Чернов, *Административный восторг*, <http://www.proza.ru/2013/06/11/1978> (10.07.2017).

¹⁹ Н. А. Добролюбов, *Литературная критика*, Художественная литература, Москва 1972, с. 27.

рили Достоевский и Толстой, перешла от стадии принимающей к стадии транслирующей, поэтому её ценности стали доминировать и в мировом масштабе»²⁰.

Интересно, что украинским читателям роман *Бесы* знаком только в оригинале — по причине отсутствия перевода и в силу сложившейся **языковой ситуации, характеризующейся массовым двуязычием**. Несмотря на это, анализируемое нами словосочетание имеет украинские соответствия. Одно из них — *адміністративне захоплення* — с пометой *ироничное* приводит Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь Олейника и Сидоренко²¹.

В текстах СМИ, в свою очередь, выступает вариант *адміністративний захват*. Примером может послужить статья *Адміністративний захват, або демократія по-чиновницьки*, опубликованная украинским изданием *День*, автор которой размышляет над судьбой украинского государства.

Понятие «республика», как и «демократия» будет служить лишь «фиговым листком» для всевластия чиновников, — пишет Руслан Гарбар. — Украина, как и Россия, демонстрирует политэкономический феномен — появление олигархов (как в масштабе страны, так и на уровне областей) не из сферы капиталистов (за некоторыми исключениями), а из сферы государственного чиновничества²².

Инна Набока, автор материала *Чому влада псує людину?*, размещённого на сайте *Радіо Свобода*, пытается найти ответ на вопрос, вынесенный в заголовок: почему власть портит человека? По её мнению,

не нужно быть профессиональным психологом, чтобы заметить: руководящая должность очень часто меняет человека. Причём обычно не в лучшую сторону. [...] Профессиональную деформацию личности руководителя не-

²⁰ Цитируется по: С. Г. Тер-Минасова, *Война и мир языков и культур*, Слово, Москва 2008, с. 18.

²¹ И. С. Олейник, М. М. Сидоренко, *Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь*, Радянська школа, Киев 1978.

²² «Поняття 'республіка', як і 'демократія', служитимуть лише 'фіговим листком' для всевладдя чиновників. Україна, як і Росія, демонструють політекономічний феномен — поява олігархів (як у масштабі країни, так і на рівні областей) не зі сфери капіталістів (за деякими виключеннями), а зі сфери державного чиновництва». Р. Гарбар, *Адміністративний захват, або демократія по-чиновницьки*, <https://day.kyiv.ua/uk/article/poshta-dnya/administrativniy-zahvat-abo-demokratiya-po-chinovnicki> (10.07.2019).

редко вызывает уже сам факт обретения человеком власти, возможность отдавать приказы и руководить другими. Достаточно быстро может возникнуть чувство превосходства, ощущение своей непогрешимости и гениальности, нетерпимость к другому мнению. [...] Некоторым управленцам присуща и такая черта, как административный восторг — чрезмерное увлечение администрированием, которое нередко приводит к административному произволу и злоупотреблению властью²³.

Административный восторг (укр. 'адміністративний захват') относится к проявлениям профессиональной деформации и Виктор Кирилишин в статье *11 видів професійних деформацій педагога та управлінця*, опубликованной на сайте издательства педагогической прессы и литературы²⁴.

Приведённые примеры позволяют говорить об употреблении анализируемой единицы применительно не только к российской действительности, а также об изменениях в её семантике: административный восторг может пониматься более широко, как всевластие чиновников, угрожающее демократии, и более узко, получая специальное, терминологическое значение для определения одного из видов профессиональной деформации личности.

В польском переводе романа *Бесы*, авторами которого являются Тадеуш Загурский и Збигнев Подгужец, анализируемое выражение передано как «urojenie administracyjne»²⁵. Слово-сочетание не обрело статуса широкоупотребительной идиомы в системе польского языка, не фиксируется фразеологическими словарями, однако функционирует в текстах СМИ.

Так, известная журналистка и культуролог Александра Лоек-Магдзяж один из разделов своей статьи *Okiem obcego*, опу-

²³ «Не треба бути професійним психологом, щоб зауважити: керівна посада дуже часто змінює людину. Причому зазвичай не в кращий бік. [...] Професійну деформацію особистості керівника нерідко спричиняє вже сам факт набуття людиною влади, можливість віддавати накази і керувати іншими. Досить швидко може виникнути зверхність, почуття своєї непогрішимості та гениальності, нетерпимість до іншої думки. [...] Деяким управлінцям притаманна і така риса як адміністративний захват — надмірне захоплення адмініструванням, що нерідко призводить до адміністративного свавілля і зловживань владою». І. Набока, *Чому влада псує людину?*, <https://www.radiosvoboda.org/a/972800.html> (10.07.2019).

²⁴ В. Кирилишин, *11 видів професійних деформацій педагога та управлінця*, <http://www.osvitaua.com/2018/08/65951/> (10.07.2019).

²⁵ F. Dostojewski, *Biesy*, пер. Т. Zagórski і Z. Podgórzec, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa 1987.

бликованной интернет-ресурсом *Interia.pl*, назвала «Upojenie administracyjny urzędnika». Он начинается словами: «К сожалению, польские чиновники по-прежнему страдают недугом, называемым административным восторгом, о котором когда-то писал Достоевский, т. е. временным ощущением власти, подавляющим все правила этикета»²⁶.

В статье *Zawód urzędnik. Dołącz do Pogardzanych* интернет-издания *Polska Newsweek* речь также идёт о пороках чиновников:

По мнению поляков, чиновник — это кафковский герой, бездумное существо, специализирующееся на усложнении людям жизни. [...] с одной стороны, имеем упрёк в «административном восторге», профессиональном заболевании, описанном ещё Достоевским. С другой — в сутяжничестве, или склочничестве, черте сугубо национальной, генетически передаваемой нам из поколения в поколение от прадедов, всегда готовых к совершению набегов на соседей²⁷.

Как видим, в польских текстах рассматриваемое словосочетание выступает в подобной функции: не только для описания того же социального явления, но и для выражения критической оценки, негативной коннотации. Так же, как и в русских текстах, упоминание о Достоевском можно считать показателем предназначенности материалов для образованного, начитанного реципиента.

Интересно отметить, что в наши дни, в эпоху компьютеров и Интернета, лексема 'администратор' употребляется не только по отношению к должностному лицу, руководящему людьми и рабочими процессами организации, но и к специалисту в сфере информационных технологий, напр. администратор базы данных, системный администратор, администратор сети, адми-

²⁶ «Niestety polscy urzędnicy wciąż cierpią na przypadłość zwaną upojeniem administracyjnym, o którym pisał kiedyś Dostojewski, czyli chwilowe poczucie władzy zawieszające wszelkie zasady savoir-vivre'u». A. Łojek-Magdziarz, *Okiem obcego*, <https://fakty.interia.pl/news-okiem-obcego,nId,849992> (10.07.2019).

²⁷ «Zdaniem Polaków urzędnik jest bezmyślną, kafkowską personą, wyspecjalizowaną w utrudnianiu ludziom życia. [...] z jednej strony frontu mamy zarzut «upojenia administracyjnego», choroby zawodowej opisanej już przez Dostojewskiego. Z drugiej — pieniactwa, cechy wręcz narodowej, genetycznie przekazywanej nam z pokolenia na pokolenie po skorych do najazdów na sąsiadów pradziadkach». *Zawód urzędnik. Dołącz do Pogardzanych*, <http://polska.newsweek.pl/zawod-urzednik--dolacz-do-pogardzanych,32278,1,1.html> (15.12.2016).

нистратор сайта. С этим связано появление в Википедии шуточной страницы, содержащей следующую дефиницию:

Административный восторг в Википедии — особое состояние сознания, характерное для участников, обладающих администраторскими полномочиями; частный случай синдрома вахтёра. Сущность этого состояния заключается в упоении своей властью над другими участниками²⁸.

Страница имеет несколько языковых версий, в том числе и украинскую — *Адміністративна гарячка*²⁹.

Итак, проведённый анализ показывает, что словосочетание административный восторг, впервые употреблённое Достоевским и ставшее крылатым, сегодня используется применительно не только к российским реалиям и представителями не только русского лингвокультурного сообщества. Данная единица выступает в публицистическом дискурсе для выражения негативной оценки поведения должностного лица, использующего свою власть для самоутверждения, чиновничьего произвола, злоупотребления властью. Рассмотрев примеры использования выражения и его эквивалентов в текстах российских, украинских и польских СМИ, можно сделать вывод об изменениях в его семантике и расширении контекстов употребления.

Таким образом, универсальность созданного русским классиком образа поставила его в один ряд с прецедентными высказываниями (такими как афоризмы, библеизмы), использование которых предполагает ориентированность на определённый круг читателей, обусловленную не столько национальным фактором, сколько интеллектуально-культурным уровнем адресата, а яркая оценочность дала жизнеспособность воплотившему его крылатому слову, позволяющему подчеркнуть остросоциальную направленность текста.

BIBLIOGRAFIA

Administrativnyy vostorg, Wikipediya <https://ru.wikipedia.org/wiki/Wikipediya:Administrativnyy_vostorg> [Административный восторг, Википедия

²⁸ *Административный восторг*, Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Административный_восторг (10.07.2019).

²⁹ *Адміністративна гарячка*, Вікіпедія, https://uk.wikipedia.org/wiki/Вікіпедія:Адміністративна_гарячка (10.07.2019).

- <https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Административный_восторг>].
Administratyvna haryachka, Vikipediya <https://uk.wikipedia.org/wiki/Vikipediya:Administratyvna_haryachka> [Адміністративна гарячка, Вікіпедія <https://uk.wikipedia.org/wiki/Вікіпедія:Адміністративна_гарячка>].
 Baviľ'skiy, Dmitriy; Mantsov, Igor'. *U kazhdogo uma svoj teleskop* <http://www.chaskor.ru/article/u_kazhdogo_uma_svoj_teleskop_19161> [Бавильский, Дмитрий; Манцов, Игорь. *У каждого ума свой телескоп* <http://www.chaskor.ru/article/u_kazhdogo_uma_svoj_teleskop_19161>].
 Chernov, Fëdor. *Administrativnyy vostorg* <<http://www.proza.ru/2013/06/11/1978>> [Чернов, Фёдор. *Административный восторг* <<http://www.proza.ru/2013/06/11/1978>>].
 Chlebeda, Wojciech. *Szkie o skrzydlatyh slowach. Interpretacje lingwistyczne*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005.
 Dobrolyubov, Nikolay. *Literaturnaya kritika*. Moskva: "Khudozhestvennaya literatura", 1972 [Добролюбов, Николай. *Литературная критика*. Москва: "Художественная литература", 1972].
 Dostojewski, Fiodor. *Biesy*. Trans. Zagórski, Tadeusz. Podgórzec, Zbigniew. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1987.
 Fëdorov, Aleksandr. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. Moskva: "Astrel': AST," 2008 [Фёдоров, Александр. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: "Астрель: АСТ," 2008].
 Felgengauer, Paweł. *Rosja i mala zwycięska wojna. Dlaczego Kreml wzmacnia swoje siły na Kaukazie?* <<http://www.geopolityka.org/komentarze/pawel-felgengauer-rosja-i-mala-zwycieska-wojna-dlaczego-kreml-wzmacnia-swoje-sily-na-kaukazie>>.
 Fyderek, Łukasz. *Krym: Mała, zwycięska wojna Putina?* <<http://www.rmf24.pl/raporty/raport-ukraina/opinie/news-krym-mala-zwycieska-wojna-putina,nId,1191797>>.
 Harbar, Ruslan. *Administrativnyy zakhvat, abo demokratiya po-chynovnyts'ky* <<https://day.kyiv.ua/uk/article/poshta-dnya/administrativniy-zahvat-abo-demokratiya-po-chinovnicki>> [Гарбар, Руслан. *Адміністративний захват, або демократія по-чиновницьки* <<https://day.kyiv.ua/uk/article/poshta-dnya/administrativniy-zahvat-abo-demokratiya-po-chinovnicki>>].
 Hol'ts, Oleksandr. *Malen'ka peremozhna viyna. Yakym був 2017 Dlya Putina* <<https://nv.ua/ukr/opinion/malenka-peremozhna-vijna-jakim-buv-2017-j-dlja-putina-2443779.html>> [Гольц, Олександр. *Маленька переможна війна. Яким був 2017-й для Путіна* <<https://nv.ua/ukr/opinion/malenka-peremozhna-vijna-jakim-buv-2017-j-dlja-putina-2443779.html>>].
 Karaulov, Yuriy. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. Moskva: "Nauka," 1987 [Караулов, Юрий. *Русский язык и языковая личность*. Москва: "Наука," 1987].
 Khrappa, Vadim. *Ot adanova yabloka do yabloka razdora. Proiskhozhdeniye slov i vyrazheniy*. Moskva: "Enas," 2010 <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/hrapa/> [Храппа, Вадим. *От адамова яблока до яблока раздора. Происхождение слов и выражений*. Москва: "Энас," 2010 <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/hrapa/>].
Kremlyu vkraj potrebna «malen'ka peremozhna viyna» <<http://www.pic.com.ua/kremlivskym-karlykam-vkraj-potribna-malenka-peremozhna-vijna-skorishe-jiji-imitatsiya2.html>> [Кремлю вкрай потрібна «маленька переможна

- війна” <<http://www.pic.com.ua/kremlivskym-karlykam-vkraj-potribna-malenka-peremozhna-vijna-skorishe-jiji-imitatsiya2.html>>].
- Kuznetsov, Sergey. Ed. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: “Norint,” 1998 [Кузнецов, Сергей. Ред. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: “Норинт,” 1998].
- Kurylyshyn, Viktor. *11 vydivprofesiynykh deformatsiy pedahoha ta upravlintsya* <<http://www.osvitaua.com/2018/08/65951/>> [Кирилишин, Віктор. *11 видів професійних деформацій педагога та управління* <<http://www.osvitaua.com/2018/08/65951/>>].
- Łojek-Magdziarz, Aleksandra. *Okiem obcego* <<https://fakty.interia.pl/news-okiem-obcego,nId,849992>>.
- Luchnikov, Aleksey. *Administrativnyy vostorg. Zаметki o proshedshikh vyborakh* <<http://www.prpc.ru/gazeta/103/delight.shtml>> [Лучников, Алексей. *Административный восторг. Заметки о прошедших выборах* <<http://www.prpc.ru/gazeta/103/delight.shtml>>].
- Mokiyenko, Valeriy. *Frazeologiya v sovremennoy publitsistike*. Ed. Kharri, Val'ter. Mokiyenko, Valeriy. Fink, Zhel'ka. *Slavyanskaya frazeologiya v sovremennykh SMI (publitsisticheskiy diskurs)*. Grayfsval'd: Universitet im. Ernsta Moritsa Arndta, 2017, p. 26–36 <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/monografija_neu_14_febr.pdf> [Мокиенко, Валерий. *Фразеология в современной публицистике*. Ред. Харри Вальтер, Валерий Мокиенко, Желька Финк. *Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс)*. Грайфсвальд: Университет им. Эрнста Морица Арндта, 2017, с. 26–36 <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/documents/monografija_neu_14_febr.pdf>].
- Naboka, Inna. *Chomu vlada psuyelyudynu?* <<https://www.radiosvoboda.org/a/972800.html>> [Набока, Инна. *Чому влада псує людину?*, <<https://www.radiosvoboda.org/a/972800.html>>].
- Oleynik, Ivan; Sidorenko, Mikhail. *Ukrainsko-russkiy i russko-ukrainskiy frazeologicheskii slovar'*. Kiyev: “Radyans'ka shkola,” 1978 [Олейник, Иван; Сидоренко, Михаил. *Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь*. Киев: “Радянська школа,” 1978].
- Olin, Igor'. *Administrativnyy vostorg* <<http://www.proshkolu.ru/user/igorolin/blog/530972>> [Олин, Игорь. *Административный восторг* <<http://www.proshkolu.ru/user/igorolin/blog/530972>>].
- Pikhoja, Rudolf'. «Administrativnyy vostorg» i ochkovtiratel'stvo kak metody razvitiya sel'skogo khozyaystva <<http://ricolor.org/history/rsv/aft/hr/2/>> [Пихоя, Рудольф. «Административный восторг» и очковтирательство как методы развития сельского хозяйства <<http://ricolor.org/history/rsv/aft/hr/2/>>].
- Ter-Minasova, Svetlana. *Voyna i mir yazykov i kul'tur*. Moskva: “Slovo,” 2008 [Тер-Минасова, Светлана. *Война и мир языков и культур*. Москва: “Слово,” 2008].
- Turchenko, Sergey; Vladimirov, Pëtr. *Obama nanës «Udar mecha» v Afganistane* <<http://svpressa.ru/all/article/10905/>> [Турченко, Сергей; Владимиров, Пётр. *Обама нанёс «Удар меча» в Афганистане* <<http://svpressa.ru/all/article/10905/>>].
- Zawód urzędnik. Dołącz do Pogardzanych* <<http://polska.newsweek.pl/zawod-urzednik--dolacz-do-pogardzanych,32278,1,1.html>>.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ...

Jelena Jegorowa

UPOJENIE ADMINISTRACYJNE: SKRZYDLATE SŁOWO DOSTOJEWSKIEGO JAKO JĘZYKOWY ŚRODEK WARTOŚCIOWANIA W TEKŚCIE MEDIALNYM

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest analizie związku wyrazowego „upojenie administracyjne”, zastosowanego po raz pierwszy przez Dostojewskiego w powieści *Biesy* do określenia samowoli urzędników i później utrwalonego w języku. Po rozpatrzeniu przykładów użycia danej jednostki i jej odpowiedników w rosyjskich, ukraińskich i polskich tekstach medialnych autorka zauważa zmianę jej semantyki i rozszerzenie kontekstów użycia. Przeprowadzona analiza pozwala stwierdzić uniwersalność sformułowanego przez pisarza określenia o charakterze wartościującym i żywotność omawianej jednostki frazeologicznej.

Elena Egorova

ADMINISTRATIVE DELIGHT: DOSTOEVSKY'S FIGURE OF SPEECH AS MEANS OF EXPRESSING THE EVALUATION IN MASS MEDIA

Summary

The given paper is dedicated to the analysis of the word combination “administrative delight,” which was firstly used by F. Dostoevsky in his novel *Demons* to describe the bureaucratic arbitrariness, and later on became a figure of speech. By considering the examples of the usage of the mentioned stylistic device in Russian, Ukrainian and Polish mass media, the context extension and the change of semantics were pointed out by the author of the paper. The undertaken research leads to the conclusion about the universality and the convincing factor of the viability of the figure of speech created by F. Dostoevsky.

TATIANA KANANOWICZ

Uniwersytet Gdański

 ORCID <http://orcid.org/0000-0002-1156-5934>

ИМИДЖ ЯРОСЛАВА КАЧИНЬСКОГО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПОЛЬСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКОВ)

Политический имидж является объектом исследования ряда гуманитарных и социальных наук: политологии, политического маркетинга и политической психологии, журналистики, медиа- и политлингвистики. Существующие в научной литературе определения имиджа зависят от принятой исследовательской перспективы. Так, политмаркетологи и связанный с ними круг исследователей рассматривают имидж как товар, который можно и нужно выгодно продать (например, во время предвыборной кампании), и акцентируют позитивную маркированность имиджа, ср.: «Имидж политического лидера — это привлекательный эмоционально окрашенный образ, который моделируется и внедряется в массовое сознание политическими технологами»¹. Ср. также определение, приводимое в работах польских исследователей — Войцеха Цвалины и Анджея Фальковского:

имидж политика — это создаваемое в определенных целях (например, для избирательной кампании) особого рода представление, которое — через ассоциации — придает объекту дополнительную ценность (социально-

¹ Е.Н. Давыборец, *Формирование имиджа лидера современного государства (на примере президентов России и США)*: <http://cheloveknauka.com/formirovanie-imidzha-lidera-sovremennogo-gosudarstva> (3.07.2019)

психологическую, этическую или личностную) и таким образом создает условия для его эмоционального восприятия².

Наиболее известным эффектом такого подхода является теория политических ролей (политических типов)³. Отдельные исследования политологов посвящены автопрезентациям политиков⁴, лингвисты, в свою очередь, исследуют их языковое воплощение (так называемый языковой портрет политика), анализируют языковые стратегии формирования имиджа, дискредитации оппонента⁵ и т.д.

В рамках холистического подхода к имиджу следовало бы рассматривать его как динамический (постоянно развивающийся и видоизменяющийся), сложный дискурсивно-семантический конструкт, состоящий из по крайней мере нескольких (если не нескольких десятков) политических нарративов (полидискурсивность имиджа) и семантических слоев. В построении имиджа политика участвуют: сам политик (автоимидж), другие политики, политические партии, средства массовой информации (поддерживающие и оппозиционные), а также часто стихийно формирующиеся нарративы «неожиданных» участников политического дискурса: актеров, комиков, «народа» — в виде комедийных шоу, развлекательных программ, мемов, фан-сайтов, групп в социальных медиа и под. Сложность имиджа состоит также в участии в его формировании как сознательных стратегий, так и бессознательных (незапланированных) элементов, ср.:

Имидж политика — это совокупность сознательных стратегий, направленных на создание имиджа, благоприятных и неблагоприятных ситуаций, а также дискредитирующих действий, предпринимаемых политическими противниками⁶.

² W. Cwalina, A. Falkowski, *Marketing polityczny: perspektywa psychologiczna*, Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, Sopot 2006, с. 153. Все цитаты из польскоязычных источников приводятся в переводе автора статьи.

³ M. Jeziński, *Marketing polityczny a procesy akulturacyjne. Przypadek III Rzeczypospolitej*, Wydawnictwo Dom Wydawniczy DUET, Toruń 2004.

⁴ M. Cichosz, *(Auto)kreacja wizerunku polityka na przykładzie wyborów prezydenckich w III RP*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2003.

⁵ Ж. Сладкевич, *Политический фельетон в свете теории языкового воздействия*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2013.

⁶ P. Pawelczyk, *Harcownik — nowy typ wizerunku politycznego*, «Środkowo-europejskie Studia Polityczne» 2012, № 2, с. 8.

Имидж политика — это также создаваемый и воспринимаемый имиджи, каждый из которых можно исследовать отдельно. Сложной представляется и семантика имиджа: это образование, состоящее из по крайней мере нескольких семантических презентаций. Именно эта — семантическая структура имиджа — и является объектом исследования в настоящей статье. Кроме того, будут проанализированы и языковые средства создания имиджа, как позитивного, так и негативного.

Мы займемся той частью имиджа политика, которая создается массовыми средствами информации, а точнее — еженедельной прессой (общественно-политическими журналами), входя тем самым в сферу массмедийного (печатного) политического дискурса. В нем сосуществуют и переплетаются действия трех «сил»: политики, СМИ и общественного мнения. Политики приводят в движение политические процессы, ожидая определенных результатов, СМИ помогают или мешают им в достижении этих результатов, формируя соответствующим образом общественное мнение. Оно в свою очередь:

влияет на социальное поведение масс и в условиях политического плюрализма становится фактором, который может либо служить надежной опорой в конкретных политических действиях, либо блокировать их, а иногда и заставлять органы управления принимать заведомо нерациональные решения⁷.

Для имидж-анализа был выбран один из самых популярных польских политиков последних десятилетий — глава партии Право и справедливость (далее ПиС), депутат польского Сейма Ярослав Качиньски. В качестве имиджетворческих субъектов послужат два общественно-политических журнала-конкурента: издаваемый с 2001 г. издательством Axel Springer «Newsweek Polska», главным редактором которого с 2012 г. является Томаш Лис, и выходящий с 2012 г. в издательстве Fratria еженедельник «Sieci»⁸ братьев Карновских. Выбор еженедельников не случаен:

⁷ А. В. Клишин, *Общественное мнение как фактор выработки политических решений (на материале современных экологических проблем)*, <http://cheloveknauka.com/obschestvennoe-mnenie-kak-faktor-vyrabotki-politicheskikh-resheniy#ixzz5qpDfk9mc> (4.07.2019)

⁸ В тексте статьи используется новое название еженедельника — «Sieci», измененное в связи с решением Апелляционного суда от 29 июня 2017 г.

они оба не скрывают своих противоположных идеологических предпочтений⁹. Как пишет Кшиштоф Зуба, «Newsweek» «пробовал примирить богатую традицию с новым обликом журнала, формирующего мнения, независимого от политического влияния»¹⁰. Несмотря на это, журнал является явно оппозиционным по отношению к правящей партии и пропагандирует либеральное мировоззрение. Журнал «Sieci», напротив, открыто поддерживает правящую партию и является сторонником консервативного мировоззрения. На обложке и на веб-сайте издания можно прочитать следующую автопрезентацию: «Мы являемся самым крупным консервативным еженедельником мнения в Польше», и далее:

В Польше, которая гордится своим наследием, и которая готова изо всех сил бороться за фундаментальные, консервативные ценности, такие как уважение к традиции, мужеству и чести, уважение к коллективу и общественной солидарности, к религии и натуральному праву. А также к одной из фундаментальных свобод человека, выражающейся в независимости мысли, слова и СМИ¹¹.

Таким образом, выбор еженедельников позволит произвести достаточно полную реконструкцию имиджа Ярослава Качиньского, поскольку мы будем иметь дело как с позитивной, так и негативной его сторонами. Временные рамки исследования ограничиваются 2017 годом (52 номера для обоих журналов). На этот период приходится половина срока полномочий действующей партии. Период характеризуется относительной стабильностью политической ситуации и (также относительной) уравновешенностью политического дискурса: накал эмоций, связанных с результатами выборов 2015 г., уже снизился, а до новых парламентских выборов было еще далеко. Анализу были подвергнуты разные жанры журнальной публицистики: передовые статьи, фельетоны, интервью, комментарии и проч., в которых упоминается и характеризуется Я. Качиньски. Количество контекстов для журнала «Newsweek Polska» составляет 350, для

⁹ См. об этом более подробно: Т. Kananowicz, *Идеологическая борьба на страницах журналов «Newsweek Polska» и «Sieci»: либеральная трансформация vs либеральная революция*, «Przegląd Ruscystyczny» 2018, №4 (164), с. 100–115.

¹⁰ К. Zuba, *Polska scena polityczna: ciągłość i zmiana*, Wydawnictwo Sejmowe, Warszawa 2012, с. 301.

¹¹ <https://www.wsieciprawdy.pl/o-tygodniku.html> (4.07.2019)

журнала «Siesci» — 200. Существенной представляется информация о процентном соотношении отдельных имиджевых профилей, рассчитанная на основании количества контекстов, содержащих ту или иную семантику. Такая информация приводится далее в статье.

Применяемый в работе дискурсивный анализ предполагает:

1) выделение наиболее частотных оценочных номинаций политика¹² — ярлыков или апологетизмов (глорификаторов)¹³, под которыми понимаются

тяготеющие к стереотипизации номинативные единицы-идеологемы (слова и словосочетания) с гипертрофированной пейоративной (или возвеличивающей — Т.К.) коннотацией и ослабленным денотативным компонентом, представляющие собой линейно свернутые негативные (или позитивные — Т.К.) мифы и используемые для дискредитации (или глорификации — Т.К.) социально и политически значимых объектов¹⁴.

Под идеологемой (идеологическим концептом) понимается сложно организованная семантическая единица, «семантическое гнездо»¹⁵, отсылающее к той или иной идеологии/представляющее ту или иную идеологию; комбинация дескриптивных и оценивающих значений, которая кратко передает определенное аксиологически окрашенное сообщение и отсылает имплицитно или эксплицитно к ценностным установкам того или иного политического субъекта¹⁶. Ярлык или глорификатор как идеологема может отсылать к нескольким дескриптивным зна-

¹² Наиболее примечательные контексты с исследуемыми единицами приводятся в оригинале с данным ниже переводом на русский язык, выполненным автором данной статьи. Если номинация и связанная с ней группа лексики не иллюстрируется примером, она дается в тексте в русском переводе с указанным в скобках польским выражением. Оригинальная польская номинация приводится также и тогда, когда между предлагаемым русским соответствием и польским наименованием имеются семантические расхождения.

¹³ А. П. Сквородников, *Экология русского языка*, Издательство Сибирского Федерального Университета, Красноярск 2016, с. 280.

¹⁴ А. П. Сквородников, *Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе*, «Русская речь», №1, 2019, с. 50.

¹⁵ А. П. Романенко, *Образ ратора в советской словесной культуре*, Флинта, Саратов 2000, с. 75.

¹⁶ Е. В. Бакумова, *Ролевая структура политического дискурса*, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Волгоград 2002, с. 7.

чениям, которые объединяются одной номинацией (ср. далее в тексте сложную семантику глаголика *великий политик*);

2) анализ лексики, сгруппированной вокруг данных номинаций в процессе текстовой семантической деривации;

3) реконструкция семантических презентаций имиджа.

Одним из понятий, которое будет использовано в настоящей работе, является понятие *имиджевого потенциала*, под которым будет пониматься совокупность реальных, присущих данной личности признаков / черт / особенностей, по-разному называемых в работах по имагологии: фасеты, измерения, домены, профили, параметры, тематические поля и проч.¹⁷. Они могут, но не обязательно должны актуализироваться в сознании получателей в виде определенных семантических презентаций. Как отмечает Александр Киклевич:

например, образ общественного деятеля может интерпретироваться с точки зрения таких фасетов, как <профессия>, <образование>, <национальность/происхождение>, <мировоззрение>, <семья> и т.д. Значение каждого фасета конкретизируется, например, фасет <национальность/происхождение> может конкретизироваться в виде значений [аристократ], [еврей], [из деревни], [юг Италии] и т.д.¹⁸.

Для разных объектов набор семантических презентаций может быть разным, например, при создании имиджа города используются такие измерения, как: «1) позиция города и его международный статус, 2) расположение, 3) потенциал, 4) душа (пульс города), 5) люди, 6) предварительные условия (касаются основных характеристик города, стандарта общественных объектов, условий жизни)»¹⁹. По отношению к общественным деятелям вообще и к политикам в частности нами были выделены следующие семантические презентации, составляющие его имиджевый потенциал: национальность/происхождение, образование, семейное положение/семья, уровень благосостояния, внешность, мировоззрение, черты характера, профессиональные качества, возраст, здоровье.

¹⁷ A. Kiklewicz, *Znaczenie w języku – znaczenie w umyśle. Krytyczna analiza współczesnych teorii semantyki lingwistycznej*, Centrum Badań Europy Środkowo-Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, Olsztyn 2012.

¹⁸ A. Kiklewicz, *Informacja semantyczna w dyskursie wizerunkowym* // T. Kananowicz, A. Klimkiewicz (ред.), *Porządek słów. Gramatyka. Tekst. Styl. Dyskurs. Księga jubileuszowa dedykowana Profesor Zoi Nowożenowej z okazji 45-lecia pracy naukowej*, Wydawnictwo UG, Gdańsk 2019, с. 215.

¹⁹ Там же, с. 217.

Как показал анализ избранных идеологем, используемых в политическом нарративе интересующих нас журналов²⁰, связанных с представлением семантики 'стиль правления' (*качи́зм vs система*), в их структуре Качиньски присутствует постоянно: как представитель категории МЫ — герой («Sieci»), и как представитель категории ОНИ — антигерой («Newsweek Polska»).

АНТИГЕРОЙ

Главный профиль, актуализируемый журналом «Newsweek Polska» в связи с фигурой Качиньского, — это стиль правления, называемый журналистами *качи́зм* или *качология*. Контексты, связанные с этим профилем, составляют 60%. Лексема *качи́зм* построена по образцу других негативно оцениваемых —измов (*фашизм, нацизм*, в Польше также — *коммунизм*), которые нередко появляются в одном контексте, ср.:

Kaczyzm to bezprzykładne ataki na instytucje połączone z niemerytorycznymi atakami na sędziów. [...] I to za pomocą propagandy, która przypomina propagandę nazizmu i komunizmu. (rozmowa z L. Balcerowiczem, rozmawia R. Omachel, «Newsweek» 4/2017)

Качизм — это nepозволительные атаки на учреждения, атаки на судей — не по существу [...] И это все — при помощи пропаганды, которая напоминает пропаганду нацизма и коммунизма²¹.

Часто в текстах журнала появляются и фамилии идеологов и представителей указанных режимов — Гитлера, Сталина, Гомулки, а также многочисленные аллюзии, намекающие на схожесть избранного Качиньским стиля правления с указанными выше преступными режимами, ср.:

Charakterystyczne, że Kaczyński nie mówi o «naszej wizji» czy o «wizji naszej partii». Mówi o swojej wizji. «Moja wizja» brzmi jak echo «mojej walki» innego dość znanego przywódcy, który też obalił republikę, by skończyły się rządy prawa, a zaczęła epoka jego własnych rządów, w których słowo wodza — Führerprinzip — znaczyło więcej niż jakiekolwiek pisane prawo.

Характерно и то, что Качиньски не говорит о «нашей концепции» или о «концепции нашей партии». Он говорит о своей концепции. «Моя кон-

²⁰ T. Kananowicz, *Walka ideologii na łamach tygodników «Newsweek Polska» i «Sieci»: kaczyzm vs układ*, «Język Polski» 2018, №4 (XCVIII), с. 38–46.

²¹ Rozmowa z L. Balcerowiczem, rozmawia R. Omachel, «Newsweek» 2017, №4.

цепция» напоминает «мою борьбу» другого достаточно известного вождя, который также сверг республику, чтобы закончить законовластие и начать эпоху своей власти, где слово вождя — *Führerprinzip* — значило больше, чем любой писанный закон²².

Таким образом, Качиньски — это прежде всего преступник. В некоторых контекстах эта семантика конкретизируется — появляются номинации *гангстер*, *главарь мафии* и проч.

Лексема *качология* отсылает, в свою очередь, к семантике ‘идеология одного человека’, которая в нарративе журнала разбивается на две составляющие: ‘идеология — идеолог’ и ‘один человек — единовластие’. Как идеолог **Качиньски ловок и эффективен**, ср.:

To jest przewaga Jarosława Kaczyńskiego nad innymi politykami. Bardzo sprytnie buduje system, który łączy retorykę narodową z katolicką i populistyczno-socjalną. Cokolwiek by o nim myśleć, trzeba przyznać, że jest ideologiem. I to skutecznym.

В этом преимущество Ярослава Качиньского по сравнению с другими политиками. Он ловко строит систему, которая объединяет национальную риторику с католической и популистско-социальной. Можно его считать кем угодно, но одно несомненно — он идеолог. Очень эффективный²³.

Сема ‘один человек — единовластие’ приводит к актуализации в нарративе журнала таких значений, как ‘диктатура’, ‘тирания’, ‘автократия’ с сопутствующими им номинациями *диктатор*, *тиран*, *автократ*. Последнему наименованию сопутствует наибольшее количество синонимов: *господин и властелин всех и вся* (*pan i władca wszystkiego i wszystkich*), *законодатель* (*prawodawca*), *правдодатель* (*prawdodawca*), *шансодатель* (*szansodawca*), *самодержец* (*jedynowładca*), *вождь* (*wódz*), *хозяин государства* (*właściciel państwa*). Фамилия Качиньского появляется уже в сопровождении другого ряда антигероев — Владимира Путина, Дональда Трампа, Виктора Орбана, Александра Лукашенко и др., ср.:

Zniszczenie niezawisłych sądów to decydujący krok na drodze do władzy autorytarnej. Tak było w Rosji Putina, na Węgrzech Orbana, w Turcji Erdogana, na Białorusi Łukaszenki, na Ukrainie za rządów prorosyjskiego prezydenta Janukowycza. Tak teraz ma być w Polsce Kaczyńskiego.

²² Т. Лис, «Newsweek» 2017, №2.

²³ М. Świąchowicz, «Newsweek» 2017, №8.

Разгром независимых судов — это решающий шаг на пути к авторитаризму. Так было в России Путина, в Венгрии Орбана, в Турции Эрдогана, в Беларуси Лукашенко, в Украине времен пророссийского Януковича. А сейчас так будет в Польше Качиньского²⁴.

В связи с семантикой единовластия часто актуализируется сема ‘свой, собственный, личный’, которая в дальнейшем в результате текстовой семантической деривации развивается в значения ‘капризный’, ‘вздорный’, ‘нестабильный’, ‘непредсказуемый’.

Как же выглядит Польша, полностью принадлежащая Качиньскому (*państwo Kaczyńskiego*)? Это «резиденция и исполнитель зла» (*siedziba i egzekutor zła*) (по Лису), а самодержец имеет в распоряжении «пропагандистскую армию под начальством Курского» (*ma propagandową armię pod dowództwem Kurskiego*), «карательные отряды ПиС» (*karne PiSowskie oddziały*) — Т. Лис/ «вооруженные боевые отряды, вдохновляемые идеологией» (*ożywiana ideologią bojówką*) — Цезары Михальски / своих солдат (*żołnierze*), а также своего «нотариуса в Бельведере» (*notariusz z Pałacu*) — Лис, Михальски. Его солдаты «некомпетентны, безответственны, непредсказуемы» (*niekompetentni, nieodpowiedzialni, nieprzewidywalni*) — Лис, 11/2017, у них «подлый характер и язык» (*nikczemny charakter i język*) — там же. Вместе с правительством они составляют преступную группировку, что-то вроде мафии, которая метафорически визуализируется в виде осьминога (спрута), см. обложку журнала 2018, №48.

Подводя итог политического профиля Качиньского, следует сказать, что по мнению журналистов «*Newsweek Polska*» мы имеем дело с преступным самодержцем, целью которого является расширение власти ПиС и собственного единовластия. Оформляющие этот профиль предикаты можно разделить на две группы: 1) действия Я. Качиньского по отношению к Польше (*разрушает* (*niszczy*), *распространяет ненависть, ксенофобию, антисемитизм, ненависть к женщинам и интеллигенции* (*szerzy nienawiść, ksenofobię, antysemityzm, nienawiść do kobiet i elit*), *презирает* (*gardzi*), *пренебрегает* (*lekceważy*), *игнорирует* (*ignoruje*), *тончет* (*depcze*), *уничтожает* (*wykańcza*), *громит* (*demoluje*); 2) действия по отношению к другим (*уничтожает* (*niszczy*), *атакует* (*atakuje*), *нападает* (*naciera*), *запугивает*

²⁴ С. Michalski, «*Newsweek*» 2017, №30.

(zastrasza), навязывает (narzuca), расправляется (wykańcza), форматировает (formatuje) и проч. В основе этих действий лежат фобии (fobie), злопамятность (resentymenty), комплексы (kompleksy). Поляки в Польше Качиньского испытывают стресс и фрустрацию, чувство нестабильности и страха (są sfrustrowani i zestresowani, mają poczucie niestabilności i strachu), они несчастливы и боятся новой власти (są nieszczęśliwi, zrozpaczeni i przestraszeni nową władzą).

Наибольшим смыслогенерирующим предикатом в этой части имиджа является глагол *разрушать / уничтожать* (niszczyć), служащий основой для дальнейшего профилирования. И здесь появляются такие номинации, как *вредитель* (szkodnik), *ломастер* (psuj) и проч., ср.:

Во Качор і jego ekipa to szkodniki. Niszczą Polskę.

Потому что Качор и его бригада — это вредители. Они разрушают Польшу²⁵.

To psuj. Wielki narodowy psuj. Mówimy, że jest inteligentny, czyta książki. No może i czyta, ale inteligentny człowiek nie niszczy dobra i piękna. Nie holduje brzydocie.

Это ломастер. Наш большой национальный ломастер. Говорят, он умный, книги читает. Может и читает, но умный человек не уничтожает добро и красоту. Не славит уродства [...] Пришло время пиццы с кровяной колбасой, христианского кебаба и деревни, которая отдает приказы городу. Пришло время мести [...]. Мести меньшинства, которое навязывает нам свое видение мира. И это видение нас ужасает, мы с ним не идентифицируемся, его ценности нам чужды. Из-за мести этот мир хочет поработить нас своей эстетикой²⁶.

Второй профиль, актуализируемый в связи с фигурой Качиньского, можно назвать метафизическим (15% контекстов). Он связан с широкой семантикой зла, принимающего разные формы: чистое зло без имени, мрак, дьявол, ср. названия статей: *Структура зла* (*Struktura zła*) — Лис, 2017, №9, *Дьявольское чувство бессилия* (*Diabelskie poczucie bezsilności* — интервью с Ольгой Токарчук, Александра Павлицка, 2017, №9), *Под руку с дьяволом* (*Pod rękę z diabłem*) — Лис, 2017, №25. В этом профиле можно поместить и такие «сверхъестественные» способности Качиньского, как умение гипнотизировать (поляков) — *гипнотизер* (*hipnotyzer*), а также *паразитическая способность мани-*

²⁵ R. Kim, *rozmowa z działaczkami*, «Newsweek» 2017, №8.

²⁶ *Wywiad z Korą, rozmawia A. Pawlicka*, «Newsweek» 2017, №7.

пулировать всеми вокруг — *манипулятор* (*manipulator*). Лексико-семантическое поле этого профиля организовано вокруг лексем и коллокаций *гипнотическое внушение*, *гипнотическое влияние* (*hipnotyczny wpływ*), *гипнотические мифы* (*hipnotyczne mity*), *низкие инстинкты* (*niskie instynkty*), *закрытое сознание* (*zamknięty umysł*), *фобии* (*fobie*), *фрустрации* (*frustracje*), *страхи* (*lęki*), *деление* (*podział*), *архетипическое чувство омерзения* (*archetypiczne uczucie obrzydliwości*) и проч.

Следующий профиль можно назвать личностным, поскольку он сосредоточен на чертах характера Качиньского (15% контекстов). Журналисты «Newsweek Polska», а чаще всего главный редактор — Томаш Лис, пытаются объяснить читателю, что происходит в голове Качиньского, каков он на самом деле, что он думает и чувствует, какие механизмы, связанные с его индивидуальными качествами, лежат в основе его действий. Здесь наиболее выразительно проявляется сема ‘мечь’: Качиньски представлен как болезненно мстительный человек, а власть нужна ему только затем, чтобы отомстить всем, кто когда-то его обидел. Первым в этом списке значится Дональд Туск, ср.:

Pan prezes nienawidzi Tuska i chce go pognać, więc żołnierze pana prezesa stają na głowie, by Tuska zdezawuować i pognać.

Председатель ненавидит Туска и хочет ему навредить, поэтому солдаты председателя делают все, чтобы Туска отстранить и ему навредить²⁷.

Дополнительная актуализируемая здесь семантика — это ‘мелочность’, ‘подлость’, ‘злопамятство’, а связывающие ее предикаты — это *помыкать* (*poniewierać*), *презирать* (*gardzić*), *унижать* (*upokarzać*), *низлагать* (*pogębiać*), *плевать* (*opłuwać*), *вредить* (*szkodzić*), *подчинять* (*podporządkowywać*) и проч. Мстительность рассматривается здесь как патологическая черта характера, а Качиньски предстает как социопат, ср.:

Nie przez przypadek naczelnymi mścicielami PiS są ludzie nie do końca społecznie dostosowani. Pan Kaczyński potrafił po dziesięcioleciach wspominać, że goszczący go kiedyś Jacek Kuroń nie podał mu krzesła. [...] Cóż, trudno się dziwić, że wybitni przedstawiciele obecnej ekipy nadają jej charakter nieco socjopatyczny.

Не зря главные мстители Пис — это люди, не совсем приспособленные к функционированию в обществе. Качиньски мог спустя десять лет вспоминать, как Яцек Куронь не предложил ему присесть [...]. Что ж, неуди-

²⁷ Т. Лис, «Newsweek» 2017, №11.

ИМИДЖ ЯРОСЛАВА КАЧИНЬСКОГО...

вительно, что выдающиеся представители правящей команды придают ей несколько социопатический характер²⁸.

Повествование о социопатии Качиньского является плавным переходом к следующему профилю — состоянию его здоровья, в том числе психического (10%). На страницах журнала «*Newsweek Polska*» Качиньски регулярно описывается как психически больной человек: сумасшедший социопат, умалишенный мизантроп и проч. Эта семантика поддерживается лексемами: *застревания, больные видения, бред, помешательство, галлюцинации*, ср.:

Polityk musi mieć energię. [...] Energia to jest to, co porywa tłumy — może być cyniczna i szalona, jak u Trumpra czy Kaczyńskiego, ale to działa na ludzi.

У политика должна быть энергия. [...] Энергия подчиняет себе толпу. Она может быть циничной и безумной, как у Трампа или Качиньского, но это работает²⁹.

Chora wizja Jarosława Kaczyńskiego oczywiście w końcu przegra.

Больное видение ситуации Ярославом Качиньским конечно в конце концов проиграет. (Т. Лис, «*Newsweek*» 2/2017)³⁰.

Психическая болезнь может быть также причиной такого, а не иного стиля правления: таким образом последний профиль (здоровье) связывается с первым (политический), а читатель получает связный, заслуживающий доверия нарратив.

ГЕРОЙ

Как уже было сказано выше, в дискурсе журнала «*Sieci*» Качиньски является представителем категории МЫ — героем. По сравнению с журналистской риторикой «*Newsweek Polska*» здесь мы имеем дело с менее категоричным и намного более бедным нарративом. Наиболее выразительным профилем в данном случае, как и в предыдущем, является политический (90%), а его ядром — номинация *государственный муж/ выдающийся политик* (mąż stanu/ wybitny polityk), ср.:

²⁸ Там же.

²⁹ *Wywiad z Korą, rozmawia A. Pawlicka*, «*Newsweek*» 2017, №7.

³⁰ Т. Лис, «*Newsweek*» 2017, №11.

[Lech Kaczyński] był politykiem od dawna widzącym w swoim bracie bliźniaku męża stanu. Uważał, że w wielu wcześniejszych sporach to Jarosław miał rację, potrafił to szczerze przyznać. Oczywiście, bywało odwrotnie, ale w tej braterskiej relacji to Jarosław Kaczyński nakreślał zwykle bieżący kurs polityczny, oczywiście po rozmowach z Lechem. Kilka razy podkreślał: «Pamiętajcie, panowie, że to Jarosław ma ostatnie zdanie». Jarosław oczywiście oponował, ale warto ten cytat pamiętać.

Лех Качиньски был политиком, который с давних пор видел в своем брате-близнеце государственного мужа. Он считал, что во многих их давнишних спорах именно Ярослав был прав, — Лех умел это признавать. Конечно, бывало и наоборот, но в отношениях братьев именно Ярослав Качиньски обычно определял текущий политический курс, конечно, после разговора с братом. Лех несколько раз подчеркивал: «Помните, господа, последнее слово всегда остается за Ярославом». Ярослав, конечно, не соглашался, но стоит помнить эту цитату³¹.

Глорификатор *выдающийся политик*, относящийся к Качиньскому, включает в себя такие семантические составляющие, как: *революционер, реформатор, патриот, провидец, победитель*, а также — что интересно — *самодержец*. Как самодержец Качиньски *дает новые идеи и их реализует* (zgłasza i realizuje swoje pomysły), его идеи *реализует вся его «армия»*, он один *полностью осведомлен о том, что происходит в его партии и стране* (jako jedyny ma głęboką wiedzę o tym, co dzieje się w partii i w kraju), он *оказывает поддержку* (udziela poparcia), *защищает* (chroni), *охраняет* (broni), но также и *критикует* (krytykuje). Он *удерживает все механизмы власти в своих руках* (trzyma wszystkie sznurki władzy w swoim ręku), *расширяет сферу контроля над правительством* (rozszerza własne pole kontroli nad rządem), но при этом семантика единовластия связывается с авторитетом и доверием, которым лидер Пис неизменно пользуется у своих соратников и народа.

Подводя итог этого профиля, следует сказать, что по мнению журналистов «Sieci» целью Качиньского как выдающегося политика является *независимая (суверенная) декоммунизированная Польша, Польша для обычных поляков, знающая свою историю и понимающая свою идентичность*. Для достижения этой цели он *строит* (buduje), *перестраивает* (przebudowuje), *реформирует* (reformuje), *концентрирует* (skupia), *усиливает* (wzmacnia), *не хочет уничтожать и карать* (nie chce niszczyć i karać), *а хочет привести в равновесие* (chce zrównoważyć), за-

³¹ M. Karnowski, «Sieci» 2017, №27.

щищает (*chroni*), критикует (*krytykuje*), дисциплинирует (*dyscyplinuje*). Ему мешает оппозиция, которая провоцирует (*provokuje*), уничтожает (*niszczy*), подогревает эмоции (*podgrzewa emocje*), демонизирует (*demonizuje*), публично оскорбляет (*publicznie znieważa*), атакует (*atakuje*), и вообще помешалась на пункте лидера партии ПиС (**ma obsesję na jego punkcie**). Наиболее смыслогенерирующим предикатом в этом профиле является глагол *строить* (*budować*), позволяющий создавать одну из наиболее частых и емких метафор — *строителя, архитектора* (изменений к лучшему (*dobra zmiana*), победы и проч.), ср.:

Premier Kaczyński był architektem zwycięstwa Zjednoczonej Prawicy w ostatnich latach, ale w perspektywie ostatniego ćwierćwiecza widać też, że sformułował wyczerpujący i niezbędny dla Polski projekt ideowy, alternatywny wobec nieudolnego / nieudanego projektu III RP.

Премьер Качиньски был архитектором победы объединенных правых в последние годы, но с перспективы последних 15 лет видно и то, что ему удалось сформулировать исчерпывающий и обязательный идейный проект развития Польши, который стал альтернативой для неудачного проекта Третьей Речи Посполитой³².

На периферии этого профиля — при переходе к профилю, называемому нами личностным, — находятся те черты характера Качиньского, благодаря которым он может быть выдающимся политиком, это: справедливость, настойчивость, открытость, лидерские качества, последовательность, ср.:

Jarosław Kaczyński ma wielkie zasługi i odgrywa niezastąpioną rolę, ale jednocześnie szanuje tę różnorodność [poglądów w partii].

Заслуги Ярослава Качиньского велики, он незаменим, но одновременно он уважает разнообразие мнений в партии³³.

Jarosław Kaczyński walczył o naprawę wymiaru sprawiedliwości, zanim ja znalazłem się w życiu publicznym. Prezes Kaczyński nie cofnie się z drogi naprawy Rzeczypospolitej.

Ярослав Качиньски боролся за «починку» законодательной власти еще до того, как я стал государственным деятелем. Председатель Качиньски не сойдет с пути «ремонта» Речи Посполитой³⁴.

В личностном профиле (10%) появляются черты характера, которые характеризуют Качиньского как человека эмоционального, способного переживать сильные эмоции, но при этом уме-

³² Wywiad z A. Bielanem, rozmawiają bracia Karnowscy, «Sieci» 2017, №3.

³³ Wywiad z P. Glińskim, rozmawiają J. i M. Karnowscy, «Sieci» 2017, №37.

³⁴ Wywiad z Z. Ziobro, rozmawia J. Karnowski, «Sieci» 2017, №31.

ющего их сдерживать. Политик характеризуется как человек с чувством юмора и способностью к автоиронии, ср.:

Opozycyjni strategowie o tym wiedzą. I właśnie dlatego wyraźnie zdecydowali, że nie ma ważniejszej rzeczy niż sprowokowanie władzy do użycia siły, i to takiego, które dałoby się przedstawić jako brutalne. To w ich optyce przełamałoby sytuację... to tu kryje się przyczyna eskalowania protestów wobec smoleńskich miesięcznic. Bo tu przecież emocje ludzi PiS i osobiście Kaczyńskiego są największe, tu ich nerwy znajdują się najbardziej na wierzchu... Tylko że jak na razie władza nie daje się sprowokować.

Оппозиционные стратеги знают об этом. И именно поэтому решили, что нет ничего важнее, чем спровоцировать власть на применение силы, которое можно было бы описать как жестокое. По их мнению, это привело бы к изменениям в расстановке сил... Именно в этом кроется причина обострения протестов, направленных против смоленских месячных годовщин. Потому что в этом случае эмоции членов партии ПиС и лично Качиньского — самые сильные, нервы оголены до предела... Но пока что власть не поддается на провокации.³⁵

В нескольких контекстах актуализируется также профиль *материальный статус* (Качиньски — небогатый человек), но это единичные случаи.

ВЫВОДЫ

Как следует из проведенного анализа, имидж политика представляет собой сложный семантический конструкт, состоящий из нескольких семантических презентаций (профилей), организованных вокруг опорных оценочных номинаций — ярлыков или глорификаторов. Семантическая структура имиджа Качиньского в дискурсах исследуемых журналов представлена в таблице ниже.

«Newsweek Polska»	«Sieci»
Политический профиль	
Преступник (как Гитлер и Сталин), гангстер, главарь преступной группировки (мафии)	Выдающийся политик: революционер, реформатор, патриот, провидец, победитель

³⁵ P. Skwieciński, «Sieci» 2017, №25.

ИМИДЖ ЯРОСЛАВА КАЧИНЬСКОГО...

Идеолог (как Путин, Трамп и др.), тиран, диктатор, популист, автократ, самодержец, вождь, хозяин государства	Идеолог, самодержец
Вредитель	Архитектор
Профессиональные качества	
—	Справедливость, настойчивость, открытость, лидерские качества, последовательность
Личные качества	
Мстительный, злопамятный, мелочный, закомплексованный	Эмоциональность, человечность, чувство юмора, самоирония
Метафизический профиль	
Ипостась зла, дьявол, гипнотизер, манипулятор	—
Состояние здоровья	
Социопат, мизантроп, сумасшедший	—

Наиболее развернутым в нарративах обоих журналов является политический профиль, характеризующий стиль правления Ярослава Качиньского и его как политика. Как следует из таблицы, даже в случае повторения некоторых профилей (например, личностного) их семантическое наполнение может оказаться совершенно противоположным. Повторяющиеся номинации (*автократ*) также не свидетельствуют о совпадениях на уровне дискурса. Говоря другими словами, Качиньски-автократ из «*Newsweek Polska*» — это совершенно не то же самое, что Качиньски-автократ из «*Sieci*». Таким образом, перед нами и перед читателями обоих изданий предстают два совершенно разных человека. Это, несомненно, многое говорит о глубине идеологического разлома в политическом дискурсе современной Польши.

Во-вторых, имиджетворческие стратегии в случае негативного и позитивного имиджа политика преследуют совершенно разные цели. Целью журналистов «*Newsweek Polska*» является дискредитация политического противника, поэтому выстраиваемый ими имидж направлен на пробуждении в читателе одной из сильнейших базовых эмоций — страха (ср. польск.

straszenie Kaczyńskim). Журналисты делают это очень умело, используя разнообразные лингвистические и текстовые стратегии: это богатые синонимические ряды номинаций с негативными коннотациями, неологизмы, аллюзии, текстовая семантическая деривация. В арсенал персуазивных средств журнала входят такие риторические приемы, как «мнение эксперта», «мнение большинства», использование таких речевых актов и жанров, как открытое обвинение, намек, памфлет. Связанная с имиджем Качиньского семантика внедряется в сознание читателя путем многократного повторения ярлыков и связанных с ними лексико-семантических групп в разных материалах одного номера и практически во всех номерах исследуемого периода.

С другой стороны, имидж Качиньского, создаваемый журналистами «Sieci», производит впечатление менее выразительного, плоского, даже, наверное, скучного. Единственным элементом, который оживляет этот статичный «памятник», является кот Качиньского (польск. 'Kot Kaczora'), перекочевавший из фан-группы на Фейсбуке в рубрику с одноименным названием в журнале. В целом же политический нарратив еженедельника, связанный с имиджем политика, выдержан в панегирическом духе, в нем используются такие речевые акты, как благодарность и похвала. Лингвистический арсенал средств заметно беднее. Также используется риторическая стратегия «мнение эксперта», но чаще всего таким экспертом относительно фигуры Качиньского является сам Качиньски (интервью, прямое цитирование фрагментов и целых текстов выступлений). Это, конечно, не в последнюю очередь связано с профилем читателя журнала, которого не следует убеждать в том, что Качиньски выдающийся политик. Более того, в публицистическом дискурсе образ врага и любых других негативных явлений всегда намного богаче образа друга и явлений позитивных. Тем не менее, журналисты «Sieci» проигрывают в этом отношении журналистам «Newsweek Polska».

BIBLIOGRAFIA

- Bakumova, Yelena V. *Rolevaya struktura politicheskogo diskursa*, dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd, 2002 [Бакумова, Елена В. *Ролевая структура политического дискурса*,

- диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2002].
- Cichosz, Marzena. *(Auto)kreacja wizerunku polityka na przykładzie wyborów prezydenckich w III RP*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2003.
- Cwalina, Wojciech, Falkowski, Andrzej. *Marketing polityczny: perspektywa psychologiczna*. Sopot: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2006.
- Davyborets, Yelena N. *Formirovaniye imidzha lidera sovremennogo gosudarstva (na primere prezidentov Rossii i SSHA)*, dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata politicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2008 [Давыборец, Елена Н., *Формирование имиджа лидера современного государства (на примере президентов России и США)*, диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург 2008].
- Jeziński, Marek. *Marketing polityczny a procesy akulturacyjne. Przypadek III Rzeczypospolitej*. Toruń: Wydawnictwo Dom Wydawniczy DUET, 2004.
- Kananowicz, Tatiana. "Ideologicheskaya bor'ba na stranitsakh zhurnalov *Newsweek Polska* i *Sieci*: liberal'naya transformatsiya vs liberal'naya revolyutsiya" ["Идеологическая борьба на страницах журналов *Newsweek Polska* и *Sieci*: либеральная трансформация vs либеральная революция"], *Przegląd Ruscystyczny* 2018, no. 4.
- Kananowicz, Tatiana. "Walka ideologii na łamach tygodników *Newsweek Polska* i *Sieci*: kaczym vs układ." *Język Polski* 2018, no. 4.
- Kiklewicz, Aleksandr. *Znaczenie w języku — znaczenie w umyśle. Krytyczna analiza współczesnych teorii semantyki lingwistycznej*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Środkowo-Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2012.
- Kiklewicz, Aleksandr. "Informacja semantyczna w dyskursie wizerunkowym". *Porzędek słów. Gramatyka. Tekst. Styl. Dyskurs. Księga jubileuszowa dedykowana Profesor Zoi Nowożenowej z okazji 45-lecia pracy naukowej*. Ed. Kananowicz, Tatiana. Klimkiewicz, Aleksandra. Gdańsk: Wydawnictwo UG, 2019.
- Klishin, Anatoliy V. *Obshchestvennoye mneniye kak faktor vyrabotki politicheskikh resheniy (na materiale sovremennykh ekologicheskikh problem)*, avtoreferat dissertatsii po politologii. Moskva, 1992 [Клишин, Анатолий В. *Общественное мнение как фактор выработки политических решений (на материале современных экологических проблем)*, автореферат диссертации по политологии. Москва, 1992].
- Pawelczyk, Piotr. "Narcownik — nowy typ wizerunku politycznego". *Środkowo-europejskie Studia Polityczne* 2012, no. 2.
- Romanenko, Andrey P. *Obraz ritora v sovet-skoj slovesnoy kul'ture*. Saratov: Flinta, 2000 [Романенко, Андрей П. *Образ ротора в советской словесной культуре*. Саратов: Фланта, 2000].
- Skovorodnikov, Aleksandr P. *Ekologiya russkogo yazyka*. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Sibirskogo federal'nogo universiteta, 2016 [Сковородников, Александр П. *Экология русского языка*. Красноярск: Издательство Сибирского Федерального Университета 2016].
- Skovorodnikov, Aleksandr P. "Politicheskiye yarlyki v sovremennom russkojazychnom mediadiskurse". *Russkaya rech'* 2019, no. 1 [Сковородников, Александр П. "Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе." *Русская речь* 2019, no. 1].
- Sladkevich, Zhanna. *Politicheskij fel'jeton v svete teorii rechevogo vozdeystviya*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013 [Сладкевич, Жанна.

Политический фельетон в свете теории языкового воздействия. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego 2013].
Zuba, Krzysztof. *Polska scena polityczna: ciągłość i zmiana*. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2012.

Tatiana Kananowicz

WIZERUNEK JAROSŁAWA KACZYŃSKIEGO W Dyskursie politycznym
polskiej publicystyki (na materiale tygodników opinii)

Streszczenie

W artykule została przedstawiona semantyczna struktura pozytywnego i negatywnego wizerunku jednego z najbardziej popularnych polskich polityków ostatnich kilkunastu lat – Jarosława Kaczyńskiego – na materiale narracji politycznych dwóch konkurujących ze sobą tygodników opinii: „Newsweek Polska” i „Sieci”. Wizerunek w tym ujęciu jawi się jako złożony konstrukt semantyczny, składający się z co najmniej kilku prezentacji semantycznych, skoncentrowanych wokół tzw. etykiet (bazowych nominacji). Badane tygodniki przedstawiają dwa odmienne wizerunki Kaczyńskiego, stosując różnorodne środki lingwistyczne i tekstowe.

Tatiana Kananowicz

IMAGE OF JAROSŁAW KACZYŃSKI IN POLITICAL DISCOURSE OF POLISH
JOURNALISM (ON THE MATERIAL OF OPINION-BASED WEEKLIES)

Summary

In the article the author introduces the semantic structure of the positive and negative images of one of the most popular Polish politicians of last decades – Jarosław Kaczyński, on the basis of political narration of two competitive weeklies – “Newsweek Polska” and “Sieci”. Under this approach the image is defined as a complex semantic construction consisting of at least few semantic representations concentrated around labels (basic nominatios). Both weeklies present different images of the politician, using various linguistic and textual means.

ZOJA NOWOŻENOWA

Uniwersytet Gdański

 ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3266-8251>

МИСТИКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ VS. ЦЕННОСТИ МАССКУЛЬТУРЫ В КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ РОССИЯН: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Легализация дискурсов с иррациональным модусом заметно изменила картину коммуникативно-речевых практик российского общества: сформировала в ней определенные дискурсивные формации, новые жанрово-речевые формы, корпус лексических инноваций, определенные словосочетательные синтаксические закономерности, необходимые для обслуживания социокультурных и ментальных проявлений носителей русского языка.

На специфику данных дискурсов и их коммуникативно-речевые (и, в конечном итоге, их языковые) особенности самым непосредственным образом повлияли определенные социально-культурные процессы, а также интеллектуально-ментальные настроения и состояния, отмеченные как в России, так и во всем мире.

Итак, культурно-социальные перемены в России привели к разрушению базовых идеологем коммунистического мировоззрения. В поведенческой и мировоззренческой составляющей жизни россиян усилились индивидуалистические и иррационалистические тенденции, трансформировались ценностно-смысловые составляющие жизни россиян, возросла ценность индивидуального существования, осознание нового измерения человеческого бытия. Государственный репрессивный аппарат

перестал оказывать давление на религию, что привело к возрастанию демонстрации веры. Деидеологизация общественной жизни, крах коммунистической идеологии вызвали образование своеобразного духовного вакуума, который должен был заполниться. Именно эта брешь в общественном сознании начала заполняться конгломератом не всегда осознанных религиозных, философских, эзотерических и разного типа мистических представлений.

Можно сказать, что разные слои российского общества в силу своего образования, интеллектуального и духовного состояния, подготовленности и возможности принять новые ценности, обратились к новым для них духовным сферам. Поэтому в российском обществе наблюдается своеобразный ренессанс церковной духовности, возврат и укрепление на общественной сцене традиционных религий: христианства, прежде всего православия, католицизма, а также мусульманства, буддизма. В то же время формирование религиозного запроса привело к появлению «новых религий»¹, активизации эзотерических и теософских течений, обращению к различного рода магическим, колдовским, парафилософским, парарелигиозным и паранаучным практикам. «В глазах скептического человека XX века престиж традиционной религии поколеблен; она теряет роль руководства в жизни»². Показательны данные, приводимые в российской прессе: от 11 до 13 процентов населения России настолько верят в колдовство и магию, что готовы обращаться за помощью к оккультистам. Почти 2/3 россиян в принципе готовы обратиться за помощью к колдунам «в случае тяжелых жизненных обстоятельств». По данным опроса за 2012 г. «Левада-центра», к «эзотерикам когда-либо обращались 20% россиян, в то время как к профессиональным психологам — лишь 10%. А 80% опрошенных признались, что верят в различные астрологические и уфологические мифологемы»³.

Одной из причин усиления иррационалистической составляющей жизни россиян также является то, что в России об-

¹ П. С. Гуревич, *Культурология. Учебник для вузов*, Gardariki, Москва 2003, с. 256.

² Н. С. Юлина, *Джордж Сантаяна: Воображение, живая вера и «царства бытия»*. *Философская мысль в США XX в.*, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», Москва 2010, с. 149.

³ «Огонек» 2012, № 7 (20 февраля), <https://www.kommersant.ru/ogoniok/67830> (15.10.2019).

наруживаются типичные черты общества эпохи перемен, что особенно ярко проявилось в 90-е годы XX столетия. Основные черты кризисного состояния общества выявил Йохан Хейзинга, исследовавший ситуацию переходного периода в Европе конца 30-х гг. XX в. Они проявляются в шаткости общественной жизни, упадке культуры, нарушении равновесия материальных и духовных ценностей, доминации иррационального над рациональным, в отказе от идеалов познания, распространении суеверий, т.е. в иррационализации общественной жизни⁴. Кроме того, этот внутренний российский процесс поддерживается тем, что современное культурное сознание в целом «отмечено ослаблением традиционных рационалистических структур мышления и усилением иррационалистических мотивов и настроений»⁵.

Факт усиления роли эзотерики в современном научном познании вызван также кризисом рационалистической философии: «Познание перестает отождествляться только с научным познанием, а сама наука оказывается один на один с огромной областью пограничных исследований (аномальных явлений, астрологии, парапсихологии), то есть с рядом нетрадиционных подходов и познавательных ориентаций»⁶. Под натиском иррациональных настроений доказательные знания теряют свои позиции. Ученые констатируют, что «действительно наука и культура в последние десятилетия испытывают все более усиливающееся давление со стороны иррациональных — религиозно-мистических и эзотерико-магических концептов и представлений»⁷. Отмечается, что

на рубеже 60-70-х годов прошлого столетия обозначились первые признаки «магического Ренессанса», а в начале XXI века он уже превратился в одну из главных особенностей «нового культурного пространства»: не

⁴ Й. Хейзинга, *Осень Средневековья*, перев. Д.В. Сильвестрова, «Наука». Москва 1988, с. 249.

⁵ К.З. Акопян (ред.), *Массовая культура. Учебное пособие*, Изд. Альфа-М, Москва 2004, с. 106.

⁶ Л.В. Щеглова, Ю.В. Борисова, *Роль эзотерики в современном научном познании*, «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии» 2015, №1, с. 23.

⁷ В.Ф. Чешко, Л.В. Иваницкая, В.И. Глазко, *Постиндустриальная наука XXI века — рационализм versus иррационализм: эволюционно-философский аспект*, «Вестник российской академии естественных наук» 2011, №3, с. 69.

случайно постмодернизм все чаще характеризуется как «пространство неоархаики»⁸.

К поискам ответов на главные вопросы человеческого бытия, сформулированные Иммануилом Кантом — «что я должен знать? что я должен делать? на что я должен надеяться?» — которые Кант адресовал прежде всего философии, все более смело допускается эзотерика.

Эзотерика, эзотеризм трактуется как философское мировоззрение субъективного познания природы, доступное лишь ограниченному кругу лиц. Энциклопедия социологии определяет этот термин следующим образом:

Эзотеризм (от греч. esoterikos — внутренний) — англ. esoterism; нем. Esoterik. Тайное, скрытое от посторонних глаз, учение, знание, предназначенное исключительно для посвященных (окультизм, мистика, теософия и т.д.)⁹.

Эзотеризм противопоставляется научному познанию, он исходит из сакральных знаний язычества и культивируется во многих культурах как некое тайное знание на уровне теософии и философии древних и современных культур. В сферу эзотеризма (эзотерики) включаются также окультизм, магия, астрология, парапсихология, теософия и антропософия. Важно отметить, что эзотерика трактуется современной наукой как венауточное знание, не представляющее собой одну традицию или единую систему знаний. Термин *эзотерический* понимается и определяется как ‘тайный, скрытый, предназначенный для посвященных’. Именно такое понимание предлагает *Философский энциклопедический словарь*: эзотерический «(греч. — направленный внутрь) предназначенный только для избранных, для специалистов и понятный только им»¹⁰. Необходимо также отметить, что в России эзотерика все активнее становится объектом научного анализа и подвергается научной рефлексии¹¹.

⁸ А. А. Пелипенко, В. М. Хачатурян, *Когнитивные истоки «магического Ренессанса»*, «Человек» 2009, №3, с. 35.

⁹ А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко (ред.), *Социология: Энциклопедия*, Knizhnyu dom, Минск 2003, с. 1229.

¹⁰ Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов (ред.), *Философский энциклопедический словарь*, Республика, Москва 2010, с. 833.

¹¹ С. В. Пахомов, *Специфика эзотерического знания в теории и практике. Мистико-эзотерические движения в теории и практике* // С. В. Пахомов

Источником формирования эзотерического дискурса, распространения эзотерических знаний, идей, ценностей в России является обширная литература, касающаяся проблем эзотерики (эзотерическая литература и литература об эзотерике), специальная пресса (газеты, журналы), а также сонники, словари имен собственных, содержащие мистико-эзотерическую (колдовскую) информацию, интернет-издания, с соответствующей тематикой.

К классическим эзотерическим текстам в узком понимании (метаисторическим текстам-первоисточникам)¹² относят, например, такие древнейшие тексты, как тантры, мантры, Упанишады, средневековую еврейскую Каббалу и др. В русском эзотерическом дискурсе они присутствуют, как правило, в переводном варианте.

Кроме того, в дискурсе об эзотеризме, мистике, оккультизме эзотерическими также считаются тексты, выражающие принципы эзотерической философии, эзотерического мировоззрения, передающие эзотерическую информацию, эзотерические знания¹³. Эзотерический текст может также описывать эзотерические техники, методы и практики духовного преображения человека. В отличие от текстов первоисточников данные тексты можно назвать интерпретирующими. Светлана Кузьминская, например, понимает под эзотерическим текстом произведения, которые традиционно связываются с восточной философской школой Махатм¹⁴. Такие тексты, как правило, отражают

(ред.), *Проблемы интерпретации эзотеризма и мистицизма: Сб. материалы Третьей международной научной конференции*, RHGA, Санкт-Петербург 2010; В. М. Розин, *Эзотерический мир. Семантика сакрального текста*, Москва 2002; В. А. Вовченко, *Мистицизм, эзотеризм и оккультизм в духовной эволюции человечества* // С. В. Пахомов (ред.), *Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблемы интерпретации эзотеризма и мистицизма*, Санкт-Петербург 2010.

¹² См. В. Н. Назаров, *Введение в эзотерику*, Гардарика, Москва 2008, С. И. Кузьминская, *Особенности функционирования метафоры в современном эзотерическом тексте* // Доклад на международной научной конференции «Живая Этика и Культура. Идеи наследия семьи Рерихов в нашей жизни». Санкт-Петербургский Государственный Университет культуры и искусств, 10–11 февраля 2012, <http://www.facets.ru/articles12/5028.htm> (10.07.2019).

¹³ См. об этом.: С. Р. Аблеев, *Универсум сознания. Философские проблемы сознания в евразийском антропокосмизме*, Амрита Москва 2010.

¹⁴ С. И. Кузьминская, *Особенности функционирования метафоры в современном эзотерическом тексте* // Доклад на международной научной

этическую, философскую, метафизическую, психологическую проблематику, содержат описание духовных практик, направленных на преобразование внутренней сущности человека, и допускают как рациональный, так и иррациональный способы проникновения в суть излагаемых идей. Эзотерический текст, как правило, обладает некоторыми формальными признаками: он написан «эзотерическим языком», содержит эзотерические символы и знаки. Необходимо также отметить, что в литературоведении к эзотерическим текстам относят также тексты, в которых художник в своем идейно-художественном замысле воплощает эзотерические идеи и обращается к эзотерическим символам и смыслам¹⁵.

Начиная с XIX и на протяжении XX и XXI веков в России значительно расширился состав эзотерических текстов. В этот период получают распространение тексты Елены Блаватской, Генри Олкотта, Анни Безант, Кришнамурти, Ауробиндо Гхоша, Петра Успенского, Рудольфа Штейнера, Елены Рерих, Карлоса Кастанеды, Даниила Андреева, Дайсэцу Судзуки, Алана Уотса и др. Считается, что тексты *Писем Махатм*, *Тайная Доктрина*, *Учение Храма*, *Живая Этика*, *Грани Агни Йоги* наиболее полно отражают идеи Сокровенной Мудрости¹⁶. Исследователи также отмечают высокую степень присутствия в русском эзотерическом дискурсе переводной литературы¹⁷, которая особенно усилилась в 90-е гг. XX в. (например, Эстер и Джон Хиксы — *Учения Абрахама*, серия книг Сан Лайта, Роберта Стоуна, Джо

конференции «Живая Этика и Культура. Идеи наследия семьи Рерихов в нашей жизни». Санкт-Петербургский Государственный Университет культуры и искусств, 10–11 февраля 2012: <http://www.facets.ru/articles12/5028.htm> (10.07.2019).

¹⁵ См., например: M. Rzeczycka, *Wtajemniczenie. Ezoteryczna proza rosyjska końca XIX – początku XX wieku*, Uniwersytet Gdański, Gdańsk 2010; Н. В. Петрунина, *Эзотерический элемент как языковой знак. (На материале лирики У.Б. Йейтса)*, «Вестник Томского государственного университета» 2011, №8.

¹⁶ См. С. Р. Аблеев, *Махатмы и этический гнозис: Формирование идейно философской традиции антропокосмизма*, Проект ММ, Тула 2006; С. И. Кузьминская, *некоторые характеристики эзотерического дискурса* // «Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн» 2014, №7, <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1455> (2014.12.22).

¹⁷ А. А. Ворожбитова, Л. Л. Романенко, *Эзотерический дискурс-ансамбль в системе дискурсивных процессов гносеологически ориентированной коммуникации российского социокультурно-образовательного пространства. Лингвориторический аспект*, «Известия Сочинского государственного университета» 2013, №3.

Витале *Жизнь без ограничений*, произведения Франка Кинслоу, Ога Мандино и др.).

Эзотерический дискурс закрепился и на российском телевидении (эзотерические программы и каналы такие, например, как «Душа ТВ», «Грани Бытия», «Эзо-TV» и др.).

Значительно расширяется эзотерический дискурс в интернет-пространстве. Мы насчитали около 130 эзотерических сайтов (см., например, такие порталы, как эзотерический форум «Живое знание», «Медитуря — путешествия в медитации», «Математика Вселенной», сайты «Таролог», «Методики очистки эволюционного пути», «Магическое созвездие», «Техника Свободы», «Создай себя», «Астро-Оазис»; блоги «UFO/Инопланетяне», «Семинары/Мастер-классы», «Мистификации», «Мифические существа», «Наука и эзотерика», «Оккультизм», «Параллельные цивилизации» и др.).

В то же время наблюдается своего рода сращение эзотерического дискурса с текстами массовой культуры и рекламы¹⁸. Тексты этого сегмента публичной коммуникации некоторые исследователи называют псевдоэзотерическими¹⁹, так как в них не выражается, а эксплуатируется эзотерическая идея.

Таким образом, эзотерические и мистические идеи, смыслы, символы, ценности стали заметной составляющей интеллектуально-духовной жизни современного российского общества. Эзотерическое миропонимание обнаруживается в научном, философском, художественном, публицистическом, публичном, массмедийном пространстве. Проявляясь в различного рода текстовых и речевых произведениях (презентациях), в коммуникативно-речевых событиях, они обнаруживают определенные социально-речевые практики, формируют эзотерический дискурс и дискурс об эзотеризме.

Эзотерический дискурс можно определить как совокупность вербальных высказываний и невербальных продуктов, возникающих в связи с общественно-речевыми практиками в области эзотерики, а также практиками, допускающими полностью или частично знания и убеждения эзотерики, принимающими

¹⁸ З.Л. Новоженова, *Русский язык в новых дискурсивных пространствах: реклама... божественного // Мир русского слова и русское слово в мире*, т. 3. Heron Press, Sofia 2007.

¹⁹ Е.В. Зорина, *Русская метафизика и эзотерическая традиция. XX век*, Марийский государственный университет, Йошкар-Ола 2000.

эзотерическое объяснение человека и мира. Основными функциями эзотерического дискурса является изложение содержания эзотерического мировоззрения, пропаганда эзотерических взглядов на мир, поиски адептов, обслуживание эзотерических практик, использование эзотерики в целях манипуляции. Интерпретация мира в этом типе дискурса определяется эзотерической позицией субъектов дискурса, системой его ценностных эзотерических установок.

Эзотерический дискурс, кроме прочих конститутивных признаков когнитивного и прагматического характера (цели, стратегии, участники, жанры, хронотоп и др.), обладает также системой ценностей. Именно ценности, по мнению Нины Арутюновой, выполняют координирующую (между человеком и миром объектов), стимулирующую (направляющую деятельность), дидактическую и регулирующую (прескриптивную) функцию в механизмах жизни²⁰.

Эзотерические ценности базируются на эзотерическом миропонимании и на эзотерическом знании. «Эзотерическое знание в отличие от научного не является рациональным. Оно носит иррациональный характер апеллирует к бессознательному, к воображению. Эзотерическое знание есть знание интуитивное»²¹. Эзотерические знания весьма обобщенно можно свести к следующим положениям: вера в существование иной, «подлинной», реальности, особое понимание и постулирование универсальности законов мироустройства, понимание времени как нелинейного, цикличного, повторяющегося; возможность автономности человеческого сознания, стремление к синтезу философского, религиозного и эзотерического опыта; поиски путей гармонизации психического состояния человека. «Среди основных идей, которые последовательно рассматриваются и утверждаются данной системой текстов, можно выделить следующие: сложность онтологической структуры мироздания, дальнейшая эволюция человека, многомерность человеческой природы, возможность инобытия человеческого сознания, синтез различных форм познания действительности и др.»²².

²⁰ Н. Д. Арутюнова, *Язык и мир человека*, Языки русской культуры, Москва 1999, с. 60.

²¹ А. В. Паньчик, *Социально-философский анализ эзотеризма*. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филос. н., Ростов-на-Дону 2002.

²² С. Р. Аблеев, *Универсум сознания...*; В. Н. Назаров, *Введение в эзотерику...*

Безусловно, эзотерической ценностью является признание того, что «все явления и действия реального мира обусловлены тонким миром и неподвластны нашему пониманию», а также холистический взгляд на мир, признающий глубинную взаимосвязанность всех вещей: «взгляд на мир как на единое целое, а не собрание разрозненных частей»²³. Эзотерические ценности являются прерогативой адептов эзотеризма, но вместе с тем они в разной степени (в разном объеме, с разной степенью осознанности, с различными целями и разным критическим отношением к ним) осваиваются различными слоями российского общества, активно проникают в публичное пространство, а также подвергаются медиатизации (наряду с религией). Так, Стив Хьярвирд приводит один из факторов, свидетельствующих о медиатизации религии и религиозных ценностей, ему вторит российский исследователь «[...] в процессе медиатизации СМИ становится главным субъектом, влияющим на формирование представления о религии и религиозных ценностях в публичной сфере»²⁴. Подобному процессу медиатизации в полной мере подвергается и эзотерика.

Как указывалось выше, проникновение эзотерического знания и ценностей в публичное медийное пространство отражается в коммуникативно-речевых дискурсивных практиках россиян, в том числе и на уровне речевых средств и жанрово-текстовых образований. Данные коммуникативно-речевые процессы можно обнаружить и на лексическом уровне (в лексическом наполнении эзотерических текстов).

Эзотерическое знание, эзотерическая «идеология» определяют ономазиологические аспекты текстообразования: они создают «свое» эзотерическое текстовое пространство²⁵. Эзотерический текст, как показал наш анализ, обнаруживает тематические цепочки номинативно-лексических средств (тезаурус дискурса/

²³ Ф. Капра, *Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем*. Пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса, ИД «София», Москва 2003.

²⁴ В. М. Хруль, *Медиатизация религиозных ценностей как фактор формирования культуры диалога в российской журналистике*, «Вестн. Моск. Унта, Сер. 10, Журналистика» 2012, №1, с. 61.

²⁵ См. об этом З. Новоженова, *Коммуникативно-функциональные свойства новых русских эзотерических текстов // Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы*. И. Любоха-Круглик, О. Мальса, Г. Вильк, А. Зых (ред.), *Śląsk-Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych*, Katowice 2017, с. 457–475.

текста), которые формируют специфическое семантико-смысловое пространство текста²⁶: *материя, сознание, энергия, информация, слово, космическое всезнание, духовная эволюция, сверхлюди, сверхсущества, эфирные оболочки, любовь, красота, терпимость, жертва, Вселенная, помощь, опекунство, кураторство, мир, человечество, душа, сознание, судьба, посвящение, высший разум, манада, искра божья* и др. Эзотерическое знание способствует насыщению эзотерического текста специальной терминологией (*медитация, нумерология, астрология, реинкарнация, магия, мистика, оккультизм, спиритуализм, каббала, теософия, антропософия, космоэнергетика, биоэнергетика* и др.) и особыми иноязычными заимствованиями (*телекинез, левитация, реинкарнация, ксеноглоссия* и т. д.), а также текстовыми дискурсивными иноязычными вкраплениями: «Веды утверждают, что существует три вида страданий: адхьятмика, адхибхаутика и адхидайвика»²⁷.

В создании тезауруса эзотерического дискурса участвуют и устойчивые сочетания (клише, речевые штампы, фразеологизмы и под.). Активизация эзотерического дискурса способствует формированию в нем новых словосочетательных связей и возникновению внутритекстовых устойчивых словосочетаний, таких как, например, *Живая Этика, тайная доктрина, расширенное сознание, чистое сознание, измененное (состояние) сознание, Тонкие Тела, эфирное тело, Божественный план, диагностика ауры, четвертый путь, сила мысли, Вознесенные Мастера, Учителя Человечества, высшее планетарное Братство, эфирная оболочка, астральный план, энергетический канал, энергоинформационные структуры* и др.

Часто словосочетательные связи дают метафорический эффект и выражают символические смыслы: *фокус энергии, непрерываемое сознание, просветленная память, высшая энергетическая связь, страшное время, эфирные оболочки, Вознесенные Владыки, Владыки мудрости, Священный Высший Разум, Сокровенная мудрость, Третий глаз, луч преданности* и др.

Об увлеченности российского общества эзотерическими идеями и ценностями свидетельствует наш анализ эзотерической

²⁶ В данном случае текстами для анализа послужили в основном тексты эзотерических трактатов, эссе, наставлений.

²⁷ Р. Михайлов, *Тройственные страдания*, <https://audioveda.ru/tags/69> (10.07.2019).

фразеологии (*ушел в астрал*²⁸, *повторять как мантру*²⁹). Все чаще и в медиапространстве фиксируются различные жанровые разновидности эзотерического дискурса. В целом в соответствии с прагматическими целеустановками и интенциями говорящего субъекта жанровые разновидности эзотерических текстов можно разделить на три группы: 1) тексты, интерпретирующие и демонстрирующие эзотерическое знание и познание, тексты о мироздании (эссе, трактаты, послания, наставления и под.); 2) тексты суггестивные, описывающие практики самосовершенствования и пропагандирующие возможности и пути духовного перерождения (наставления, послания и нек. др., инструкции по духовным практикам); 3) тексты, указывающие на эзотерические знаки и символы (сонники, астрологические прогнозы, гороскопы, словари имен собственных, профетические тексты). Жанровое разнообразие эзотерических текстов дополняют также мистические и оккультные тексты, прорицания, откровения, профетические тексты (провидения и предсказания), гримуары, которые представляют собой учебники магии, инструкции по изготовлению амулетов, талисманов, вызову духов, астрологические прогнозы, эзотерическая публицистика, беллетристика и нек. др.

Именно данные текстово-жанровые образования, как правило, являются трансляторами эзотерических ценностей в публичное медийное пространство.

Однако попадая в СМИ, эзотерические ценности испытывают мощное давление массовой культуры. Носитель массового сознания, поверхностно и неосознанно усвоив мистико-эзотерические ценности (холистическую идею, идею автономности сознания, ограниченно принимая принцип причинно-следственных отношений и проч.), вырабатывает поверхностно-схематизированный вариант эзотерики и достаточно примитивный компендиум эзотерических знаний (астрал, мантра, йога, чакры, расширенное сознание и др.), и в конечном итоге остается во власти ценностей массовой культуры. А как известно, основной ценно-

²⁸ З.Л.Новоженова, «Ушел в астрал и не вернулся...» *Эзотерические фразеологизмы. Замечания к наблюдениям* // А. Pstyga (red.), *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, Uniwersytet Gdański, Gdańsk 2018, с. 114–125.

²⁹ З.Л. Новоженова, *Новая русская фразеология: эзотерический вектор* // В. Аврамова, А. Пенчева, Г. Гочев и др. (ред.), *Русистика: вчера, сегодня, завтра*, Общество русистов Болгарии, София 2018, с. 183–193.

стью массового человека, его жизненной функцией становится принципиальное и радикальное потребительство. Таким образом, тиражирование идеи эзотерики, которая проходит под лозунгом «эзотерику — в массы!», безусловно, приводит к девальвации и банализации эзотерических ценностей, к обеднению их смыслов. Массовая культура, как известно, касаясь даже самых сложных проблем веры, интуиции, идеалов, бытия, сознания, Вселенной и др. всегда идет по пути упрощения. В ряду ценностей массовой культуры называются³⁰ богатство, деньги, секс, культ грубой силы, слава, прагматизм, собственность, а также гедонистические ценности — удовольствие, комфорт, успех, благополучие, сила, здоровье и нект. др.³¹

В сегменте медиaprостранства наблюдается своего рода взаимопроникновение эзотерических ценностей и ценностей массовой культуры, сращение эзотерического дискурса с текстами массовой культуры и рекламы.

Возможно, «главными» эзотерическими текстами, которые функционируют в массмедийном пространстве, являются гороскопы и эзотерическая реклама, так как именно они количественно преобладают и целенаправленно транслируют некоторые представления о действительности в массовое сознание социума. Обратимся сначала к самому, пожалуй, популярному из них — гороскопу.

В основе жанрово-текстовой организации классического гороскопа лежит многоуровневая астрологическая система³². Классический астрологический прогноз (гороскоп) имеет свой устоявшийся канон, который базируется на архаическом слое (архетипы и мифологемы), а также включает образный (метафоры и другие тропы), характеристический слой. Особый слой представлен практическими рекомендациями, что определенным образом отражается и на его трехчастной структуре: 1) описание карты неба и расположения планет, 2) интерпретация

³⁰ См. напр. А. А. Зиновьев, *На пути к сверхобществу*, ЗАО Изд-во Центрполиграф, Москва 2000, с. 371.

³¹ См. С. С. Ильченко, *Ценности «массовой культуры»: перспективы научного осмысления*, «Вестник Санкт-Петербургского университета, Журналистика», сер. 9, 2008, №1.

³² Санкт-Петербургская астрологическая академия (СПБАА): <http://www.astro-academy.spb.ru>; Astrologo.ru, Профессиональные гороскопы: <http://astrologo.ru/natal/>; Vgoroskope — научная астрология и современные технологии: <https://vgoroskope.ru> (10.07.2019)

влияния расположения планет на события, 3) рекомендации. Он написан специальным «эзотерическим» языком, отличается достаточно большим объемом и, как правило, содержит графическое изображение астрологической карты (натальной карты). Авторами классических астрологических прогнозов являются люди, считающие себя профессионалами (астрологами), обладающими специальными знаниями.

В то же время астрологический прогноз становится одним из популярнейших жанров массовой культуры. Однако в массмедийном пространстве жанр гороскопа переживает значительную трансформацию.

Гороскопы публикуются во многих российских современных газетах и журналах, прежде всего в журналах мод и женских журналах: «Elle», «Cosmopolitan», «Burda», «Крестьянка», «Лиза», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец» и др. Они помещаются в интернет-порталах, существуют отдельные сайты, посвященные только эзотерическим прогнозам. Примерами гороскопов могут быть следующие тексты:

ВЕСЫ — Текущее положение звезд свойственно для начала эмоционального разнообразия. Именно это сейчас и происходит в Вашем астрологическом доме семьи, жилья и чувств. Что ж, не стоит и упоминать, как много всего происходит в Вашей жизни, даже если эти события не столь очевидны для сторонних наблюдателей. Однако окажите себе услугу. Возьмите быка за рога и сами сделайте первый шаг. Если сможете самостоятельно во всем разобраться, у Вас будет реальной повод для гордости³³.

БЛИЗНЕЦЫ — В ваших чувствах царит спокойствие и гармония. Четверг и пятница прекрасны для встреч и свиданий. Если вы были в ссоре с любимым человеком, то обязательно помиритесь. А воскресенье — просто райский день: в ваших отношениях полное взаимопонимание и единодушие³⁴.

БЛИЗНЕЦЫ — Если Близнецам выпадает шанс взяться за рискованное, но прибыльное предприятие, не нужно бояться — вы совсем справитесь блестяще.

РАК — Не стоит хвататься за новое, лучше с чувством и толком завершите начатые дела. Совесть будет спокойной, а кошелек толстым³⁵.

ОВЕН — Готовьтесь к тому, чтобы взять командование в свои руки. Вы просто фонтанируете удачными идеями³⁶.

КОЗЕРОГ — Постарайтесь сегодня провести немного времени на природе. Свежий воздух и природные красоты окажут на Вас расслабляющее

³³ <http://horo.ukr.net> (10.07.2019)

³⁴ <http://www.astromeridian.ru> (10.07.2019)

³⁵ «Караван историй», ноябрь 2018, №11.

³⁶ Там же.

действие — но в то же время, это взбодрит Вас и даст несколько идей на счет того, чего Вы хотите от жизни. К тому же, занимаясь обычными житейскими проблемами, Вы сможете оставаться более приземленным и уравновешенным. Вы пытались найти какое-то решение, и после времени, проведенного на свежем воздухе, Ваш разум (а вместе с ним и выбор) станет яснее³⁷.

Попадая в медийное пространство, гороскоп под действием требований и ценностей масскультуры теряет многие черты астрологического жанрового канона. Во-первых, такой гороскоп значительно сокращается в объеме, однако пытается сохранить трехчастное деление, и самое главное, смысловую и тематическую доминанту. На это обращают внимание исследователи: «эзотерический гороскоп, помещенный в медиапространстве, декларирует знания о влиянии небесных тел на судьбу человека и земные события, согласно которым их можно предсказать по взаимному расположению небесных тел»³⁸.

Таким образом сохраняется главная эзотерическая цель гороскопа — сообщение о влиянии расположения звезд на каждый знак зодиака, т.е. на представителей того или иного знака, и, в связи с этим, даны рекомендации для их поведения в определенном отрезке времени.

Однако коммуникативная, прагматическая цель гороскопа в массмедийном пространстве иная — развлекательная, гедонистическая, «успокоительная». Массовая культура расставила иные акценты, изменила природу этого жанра. Многие исследователи относят астрологический прогноз к жанрам массовой литературы, рассчитанным на читателя-потребителя³⁹. Автором его является литературный работник, журналист.

Для эзотерических и квазиэзотерических текстов, к которым необходимо отнести гороскопы, а также эзотерическую рекламу, о которой мы будем говорить ниже, характерными являются осо-

³⁷ <http://orakul.com> (10.07.2019)

³⁸ Е. В. Бабаева, *Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Волгоград 2004.

³⁹ См. например: Е. В. Бабаева, *Тексты гороскопов как отражение социальных ценностей и норм* // Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухина (ред.), *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс*, Азбуковник, Москва 2003; О. В. Карпова, *Астрологический прогноз как жанр массовой литературы. Образ читателя-потребителя*, «Филология в системе современного университетского образования» 2004, №7.

бые стратегии называния, так как именно номинативные единицы позволяют построить другую, мистическую, эзотерическую реальность, о которой Ролан Барт пишет: «Эти тексты служат, чтобы заклинать реальность, именуя ее»⁴⁰. Таким образом, первая характерная языковая черта гороскопов — это их лексическое наполнение: характер номинативных рядов в них определяется коммуникативно-прагматическими интенциями автора и тематической направленностью гороскопа (которую можно определить как предмет разговора, предмет коммуникации). Это, как правило, такие темы, как здоровье, карьера, новые знакомства, любовь, семейные отношения, финансы и под., — то есть все то, что лежит в сфере так называемых личных интересов человека. Можно встретиться с утверждением, что «астрологический прогноз как литература «мелкобуржуазного» мира в концентрированном виде представляет идеи массовой литературы»⁴¹. В целом это утверждение верно. И в этой связи хочется вспомнить расхожее мнение о том, что есть только три вещи, о которых следует писать: «любовь, смерть и деньги». Представляется, что массовая литература и культура отличаются от «настоящей» не столько характером проблем, сколько способом их постановки и разрешения.

Языковые особенности гороскопа, которые несут на себе «тяжесть» реализации прагматических и гедонистических ценностей, обнаруживаются в разноуровневом составе языковых средств (единиц). Так, в медийном гороскопе практически отсутствует мистическая тональность классического гороскопа: она подменяется шутливо-«приятельской» тональностью⁴². Эта стратегия конструирования текста требует использования разговорного стиля, наличия жаргонизмов и сниженной лексики: *(хвататься за новое, толстый кошелек, фонтанировать идеями, с чувством и толком завершить дела)*, фразеологизмов *(возьмите быка за рога, сделайте первый шаг, реальный повод, выпадает шанс, совесть будет спокойной, дарит спокойствие,*

⁴⁰ Р. Барт, *Мифологии*, пер. С. Зенкин, Изд. им. Сабашниковых, Москва 2000, с. 209.

⁴¹ О. В. Карпова, *Астрологический прогноз как жанр массовой литературы. Образ читателя-потребителя*, «Филология в системе современного университетского образования» 2004, №7, с. 25.

⁴² З. Л. Новоженова, *Модальность и тональность в эзотерическом тексте* // И. Ю. Кукса (ред.), *Категория модальности в речевой коммуникации: сб. науч. тр.*, Изд. БФУ им. И. Канта, Калининград 2016, с. 179.

райский день, природные красоты и др.). В медийном гороскопе может появляться и модное иноязычное заимствование из английского языка, американизмы, что совершенно не характерно для классического гороскопа. Вероятностный и необязательный характер медийного астрологического прогноза диктует и некоторые его грамматические особенности: для первой части прогнозов характерно будущее время (*у вас в судьбе произойдут значительные изменения, вас ждет финансовых успех, наблюдается повышение умственных возможностей* и т.д.) и особая модальность возможности, которая оформляется с помощью модальных глаголов *может, можете* и модальных слов *возможно, может быть* и под. (например, *вы можете допустить неточности, вы можете отказаться от дополнительной работы, в вашей жизни может случиться что-то приятное, возможно вас посетит теца*).

Краткость изложения, ясность риторических приемов делает очевидным, доступным содержание гороскопа, не требующего от адресата интеллектуальных усилий: создается некоторый психологический комфорт, проистекающий из общей комплиментарности текста и направленности его содержания на личность читателя. В конечном итоге это способствует реализации в данном типе текстов развлекательной функции, гедонистических и прагматических идеалов общества потребления. Астрологический прогноз, реализуя фактор адресата, как правило, имеет возрастную, социальную или гендерную адресованность.

Другим жанром, активно функционирующим в медиапространстве, является эзотерическая реклама, обслуживающая колдовские иррациональные практики, деятельность магов, целителей, экстрасенсов и под. Реклама в качестве медийного жанра относится к жанрам массовой культуры. Однако эзотерическая реклама принимает на себя также функцию транслирования определенных эзотерических смыслов и ценностей. В результате реклама как жанрово-текстовое образование переживает определенную трансформацию:

(1) Международная Академия Инновационной Парапсихологии

Возможности человека безграничны, их просто необходимо разблокировать. Обучение магии у Михаила Карса позволит вам не только профессионально овладеть магическими техниками, но и научиться более глубоко проникать в суть выполняемых вами ритуалов.

МИСТИКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ...

(2) Лаборатория практической магии

Организация объединяет лучших Алтайских магов и целителей, которые ведут консультативно-практическую деятельность в круглосуточном режиме.

Магическая династия. Тайные знания древних. Возможности современности.

Прямая диагностика по фото, очно, через средства виртуальной связи Интернет. Просмотр событийного ряда через карты. Прямое ясновидение. Вызов покойных. Медиум...

(3) Я Вам помогу! Снятие сглаза и порчи. Помощь в решении семейных и личных проблем. Диагностика кармы. Бизнес прогноз. Предпродажная подготовка эзотерическим практикам.

Магия, предсказание, гадание, снятие порчи.

Магия, Теософия, Карма, гипноз, гадания, также увидеть паранормальные силы, которые заложены в нас самих, это тоже видимое проявление Бога. Стань сильнее колдовства и негативного воздействия!

(4) Заочный тренинг — специализированный эзотерический курс Защиты от негативного целенаправленного и бытового воздействия, для приостановления текущего влияния...

(5) Дети до 10 лет консультируются за символическую плату; Внимание: в июне состоится посвящения с 50% скидкой в каналы: Св. Будда, Св. Моисей, Св. Мухаммед, Св. Иисус, Агни, Хум, Агни-Хум. Информация по телефону.

(6) Сеньорита Гиацинта: Предсказания и определение причин Ваших проблем на Таро, Рунах, с помощью авторских методик. Коррекция ситуации. Колдовство любое на заказ: любовная и денежная магия, открытие удачи, снятие негатива и постановка защиты, наказание врагов. Лечение бесплодия. Обо мне: <http://www.magic-gallery.com> Медицинские консультации (акушерство и педиатрия). Помогаю справиться с проблемными кожей и волосами и с лишним весом. Гостей не консультирую.

Специализация: Эзотерика (Гадания онлайн, Магия, Биоэнергетика, Парапсихология, Фэн-шуй, Хиромантия, Толкование сновидений, Таро, Руны, Целители, Мистика, Нумерология, Экстрасенсы, Обереги, талисманы); Медицина (Фармация, Гомеопатия, Педиатрия, Беременность и роды, Классическая медицина), Красота, Здоровье (Косметология, Нетрадиционная медицина, Здоровое питание, Спорт, Имидж и стиль, Восточная медицина, Рэйки, Аюрведа, Литотерапия, Ароматерапия)⁴³.

Как видно из приведенных текстов, дискурсивный код совмещает в них, с одной стороны, черты рекламных манипуляций, с другой, проявляет иррациональные ментальные установки. Эти тексты имеют некоторые формальные признаки рекламы: слоган, рекламный девиз, сведения об услугодателе, информация об услуге, реквизиты. Кроме того, в лексическом составе текстов реклам можно отметить единицы с определенной се-

⁴³ <https://www.liveexpert.ru/e/femme-chatte> (12.03.2019)

мантикой, вносящих в текст осязаемую долю здорового прагматизма, деловитости и коммерческих отношений весьма далеких от эзотерических ценностей: *Международная Академия* (1), *Лаборатория* (2), *Организация* (2), *Интернет* (2), *бизнес-прогноз* (2), *консультационно-практическая деятельность* (2), *информация по телефону* (5), *авторские методика* (6), *специализация* (7), *имидж* (7), *предпродажная подготовка* (3).

В свою очередь, иррациональный вектор отбирает для создания текста особые специфические языковые единицы. Так, в данных текстах отсутствует характерная для современной рекламы экспрессивная составляющая (экспрессивная лексика, языковая игра, фразеологизмы, жаргонизмы), а характер заимствований отличается от типичных для рекламы (как правило, в них отсутствуют англицизмы и американизмы).

Таким образом, смысловое пространство эзотерического рекламного текста формируется различными тематическими цепочками номинативно-лексических средств (тезаурс дискурса/текста). Лексический состав текстов, как уже говорилось, с очевидностью проявляет их иррациональный модус, свидетельствующий о наличии эзотерических ценностей в смысловом пространстве текста: *порча, сглаз, родовое проклятие, зеркальная защита, гадания, отворот, приворот, остуда, аура, чакра, талисман-оберег, духовная чистка, руны, предсказания, колдовство, гадания, карма, астрал, аюрведа* и под. Эксплуатация эзотерического знания и эзотерических ценностей способствует насыщению эзотерической рекламы специальной терминологией: *медитация, нумерология, астрология, реинкарнация, магия, мистика, оккультизм, спиритуализм, каббала, теософия, антропософия, космоэнергетика, биоэнергетика, руны, таро, экстрасенсы, медиум, чакры* и др., что способствует созданию особой мистической тональности текстов⁴⁴. Для данных текстов характерен особый концептуальный фон, фиксирующий «конфликт интересов», который выражается через такие концепты, как *судьба, посвящение, любовь, болезнь*, с одной стороны, и *бизнес, деньги* — с другой стороны. Процессы семантической изотопии, возникающие в дискурсе, вызывают в данных текстах изменение семантики слов и концептуальных ценностных смыслов, выражаемых фундаментальными философскими и религиоз-

⁴⁴ З. Л. Новоженова, *Модальность и тональность в эзотерическом тексте...*, с. 179.

ными понятиями (например, *Бог, вера, посвящение* и под.). Как правило, этот процесс ведет в сторону их девальвации. Так, в достаточно малом текстовом пространстве прагматика ситуации объединяет трансцендентные и бытовые смыслы: *Алтайские маги и целители [...] ведут консультативно-практическую деятельность в круглосуточном режиме (2); [...] состоится посвящение с пятидесятипроцентной скидкой в каналы св. Будды, св. Моисея и св. Иисуса... (5); Диагностика кармы и бизнес-прогноз (3); Любовная, денежная магия, колдовство на заказ (6) и под.*

Целенаправленный отбор номинативных средств является наиболее естественным языковым инструментом речевого воздействия в дискурсе. Павел Паршин замечает, что «в силу разнообразия лексической семантики выбор слов оказывается универсальным инструментом, с помощью которого осуществляются самые разные виды воздействия»⁴⁵.

«Называть социальные явления — значит вызывать их к жизни»⁴⁶, — писал в свое время известный социолог Пьер Бурдьё. Именно через номинацию явлений в тексте современные маги, целители, колдуны показывают свою власть над действительностью. Следуя мистической и эзотерической логике, события реальной жизни, фиксируемые эзотерической рекламой, определены «нерациональными» обстоятельствами: сглазом, психоэнергетикой, негативным воздействием, родовым проклятием и под. Убеждающая манипуляция проявляется также в создании коммуникативных типажей, масок. Этой цели служат имена собственные (*Габриэла, Гуацинта, Жермена* и под.), использование статусных титулов и званий (*академик ясновидения и целительства, Магистр Высшей Магии Международного класса, потомственная колдунья, Сеньорита Гуацинта* и под.).

Генеральной когнитивной стратегией, которая осуществляется в подобного типа текстах, является стратегия онтологизации знаний, т.е. интеграция знаний и ценностей адресанта в модель мира адресата. Она происходит при помощи вариативной интер-

⁴⁵ П. Б. Паршин, *Природа речевого воздействия*: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/4be4c290-3db5-c4ef-05a5-6aac5078c5b3/1009689A.htm> (10.07.2019)

⁴⁶ П. Бурдьё, *Социология политики*, Socio-Logos, Москва 1993.

претации действительности⁴⁷ и тактики навязывания пресуппозиции. В конечном результате это может привести к формированию новой картины мира у адресата, или, в случае неприятия предлагаемой интерпретации действительности, создает у него когнитивный и познавательный диссонанс, то есть может выработать позитивное или негативное отношение у адресата к предмету сообщения.

Тексты проанализированных двух жанров — гороскопа и эзотерической рекламы — свидетельствуют о формировании в массмедийном пространстве дискурсивных формаций, проявляющих социальные практики, ментальные установки, систему ценностей и коммуникативные потребности современного российского общества. Эзотерическая реклама и гороскоп являются специфическими жанрами, создаваемыми на основе особой коммуникативно-когнитивной программы, включающей иррациональные ментальные установки и ценности, а также ценности и прагматику массовой культуры. Эта программа обуславливает целенаправленный отбор речевых и языковых средств, направленный, в конечном итоге, на изменения как индивидуального, так и общественного сознания, или, в терминах когнитивной лингвистики, картины мира адресата.

Современное медиапространство в жанрах гороскопа и эзотерической рекламы демонстрирует конкуренцию эзотерических ценностей и ценностей массовой культуры. Эзотерический дискурс массмедиа использует достижения современной информационной индустрии, эксплуатирует положения и понятия религии и философско-интеллектуальных течений, а также использует приемы, методы и «идеалы» массовой культуры, демонстрируя речевую системность в отборе и качестве языковых средств для создания порядка дискурса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ableyev, Sergey. *Makhatmy i eticheskiy gnozis: Formirovaniye ideyno-filosofskoy traditsii antropokosmizma*, Tula: Proyekt MM, 2006 [Аблеев Сергей, *Махатмы и этический гнозис: Формирование идейно-философской традиции антропокосмизма*, Тула: Проект ММ, 2006].

⁴⁷ А. Н. Баранов, П. Б. Паршин, *Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации*, ИНИОН, Москва 1986.

- Ableyev, Sergey. *Universum soznaniya. Filosofskiye problemy soznaniya v yevraziyskom antropokosmizme*. Moskva: Amrita, 2010 [Аблеев С.Р., *Универсум сознания. Философские проблемы сознания в евразийском антропокосмизме*. Москва: Амрита, 2010].
- Akopyan, Karen (Ed.). *Massovaya kul'tura*. Uchebnoye posobiye, Moskva: Izd. Al'fa-M, 2004 [Акопян, Карен (Ред.). *Массовая культура*. Учебное пособие. Москва: Изд. Альфа-М. 2004].
- Arutyunova, Nina. *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1999 [Арутюнова, Нина. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры, 1999].
- Babayeva, Yelena. "Teksty goroskopov kak otrazheniye sotsial'nykh tsennostey i norm." Sorokina Yulia, Zheltukhina Marina (Ред.). *Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: chelovek i yego diskurs*. Moskva: 2003 [Бабаева, Елена. "Тексты гороскопов как отражение социальных ценностей и норм." Сорокина, Юлия. Желтухина, Марина (Ред.). *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс*. Москва: Азбуковник, 2003].
- Babayeva, Yelena. *Lingvokul'turologicheskiye kharakteristiki russkoy i nemetskoy aksiologicheskikh kartin mira*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk, Volgograd: 2004 [Бабаева, Елена. *Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира*. Автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград: 2004].
- Baranov, Anatoliy, Parshin, Pavel. "Yazykovyye mekhanizmy variativnoy interpretatsii deystvitel'nosti kak sredstvo vozdeystviya na soznaniye." Bezmenova Natal'ya, Luzina Lyudmila (Ред.). *Rol' yazyka v sredstvakh massovoy kommunikatsii*. Moskva: INION, 1986 [Баранов, Анатолий, Паршин, Павел. "Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание." Безменова Наталья, Лузина Людмила (Ред.). *Роль языка в средствах массовой коммуникации*. Москва: ИНИОН, 1986].
- Barthes, Roland. *Mifologii*. Transl. Zenkin, Sergei. Moskva: Izd-vo im. Sabashnikovyykh, 2000 [Барт Ролан. *Мифологии*. Пер. Зенкин, Sergei. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2000].
- Bourdieu, Pierre. *Sotsiologiya politiki*. Transl. Shmatko, Natalya. Moskva: Socio-Logos, 1993 [Бурдьё Пьер, *Социология политики*. Пер. Шматко, Наталья. Москва: Socio-Logos, 1993].
- Cheshko, Valentin, Ivanitskaya, Lyudmila, Glazko Valeriy. "Postindustrial'naya nauka XXI veka — ratsionalizm versus irratsionalizm: evolyutsionno-filosofskiy aspekt." *Vestnik Rossiyskoy akademii yestestvennykh nauk*, 2011, no. 3 [Чешко, Валентин, Иваницкая, Людмила. Глазко, Валерий. "Постиндустриальная наука XXI века — рационализм versus иррационализм: эволюционно-философский аспект." *Вестник Российской академии естественных наук*, 2011, №3].
- Gritsanov, Aleksandr, Abushenko, Vladimir, Yevel'kin, Georgiy et. all. (Ed.). *Sotsiologiya: Entsiklopediya*. Minsk: Knizhnyy dom, 2003 [Грицанов, Александр, Абушенко, Владимир, Евелькин, Георгий и др. (Ред.). *Социология: Энциклопедия*. Минск: Книжный дом, 2003].
- Gurevich, Pavel. *Kul'turologiya*. Moskva: Gardariki, 2003 [Гуревич, Павел. *Культурология*. Москва: Гардарики, 2003].

- Huizinga, Johan. *Osen' Srednevekov'ya*. Transl. **Silvestrov, Dmitrii**. Moskva: Nauka, 1988 [Хейзинга, Йохан. *Осень Средневековья*. Перев. Сильвестров, Дмитрий. Москва: Наука, 1988].
- Iľchenko, Sergey. "Tsennosti 'massovoy kul'tury': perspektivy nauchnogo osmysleniya." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Zhurnalistika*. Ser. 9. 2008, no. 1 [Ильченко, Сергей. "Ценности «массовой культуры»: перспективы научного осмысления". *Вестник Санкт-Петербургского университета. Журналистика*, сер. 9 2008, №1].
- Iľichev, Leonid, Fedoseyev, Petr, Kovalev Sergey, Panov, Viktor (Eds.). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Respublika, 2010 [Ильичев, Леонид, Федосеев, Петр, Ковалев Сергей, Панов, Виктор (Ред.). *Философский энциклопедический словарь*, Москва: Республика, 2010].
- Капра, Фрит'оф. *Pautina zhizni. Novoye nauchnoye ponimaniye zhivykh sistem*, Moskva: ID «Sofiya», 2003 [Капра, Фрит'оф. *Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем*, Москва: ИД «София», 2003].
- Karpova, Ol'ga. "Astrologicheskiy prognoz kak zhanr massovoy literatury. Obraz chitatel'ya-potrebiteleya." *Filologiya v sisteme sovremennoy universitet'skoy obrazovaniya*. 2004, no. 7 [Карпова, Ольга. *Астрологический прогноз как жанр массовой литературы. Образ читателя-потребителя*, «Филология в системе современного университетского образования» 2004, №7].
- Khrul', Viktor. "Mediatizatsiya religioznykh tsennostey kak faktor formirovaniya kul'tury dialoga v rossiyskoy zhurnalistike." *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Ser. 10: *Zhurnalistika*, 2012, nr. 1 [Хруль, Виктор. "Медиатизация религиозных ценностей как фактор формирования культуры диалога в российской журналистике." *Вестник Московского Университета*, сер. 10, *Журналистика*, 2012, №1.]
- Kuz'minskaya, Svetlana. "Nekotoryye kharakteristiki ezotericheskogo diskursa." *Universum: Filologiya i iskusstvovedeniye: elektron. nauchn. zhurn*, 2014, no. 7, 2014.12.22 [Кузьминская, Светлана. "Некоторые характеристики эзотерического дискурса." *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. Журн*, 2014, №7, 2014.12.22 <<http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1455>>].
- Kuz'minskaya, Svetlana. "Osobennosti funktsionirovaniya metafory v sovremennoy ezotericheskom tekste." *Doklad na mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii „Zhivaya Etika i Kul'tura”. Idei naslediya sem'i Rerikhov v nashey zhizni*. Sankt-Peterburgskiy Gosudarstvennyy Universitet kul'tury i iskusstv, 10–11 fevralya 2012, 10.07.2019 [Кузьминская, Светлана. «Особенности функционирования метафоры в современном эзотерическом тексте». Доклад на международной научной конференции «Живая этика и культура. Идеи наследия семьи Рерихов в нашей жизни.» Санкт-Петербургский Государственный Университет культуры и искусств, 10–11 февраля 2012, 10.07.2019 <<http://www.facets.ru/articles12/5028.htm>>].
- Nazarov, Vladimir, *Vvedeniye v ezoteriku*, Moskva: Gardariki, 2008 [Назаров, Владимир, *Введение в эзотерику*, Москва: Гардарики, 2008].
- Novozhenova, Zoya. "Kommunikativno-funktsional'nyye svoystva novykh russkikh ezotericheskikh tekstov." Lyubokha-Kruglik, Yolanta, Malysa, Oksana, Vil'k, Gabriyela, Zyk, Anna (Eds.). *Rusistika i sovremennost'. Staryye voprosy, novyye otvety*. Katowice: Śląsk–Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2017 [Новоженова, Зоя. "Коммуникативно-функциональные свойства новых

- русских эзотерических текстов.” *Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы.* Любоха-Круглик Йоланта, Малыса Оксана, Вильк Габриела, Зых Анна (Ред.). Katowice: Śląsk–Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2017].
- Novozhenova, Zoya. “Modal’nost’ i tonal’nost’ v ezotericheskom tekste.” Kuksa, Irina (Ed.). *Kategoriya modal’nosti v rechevoy kommunikatsii: sb. nauch. tr.*, Kaliningrad: Izd. BFU im. I. Kanta, 2016 [Новоженова, Зоя. “Модальность и тональность в эзотерическом тексте.” Кукса, Ирина (Ред.). *Категория модальности в речевой коммуникации: сб. науч.тр.*, Калининград: Изд. БФУ им. И. Канта, 2016].
- Novozhenova, Zoya. “Novaya russkaya frazeologiya: ezotericheskiy vektor.” Avramova, Valentina, Pencheva, Antoniya, Gocho, Gochev i dr. (Eds.). *Rusistika: vchera, segodnya, zavtra.* Sofiya: Obschestvo rusistov Bolgarii, 2018 [Новоженова, Зоя. “Новая русская фразеология: эзотерический вектор.” Аврамова, Валентина, Пенчева, Антония, Гочо, Гочев и др. (Ред.). *Русистика: вчера, сегодня, завтра*, София: Общество русистов Болгарии, 2018].
- Novozhenova, Zoya. “Russkiy yazyk v novykh diskursivnykh prostranstvakh: reklama... bozhestvennogo.” *Mir russkogo slova i russkoye slovo v mire.* Т. 3. Sofia: Heron Press, 2007 [Новоженова, Зоя. “Русский язык в новых дискурсивных пространствах: реклама... божественного.” *Мир русского слова и русское слово в мире.* Т. 3. Sofia: Heron Press, 2007].
- Novozhenova, Zoya. “Ushel v astral i ne vernulsya.” Ezotericheskiye frazeologizmy. Zamechaniya k nablyudeniya.” Pstyga, Alicja (Ed.). *Slovo z perspektivy yazykoznavcy i tłumacza*, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018. [Новоженова, Зоя. “Ушел в астрал и не вернулся...” Эзотерические фразеологизмы. Замечания к наблюдениям.” Pstyga, Alicja (Ред.). *Slovo z perspektivy jazykoznavcy i tłumacza*, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018].
- Ogonek* 2012, no. 7 (ot 20 fevralya) [*Ogonek* 2012, № 7 (от 20 февраля)].
- Pakhomov, Sergey. “Spetsifika ezotericheskogo znaniya v teorii i praktike. Mistiko-ezotericheskiye dvizheniya v teorii i praktike.” Pakhomov Sergey (Ed.). *Problemy interpretatsii ezoterizma i mistitsizma: sb. materialov Tret’yey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Sankt-Peterburg: RHGA, 2010 [Пахомов, Сергей. “Специфика эзотерического знания в теории и практике. Мистико-эзотерические движения в теории и практике.” Пахомов, Сергей (Ред.). *Проблемы интерпретации эзотеризма и мистицизма: сб. материалов Третьей международной научной конференции*, Санкт-Петербург: РХГА, 2010].
- Pakhomov, Sergey. “Kontury ezoteriologii: eskiz nauchnoy distsipliny ob ezoterizme.” Pakhomov Sergey (Ред.). *Mistiko-ezotericheskiye dvizheniya v teorii i praktike. “Taynoye i yavnoye”: mnogoobraziye reprezentatsiy ezoterizma i mistitsizma.* Sb. materialov Chetvertoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg: РХГА, 2011 [Пахомов, Сергей. “Контурь эзотериологии: эскиз научной дисциплины об эзотеризме”. Пахомов Сергей (Ред.). *Мистико-эзотерические движения в теории и практике. «Тайное и явное»: многообразие репрезентаций эзотеризма и мистицизма.* Сб. материалов Четвертой международной научной конференции, Санкт-Петербург: РХГА, 2011].
- Panychik, Aleksandr. *Sotsial’no-filosofskiy analiz ezoterizma.* Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k. filos. n. Rostov-na-Donu, 2002 [Паныччик, Александр.

- Социально-философский анализ эзотеризма*. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филос. н. Ростов-на-Дону, 2002].
- Parshin, Pavel. *Priroda rechevogo vozdeystviya*, 10.07.2019 <<http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/4be4c290-3db5-c4ef-05a5-6aac5078c5b3/1009689A.htm>> [Паршин, Павел. *Природа речевого воздействия*, 10.07.2019 <<http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/4be4c290-3db5-c4ef-05a5-6aac5078c5b3/1009689A.htm>>].
- Pelipenko, Andrey, Khachatryan, Valeriya. “Kognitivnyye istoki ‘magicheskogo Rennessansa’.” *Chelovek*, 2009, no. 3 [Пелипенко, Андрей, Хачатурян, Валерия. “Когнитивные истоки «магического Ренессанса».” *Человек*, 2009, №3].
- Petrulina, Nadezhda. “Ezotericheskiy element kak yazykovoy znak. (Na materiale liriki U.B. Yueytsa).” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 2011, no. 8 [Петрунина, Надежда. “Эзотерический элемент как языковой знак. (На материале лирики У.Б. Йейтса).” *Вестник Томского государственного университета* 2011, №8].
- Rozin Vadim, *Ezotericheskiy mir. Semantika sakral'nogo teksta*. Moskva: Editorial, 2002 [Розин Вадим, *Эзотерический мир. Семантика сакрального текста*, Москва: Едиториал, 2002].
- Rzeczuszka, Monika. *Wtajemniczenie. Ezoteryczna proza rosyjska końca XIX – początku XX wieku*, Uniwersytet Gdański, Gdańsk 2010.
- Shcheglova, Lyudmila, Borisova, Yuliya. “Rol' ezoteriki v sovremennom nauchnom poznanii.” *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nyye tekhnologii, 2015, no. 1 [Щеглова, Людмила, Борисова, Юлия. “Роль эзотерики в современном научном познании.” *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии, 2015, №1].
- Vorozhbitova, Aleksandra, Romanenko, Lyudmila, “Ezotericheskiy diskurs-ansambl' v sisteme diskursivnykh protsessov gnoseologicheski oriyentirovannoi kommunikatsii rossiiskogo sotsiokul'turno-obrazovatel'nogo prostranstva. Lingvoritoricheskiy aspekt.” *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, №3 [Ворожбитова, Александра, Романенко, Людмила, “Эзотерический дискурс-ансамбль в системе дискурсивных процессов гносеологически ориентированной коммуникации российского социокультурно-образовательного пространства. Лингвориторический аспект.” *Известия Сочинского государственного университета*, 2013, №3].
- Vovchenko, Vitaliy, “**Mistitsizm, ezoterizm i okkul'tizm v dukhovnoy evolyutsii chelovechestva**” . Pakhomov, Sergey (Ed.). *Mistiko-ezotericheskiye dvizheniya v teorii i praktike. Problemy interpretatsii ezoterizma i mistitsizma*, Sankt-Peterburg: RHGA, 2010 [Вовченко, Виталий, «Мистицизм, эзотеризм и оккультизм в духовной эволюции человечества». Пахомов, Сергей (Ред.). *Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблемы интерпретации эзотеризма и мистицизма*. Санкт-Петербург: РХГА, 2010].
- Yulina, Nina. *Dzhordzh Santayana. Voobrazheniye, zhivaya vera i 'tsarstva bytiya'*. *Filosofskaya mysl' v SSHA XX v.*, Moskva: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2010 [Юлина, Нина. *Джордж Сантаяна. Воображение, живая вера и «царства бытия»*, *Философская мысль в США XX в.*, Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010].
- Zinov'yev, Aleksandr. *Na puti k sverkhobshchestvu*, Moskva: ZAO Izd-vo Tsentropoligraf, 2000 [Зиновьев, Александр. *На пути к сверхобществу*, Москва: ЗАО Изд-во Центрополиграф, 2000].

МИСТИКО-ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ...

Zorina, Yelena. *Russkaya metafizika i ezotericheskaya traditsiya. XX vek*, Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet, 2000 [Зорина, Елена. *Русская метафизика и эзотерическая традиция. XX век*, Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2000].

Zoja Nowożenowa

MISTYCZNO-EZOTERYCZNE WARTOŚCI VS WARTOŚCI KULTURY MASOWEJ W KOMUNIKACYJNYCH PRAKTYKACH ROSJAN: KONFLIKT INTERESÓW

Streszczenie

W artykule analizie został poddany proces kształtowania się w komunikacyjnej przestrzeni Rosji dyskursu ezoterycznego, przejawiającego i propagującego wartości ezoteryczne. Na peryferiach tego dyskursu, przede wszystkim w przestrzeni medialnej, zaobserwowane zostało zjawisko „wtargnięcia” do obszaru ezoterycznego wartości kultury masowej. Na poziomie praktyk dyskursywnych objawia się to w deformowaniu kanonów gatunków dyskursu ezoterycznego — horoskopu i gatunku kultury masowej — reklamy. Proces ów daje się zaobserwować w celowym doborze środków językowych w celach stworzenia porządku dyskursu.

Zoya Novozhenova

MYSTIC AND ESOTERIC VALUES VS VALUES OF THE MASS CULTURE IN COMMUNICATIVE PRACTICES OF RUSSIANS: THE CONFLICT OF OBJECTIVES

Summary

In the article the author analyzes the process of creation in the communicative space of Russia of the esoteric discourse presenting and spreading esoteric values. On the periphery of this discourse, in the media space, we can observe the “invasion” of the mass culture into the field of esoteric values. On the level of discursive practices it occurs in deformation of the canon of esoteric genres — horoscope and mass culture genre — advertising. The process manifests in purposeful choice of language means helping to create the order of the discourse.

УГО ПЕРСИ

Государственный университет г. Бергамо (Италия)

 ORCID <http://orcid.org/0000-0001-6601-768X>**SENTIMENT ANALYSIS: ГЛАВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ПОДХОДЫ**

Sentiment Analysis является относительно новой исследовательской областью вычислительной лингвистики: она постепенно становилась популярной с наочала цифровой эры. Сам *Sentiment Analysis* (сентимент-анализ) часто отождествляют с *Opinion Mining* (извлечение мнений), считая, что они являются единым широким понятием, в котором можно определить разные сходные концептуальные подкатегории. Бо Панг и Лиллиан Ли считают, наоборот, что они представляют собой два разных предмета изучения:

A sizeable number of papers mentioning «sentiment analysis» focus on the specific application of classifying reviews as so their polarity (either positive or negative). [...] However, nowadays many construe the term more broadly to mean the computational treatment of opinion, sentiment, and subjectivity in text¹.

Sentiment Analysis по сравнению с *Opinion Mining* касается более узкого, относящегося к человеческим эмоциям, аспекта языка. Он является вычислительным исследованием мнений и чувств, выраженных в определенном тексте и дающих возможность измерить направленность и субъективность поведений, истекающих из этого текста. Объект изучения *Sentiment Analysis* – *сентимент (тональность)*, т.е. любое настроение или когни-

¹ B. Pang, L. Lee, *Opinion Mining and Sentiment Analysis*, «Foundations and Trends in Information Retrieval», 2008, 2 (1–2), с. 6.

тивно-аффективное состояние, выраженное словами и предложениями. Учитывая возможные тонкие определения этих двух понятий и их содержание, важно подчеркнуть нарастающий интерес к анализу мнений и эмоций, выраженных в письменном тексте; такой интерес объясняется многочисленными факторами, и прежде всех появлением блогов, форумов и социальных медиа. В самом деле, сферы практического применения *Sentiment Analysis* в наши дни очень разнородные. После появления интернета стала все более распространенной привычка выражать собственное мнение, идеи и мысли, активно высказывать их в социальных медиа относительно продукции, услуг или событий. Полученными на их основе данными пользуются ученые, исследователи, рыночные операторы, менеджеры, журналисты, политики и все большее количество предприятий. По мнению Дэниела Гоулмана, «благодаря сошл-нетуоркингу реакция на определенный продукт даже одного единственного потребителя превращается в силу, способную запустить бойкот, или же очень выгодный бизнес»².

Информационный поток, проверенный сентимент-анализом, применяется и имеет большое значение в основном для систем мониторинга и анализа, а также для систем рекламных платформ. Помимо первичной передачи информации любой текст может выражать эмоциональную оценку сообщаемого: эта оценка получила название «тональность» или «сентимент» текста. Оценка дается по определенным шкалам, обычно выражающим противоположные критерии (например, хороший–плохой, позитивный–негативный, счастливый–несчастливый и т.д.), и сам текст, подвергнутый анализу, классифицируется по этим критериям. Первые шаги сентимент-анализа были направлены именно на оценку отзывов о спектаклях, ресторанах, устройствах и т.д. Тональность, или сентимент, определяют три компонента: субъект (выражающий оценку), объект (о ком или о чём выражена оценка), самая тональная оценка (т.е., как оценили). В одном и том же тексте могут быть высказаны несколько эмоциональных оценок относительно разных объектов тональности, как, например, в следующем предло-

² D. Goleman, *Ecological Intelligence: How Knowing the Hidden Impacts of What We Buy Can Change Everything*, Random House, New York, 2009.

Мыло «Голубка», содержит излюбленный многими женщинами нежный аромат, однако именно этот аромат в определенных случаях может вызвать серьезное раздражение кожи лица.

Таким образом, факт, что названное мыло содержит приятный аромат, это положительная оценка, а факт, что тот же аромат может принести вред, – отрицательная.

Используются преимущественно два метода определения сентимента: статистический метод и метод, основанный на словарях. Статистический метод предусматривает уже разработанные так называемые «корпуса», которые являются коллекциями слов и выражений, маркированных по тональности, и способствующих определению сентимента текста. Метод, базирующийся на словарях, основан на уже зафиксированных в словарях позитивных и негативных словах и выражениях. Нередко исследователи применяют оба метода одновременно.

Базовая форма *Sentiment Analysis* – выражение позитивного, нейтрального или негативного чувств, которые, однако, могут взаимодействовать и комбинироваться, и тем самым давать бесчисленное количество эмоциональных оттенков. Неудивительно, что исследования текста в аспекте *Sentiment Analysis* оказались востребованными в менеджменте, экономических, социальных, политических и коммуникативных науках и в целом в тех сферах, где важны мнения людей. В течение последнего десятилетия развивались разные интегрированные веб-платформы, позволяющие одновременно осуществлять мониторинг печати, веб- и социальных медиа с целью анализа определенного бизнеса: таким образом фирмы могли проверить влияние на потребителей проведенных коммерческих кампаний или же выполнить исследования, касающиеся предпочтений пользователей, целевых аудиторий, а также новых тенденциях рынка.

Именно эта легкость распространения, опубликования, обмена и доступности содержания текстов отличает социальные медиа от традиционных – телевидения, радио и разных видов печати. Преимущества этого исследовательского подхода очевидны: практически нулевые издержки, быстрота получения и обработки данных и возможность пользоваться более широкой и пестрой выборкой.

В последнее время к *Sentiment Analysis* довольно часто прибегали и в политической медиакommunikации с целью про-

гнозирования результатов выборов или тестирования уровня консенсуса сограждан. В области социальных медиа наиболее распространенным стало использование Twitter'a в качестве показателя политических предпочтений электората и социальных тенденций в целом³.

В настоящее время большинство продвинутых систем *Sentiment Analysis* обращено только к одному языку, обычно к английскому. Тем самым создана значительная исходная проблема, обусловленная тем, что анализ выражения в тексте чувств на одном языке увеличивает риск пропустить важную информацию, существующую в письменных текстах на других языках. Чтобы избежать этого риска, были изучены и развиты особые методы многоязычного *Sentiment Analysis*⁴. Эти методы сталкиваются прежде всего с недостаточными технологическими ресурсами некоторых языков; иногда выходом в подобной ситуации является автоматический перевод на английский язык, чтобы пользоваться ресурсами на английском. Следует отметить, что такой подход не всегда оказывается целесообразным и эффективным.

Очень активно исследуют метод *Sentiment Analysis* не только в англоязычных странах, но и в испаноязычных. В университете г. Малаги (Испания), например, исследовательский коллектив «Tecnolengua» (Техноязык) разработал приложение (*application*) для текстового анализа «Lingmotif», который сегодня доступен для Windows и Mac в английской и испанской версиях. «Lingmotif» имеет возможность анализировать английские и испанские тексты, а исследователи «Tecnolengua» уже работают над французским, немецким и итальянским языками⁵.

³ A. Moreno Ortiz, Ch. Pérez Hernández, Tecnolengua Lingmotif at TASS 2017: Spanish Twitter Dataset Classification Combining Wide-coverage Lexical Resources and Text Features // *TASS 2017: Workshop on Semantic Analysis at SEPLN*, septiembre 2017, с. 35-42, http://ceur-ws.org/Vol-1896/p3_tecnolengua_tass-2017.pdf (30.06.2019).

⁴ A. Balahur, M. Turchi, *Multilingual sentiment analysis using machine translation?*, «Proceedings of the 3rd Workshop in Computational Approaches to Subjectivity and sentiment analysis», Association for Computational Linguistics, Stroudsburg (PA), 2012, с. 52-60; E. Boiy – M. F. Moens, *A machine learning approach to sentiment analysis in multilingual Web texts*, «Information Retrieval» 2009, 12, Issue 5, October, с. 526-558.

⁵ A. Moreno Ortiz, *Lingmotiv: a User-focused Sentiment Analysis Tool*, «Procesamiento del Lenguaje Natural», 2017, marzo, с. 134.

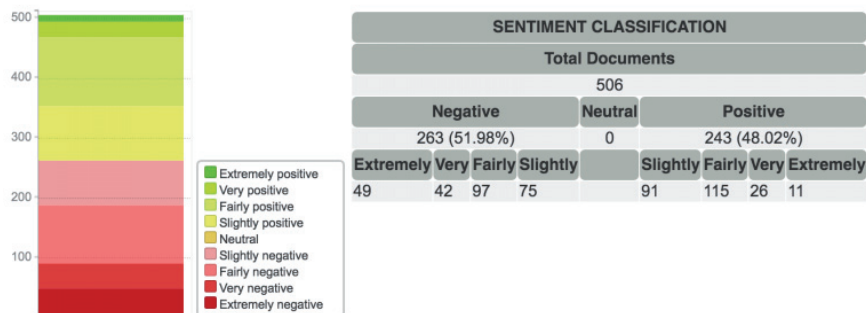

«Lingmotiv» использует методiku, которая предусматривает постепенную разборку, в течение которой изолируются и идентифицируются вербальные элементы, семантически связанные с понятием «чувство». Этот процесс очень сложный и включающий несколько этапов. На первом этапе, *preprocessing*, текст подвергается сканированию для обнаружения сокращений, стяжений и возможных опечаток. На втором этапе, *tokenization*, выявляется значение определенных лексем или предложений. Очередной важный шаг – так называемая *multiword identification*, т.е. идентификация выражений, состоящих из несколько слов, но рассматриваемых как единый лексический объект (*item*). Далее следует этап – *polarity words identification*, на котором устанавливается полярное значение разных лексем, выражающих чувство. После необходимых вычислений и измерений можно приступить к созданию окончательного документа XML, с полученными результатами, и кода Javascript с графиками. Первым измерительным параметром является *Text Sentiment Score* (сумма баллов чувства текста), т.е. общее значение, приданное определенному чувству. Кроме общего значения, посредством *Text Sentiment Intensity* определяется также интенсивность чувства, которая показывает степень соотношения разных элементов текста с *сентиментом*. Наконец можно подходить

SENTIMENT ANALYSIS...

к самому анализу текста, который бывает двух типов. С точки зрения *сентимента*: первый тип – *Set Classification* (классификация *сентимента*), который предусматривает классификацию разных объектов на шкале полярности от «крайне позитивно» до «крайне негативно».

Set Classification

Второй тип – *Detailed Sentiment Analysis* (подробный анализ *сентимента*) – состоит из графического представления слов текста, выделенных по полярности разными цветами.

Detailed Sentiment Analysis

War is a state of **armed conflict** between societies.

It is generally characterized by **extreme collective aggression**, **destruction**, and **usually high mortality**.

An **absence of war** is usually called " **peace**".

Если англоязычные и испанские исследователи уже разработали конкретные инструменты для вычислительного анализа *сентимента*, то в других странах интерес к такому подходу только недавно проявился, и хочу заметить, что интерес к *Sentiment Analysis* постоянно растет.

В России, например, первые исследования появились в начале десятых годов XXI века и активно продолжают до наших дней⁶. Например, интересное сравнение разных «корпусов»,

⁶ O. Yu. Koltsova, S. V. Alexeeva, S. N. Kolcov, *An opinion word lexicon and a training dataset for Russian sentiment analysis of social media*, «Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics and Intellectual

содержащих рецензии об английской и русской версиях тех же книг, было проведено Тарасом Загibalовым с коллективом соавторов (*Comparable English-Russian Book Review Corpora for Sentiment Analysis*). Сравнение показало аналогии и различия «сентиментальных» выражений этих двух языков. Однако в этом контексте «корпусов» нельзя не назвать Русский национальный корпус (*Russian National Corpus*), который пользуется поисковой системой Yandex. Следует подчеркнуть, что исследования, применяющие *Sentiment Analysis*, в России постепенно развиваются и распространяются⁷.

В Италии научное применение *Sentiment Analysis* пока не очень распространено.

Этот факт подтверждается тем, что не сформировалась богатая библиография вопроса. По запросу «Sentiment Analysis», очевидно, система дает обилие результатов на английском языке, среди которых трудно найти что-нибудь на итальянском языке. Если запрос будет более подробным, как, например, «Articoli accademici Sentiment Analysis in italiano» («Университетские статьи Sentiment Analysis на итальянском»), то результаты будут тоже многочисленные, хотя, кроме книги *Social Media e Sentiment Analysis. L'evoluzione dei fenomeni sociali attraverso la Rete*, которая постоянно встречается как в библиотечных, так и в веб-поисках, все остальные полученные данные представлены бакалаврскими и магистерскими работами, посвященными самым разным аспектам: от попытки создания итальянского словаря

Technologies Dialog», Moscow, June 1–4, 2016, с. 277–287; N.V. Loukachevitch, A. Levchik, *Creating a general russian sentiment lexicon*, «Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation», ELRA, Portorož (Slovenia), 2016, с. 1171–1176; N.V. Loukachevitch, Yu.V. Rubtsova, *SentiRuEval-2016: Overcoming time gap and data sparsity in Twitter sentiment analysis*, «Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies Dialog», Moscow, 2016, с. 375–384; Yu.V. Rubtsova, *Constructing a corpus for sentiment classification training*, «Программные продукты и системы» 2015, март, 27, с. 72–78.

⁷ А. Антонова, А. Соловьев, *Использование метода условных случайных полей для обработки текстов на русском языке. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии* // «Диалог 2013». Сб. научных статей. Вып. 12(19). Издательство РГГУ, Москва, 2013, с. 27–44; А. Пазельская, А. Соловьев, *Метод определения эмоций в текстах на русском языке. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии* // «Диалог 2011». Сборник научных статей. Вып. 11(18). Издательство РГГУ, Москва, 2011, с. 510–523.

Sentiment Analysis до исследования о настроениях перед *Brexit*, от поиска полезного лингвистического средства для менеджмента до оценки откликов в твиттере о фестивале в Сан Ремо.

[LIBRO] [Social Media e Sentiment Analysis: L'evoluzione dei fenomeni sociali attraverso la Rete](#)

[A Ceron, L. Curini, SM Iacus - 2014 - books.google.com](#)

... A questo proposito valga citare tra tutti il paper **accademico** di Daniel Gayo ... Questo gruppo di ricerca ha costruito e sviluppato un metodo di **sentiment analysis** delle informazioni ... le previsioni di VfB sono state straordinariamente vicine ai risultati delle elezioni **per** la Camera dei ...

[Citato da 51Articoli correlatiTutte e 4 le versioni](#)

[Sentiment Analysis e applicazione in R:"The Brexit Mood"](#)

[A Lupo - 2015 - tesionline.it](#)

... Oggetto principale di studio di questo lavoro è la **Sentiment Analysis** nonché l'insieme delle tecniche e ... più immediate da reperire e da utilizzare, come i database online di **articoli accademici** o database di ... forniscono i dati in maniera diretta e già in formato adatto **per** effettuare l ...

[Articoli correlatiTutte e 2 le versioni](#)

[PDF] [unive.it](#)

[Sentiment Analysis, l'analisi dei testi nell'epoca dei Big Data: un nuovo strumento di ricerca utile per il management](#)

[P Trevisani - 2015 - dspace.unive.it](#)

... 3 Russo M., prefazione di "Social Media e **Sentiment Analysis**", 2014, Springer 4 Pasini P., Perego ... 10 Hostingtalk: [www.hostingtalk.it/big-data-situazione-mercato-italiano/](#) 11 La Stampa: [www.lastampa](#) ... I Big Data sono ancora un oggetto non del tutto definito, **per** quanto riguarda ...

[Articoli correlati](#)

[PDF] [unibo.it](#)

[PDF] [Due approcci alla sentiment polarity classification di tweet per la lingua italiana](#)

[F TAMBURINI, P DI GENNARO - amslaurea.unibo.it](#)

... FABIO TAMBURINI Presentata da: PIERLUIGI DI GENNARO Sessione III Anno **Accademico** 2015-2016 Page 2, Page 3 ... negli **articoli** scientifici o nei documenti formali, nei quali molto spesso sono ... automatico anche gli **articoli** di (Sharma et al., 2014) e (Kumar et al., 2012) ...

[Articoli correlatiTutte e 2 le versioni](#)

[PDF] [unipd.it](#)

[PDF] [Costruzione di un vocabolario italiano per la sentiment analysis e valutazione della performance sui tweets del festival di Sanremo 2010](#)

[F Cauduro - 2010 - tesi.cab.unipd.it](#)

... Laureando: Cauduro Federico Matricola: 554355 - STI Anno **Accademico**: 2009/2010 Page 2, 2 Page 3, Indice ... comunità **accademica**, e solo negli ultimi anni si è vista una piccola esplosione di ... Come **per** ogni analisi che si rispetti, prima di poterla far Igirare" **per** ottenere dei ...

[Articoli correlatiTutte e 2 le versioni](#)

[PDF] [polimi.it](#)

[Metodologia per l'aggiornamento continuo di una rete semantica orientata alla sentiment analysis nei social media](#)

[D GARBUGLI - 2011 - politesi.polimi.it](#)

... 736154 Anno **Accademico** 2009 - 2010 Page 2, i ... Mappe CiteULike servizio Web **per** la condivisione, organizzazione e ricerca di **articoli** scientifici taggati dai rispettivi autori **Articoli** scientifici Tabella 2.1: Alcuni siti Internet che utilizzano i tag **per** gestire i loro item ...

[Articoli correlati](#)

[PDF] [researchgate.net](#)

Нельзя не отметить также, что среди работ, написанных на английском языке, встречается значительное количество авторов с итальянскими именами. Ситуация нелестная, и ее можно объяснить с точки зрения культурной колонизации английским языком, или же как виртуальную языковую эмиграцию наших ученых, совершаемую для того, чтобы не оказаться в одиночестве и без эха на своем «маленьком итальянском огороде».

Небезынтересно будет обратить внимание на уже упомянутую книгу *Social Media e Sentiment Analysis. L'evoluzione dei fenomeni sociali attraverso la Rete* [Социальные медиа и Сентимент анализ. Эволюция социальных феноменов через сеть], изданную в 2014 г. тремя итальянскими исследователями из Миланского государственного университета: Андреа Чероном, Луиджи Курини и Стефано Мариа Иакусом⁸. Как я уже сказал, эта книга является едва ли не единственной научной работой на итальянском языке, изданной солидным издательством, с хорошей распределительной сетью на итальянском рынке. В предисловии авторы четко заявляют тематику книги по главам.

В первой главе, после короткой дискуссии о характеристиках и распространении социальных медиа в Италии и мире с соответствующими данными, исследователи фокусируются на обзоре самых интересных примеров прогнозирования, от экономики до эпидемиологии, от маркетинга до политики, осуществляемого при помощи социальных медиа.

Во второй главе делается шаг вперед, т.е. более подробно рассматриваются разные технологии, использовавшиеся ранее для анализа Сети; представляются и сравниваются разные методики осуществления *Sentiment Analysis*, чтобы мониторить настроения пишущих в социальных медиа для извлечения из них оперативного значения. Эта небольшая глава стремится создать своего рода компас, позволяющий ориентироваться в специализированной литературе, с каждым годом экспоненциально растущей. Этот подход позволяет также представить преимущества новой методики, т.е. *Integrated Sentiment Analysis*, основывающейся на оптимизации алгоритма, в свое время введенного Дэниелом Дж. Хопкинсом и Гэри Кингом.

Посредством этой методологии в третьей главе осуществляется анализ социальных медиа для измерения уровня счастья, этой неуловимой эмоции, о которой много говорилось в последние годы в качестве возможной альтернативы сугубо экономическим показателям. Исследователи, сосредоточив свое внимание на 40 миллионах отправленных твиттов, проанализировали степень счастья итальянцев за 2012 г., показывая его ежедневную динамику в каждом из ста десяти районов Италии. На основе этих данных был проведен эконометрический анализ, на-

⁸ A. Ceron, L. Curini, S. M. Iacus, *Social Media e Sentiment Analysis. L'evoluzione dei fenomeni sociali attraverso la Rete*, Springer Milan, Milano, 2014.

правленный на объяснение, от каких факторов зависит рост или снижение уровня счастья в Италии.

В четвертой главе исследователи сфокусировались на возможности предвидеть через то, что публикуется в социальных медиа, конкретное событие, как, например, результаты политических выборов. Анализируется множество выборов с 2012 по 2013 г. в разных странах: от французских президентских и законодательных выборов до президентских выборов в США, и т. д.

В каждом случае было проведено сравнение прогнозов авторов с данными опросов и результатами самых выборов. Авторы утверждают, что результаты их анализа очень перспективны с точки зрения умения социальных медиа «верно и в реальном времени рассказывать» о развитии и тенденциях определенной выборной кампании.

Библиография, представленная авторами в конце каждой главы, подтверждает, что среди исследований в данной области на итальянском языке эта книга является скорее всего единственной.

В то же время на итальянском языке, по рассмотренной мною тематике, появлялось немало работ, обладающих не очень высоким научным статусом, и их ракурс почти всегда касается типично итальянских, недостаточно способных к «экспорту» реалий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Antonova, Анна. "Ispol'zovaniye metoda usloynykh sluchaynykh poley dlya obrabotki tekstov na russkom yazyke." *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii*. Sb. nauchnykh statey, Вып. 12(19). Moskva: Izdatel'stvo RGGU, 2013 [Антонова Анна. "Использование метода условных случайных полей для обработки текстов на русском языке." *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Сб. научных статей, вып. 12(19). Москва: Издательство РГГУ, 2013]
- Balahur, Alexandra. Turchi, Marco. "Multilingual sentiment analysis using machine translation?" *Proceedings of the 3rd Workshop in Computational Approaches to Subjectivity and sentiment analysis*. Stroudsburg (PA), Association for Computational Linguistics, 2012.
- Boiy, Erik. Moens, Marie-Francine. "A machine learning approach to sentiment analysis in multilingual Web texts." *Information Retrieval*, 2009, 12, Issue 5, October.
- Ceron, Andrea. Curini, Luigi. Iacus, Stefano Maria. *Social Media e Sentiment Analysis. L'evoluzione dei fenomeni sociali attraverso la Rete*. Milano: Springer Milan, 2014.
- Goleman, Daniel. *Ecological Intelligence: How Knowing the Hidden Impacts of What We Buy Can Change Everything*. New York: Random House, 2009.

- Koltsova, Olessia. Alexeeva, Svetlana. Kol'tsov Sergey. "An opinion word lexicon and a training dataset for Russian sentiment analysis of social media." *Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, June 1–4, 2016.
- Loukachevitch, Natal'ya, Levchik, Anatolij. "Creating a general Russian sentiment lexicon." *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation*. Portorož (Slovenia): ELRA, 2016.
- Loukachevitch, Natal'ya. Rubtsova, Yuliya. "SentiRuEval-2016: Overcoming time gap and data sparsity in Twitter sentiment analysis." *Proceedings of the International Conference on Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, June 1–4, 2016.
- Moreno Ortiz Antonio, "Lingmotiv: a User-focused Sentiment Analysis Tool." *Procesamiento del Lenguaje Natural*, marzo 2017.
- Moreno Ortiz, Antonio. Pérez Hernández, Chantal. "Tecnolengua Lingmotif at TASS 2017: Spanish Twitter Dataset Classification Combining Wide-coverage Lexical Resources and Text Features." *TASS 2017: Workshop on Semantic Analysis at SEPLN*, septiembre 2017 <http://ceur-ws.org/Vol-1896/p3_tecnolengua_tass2017.pdf>.
- Pang, Bo, Lee, Lillian. "Opinion Mining and Sentiment Analysis." *Foundations and Trends in Information Retrieval*, 2 (1–2) 2008.
- Pazel'skaya, Anna, Solov'yev, Aleksey. "Metod opredeleniya emotsiy v tekstakh na russkom yazyke." *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii*. Sbornik nauchnykh statey, Вып. 11(18). Moskva: Izdatel'stvo RGGU, 2011 [Пазельская, Анна. Соловьев, Алексей. "Метод определения эмоций в текстах на русском языке." *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Сборник научных статей, Вып. 11 (18). Москва: Издательство РГГУ, 2011].
- Rubtsova, Yuliya. "Constructing a corpus for sentiment classification training." *Programmnyye produkty i sistemy [Программные продукты и системы]*, март, 2015.

Ugo Persi

*SENTIMENT ANALYSIS: GŁÓWNE ASPEKTY TEORETYCZNE
ORAZ WYBRANE ZASTOSOWANIA PRAKTYCZNE
W ZAKRESIE ANALIZY OPINII I NASTROJÓW (SENTYMENTU)*

Streszczenie

W artykule prezentowane są główne założenia teoretyczne w zakresie rozwoju metod *Sentiment Analysis* oraz możliwości poszerzenia ich praktycznych zastosowań w takich sferach komunikacji jak marketing, usługi, media społecznościowe i blogi. W tym wypadku lingwistyka komputerowa i przetwarzanie języka naturalnego w podejściu do tekstów sprowadza się do badania ludzkich emocji. Autor przedstawia zastosowanie naukowe w zakresie *Sentiment Analysis* w wybranych krajach.

SENTIMENT ANALYSIS...

Ugo Persi

SENTIMENT ANALYSIS: THE MAIN THEORETICAL PREREQUISITES AND SOME EMPIRICAL APPLICATION

Summary

The article discusses the main theoretical prerequisites for the development of methods of Sentiment Analysis and the practice of expanding their empirical application to such areas of communication as marketing, services, social media and blogs. This linguistic computational approach to texts is based on the consideration of human emotions. Scientific implementation of Sentiment analysis in some countries is analyzed.

АНДРЕЙ В. ПОЛОНСКИЙ

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

 ORCID <http://orcid.org/0000-0002-2678-6203>

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЕЕ ВИДЫ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Ключевой приметой современного мира стала повышенная негативная чувствительность к инокультурному фактору, форсированная дифференциация общества на «своих» и «чужих» и обостренная состязательность в сфере ценностных картин мира. Сегодня актуализируются все те содержательные формы и практики, которые составляют сущность интолерантности. Вместо того чтобы совместными усилиями выявить все возможные точки соприкосновения и общие интересы, вместо того чтобы углубить способность человека и общества к диалогу культур, при котором культуры «не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но [...] взаимно обогащаются»¹, сегодня все чаще стали акцентированно настаивать на нормативной исключительности своего культурного опыта и образа жизни, строя своих мыслей и чувств, своей системы знаний и ценностных парадигм, форсированно подчеркивая при этом не только недостижимую ни для кого другого высоту своего нравственно-эстетического выбора, но и свою нерасположенность к мировоззренческой дискуссии, к обсуждению и согласованию своих идей с теми социальными субъектами, которые опознаются оценивающей культурой в терминах инородности, чуждости, ненормативности и инакомыслия.

¹ М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Искусство, Москва 1986, с. 353–354.

Интолерантность, ее понимание, ее основания, ее виды, формы и способы проявления, находится сегодня в фокусе самого пристального общественного внимания. Ей посвящаются многочисленные монографии и сборники работ, диссертационные исследования. На различных научных и медийных площадках свое мнение об интолерантности высказывают как специалисты, представляющие разные сферы экспертного знания, так и все, кого волнуют культурно-нравственные, социально-политические и стилистико-эстетические аспекты жизни современного человека².

Обостренное внимание к проблематике интолерантности не кажется случайным, поскольку сегодня она выступает в качестве широко востребованной культурной и коммуникативной практики, ключевого нравственного, мировоззренческого и коммуникативного принципа, который определяет доминирующий в обществе тип циркулирующих смыслов, высказываний и текстов.

Осмысление широчайшего проблемного поля интолерантности позволяет определить культурный и коммуникативный статус современного человека, его социальную, личностную и гражданскую состоятельность, особенности его мировоззренческого, нравственного и эстетического выбора, политических и культурных сценариев его жизни, его готовность не только к насыщенному в оценочном отношении жесту, к публичному предъявлению своей позиции, своих взглядов и убеждений, но и к публичной дискуссии, к мировоззренческому диалогу, в процессе которого должно рождаться общее для всех понимание социального блага.

² С. С. Аверинцев, *Когда рука не сожмется в кулак*, «Век XX и мир» 1990, №7, с. 11–17; С. Д. Бакулина, «Свой» — «чужой» в пространстве толерантного/интолерантного сознания // *Реальность. Человек. Культура: универсалии научного знания: Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 20–21 декабря 2007*, Омский государственный педагогический университет, Омск 2007, с. 3–5; С. А. Колосов, *Конструирование социальной ненависти в дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19*, Тверь 2004; *Толерантность и интолерантность в современном обществе в условиях мирового кризиса-2010*, Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург 2011; Э. В. Чепкина *Проблемы толерантности в средствах массовой информации*, Издательство Уральского университета, Екатеринбург 2016; M. Czyżewski, *Tolerancja i nietolerancja: pojęcia i postulaty*, «Etyka» 2011, №44, s. 58–78; J. Habermas, *Intolerance and Discrimination*, «International Journal of Constitutional Law» 2003, vol. 1, №1, с. 2–12.

В данной статье интолерантность рассматривается в аспекте практики тех российских СМИ (как традиционных, так и сетевых), которые жестко выстраивают свою информационно-мировоззренческую политику с учетом артикулированно заявленного в 2012 г. принципа — упрочение культурного самосознания российского общества и его консолидация на основе защиты традиционного социального порядка и системы традиционных культурных ценностей — дома, семьи, религии, родины, отечества, истории рода, патриотизма, обычаев, языка и др.

Рассмотрение интолерантности в формате современных СМИ требует уточнения содержания самого этого понятия, поскольку до сих пор, как представляется, не сложилось его общепринятого определения. Авторы исследования «Измерение толерантности», выполненного в 2002 г. в рамках проекта Фонда Защиты Гласности, охватившего шесть регионов Российской Федерации, по этому поводу, в частности, замечают:

В последнее время проблема толерантности / интолерантности вообще и проявление нетерпимости в СМИ является предметом широкого обсуждения; демократически ориентированная часть общества проявляет такой же интерес к искоренению интолерантности, как и к сохранению важной для нее ценности — свободы слова. В связи с этим возникает основная сложность: как отличить проявление нетерпимости, оскорбляющее какие-то категории граждан или ущемляющие их права, что недопустимо для демократии, от просто другого мнения?³

Интолерантность (лат. *intolerantia* «нетерпение») понимается как принцип социального взаимодействия на основе идентификации по параметру «свой — чужой», как принцип производства и распределения культурных ценностей на основе позитивного восприятия *своего* и нетерпимости к *другому*, интеллектуального и эмоционального переживания *другого* в модальности акцентированного неодобрения, неприятия и отторжения. Интолерантность сопровождается жестким отказом от мировоззренческого диалога и ценностно-смыслового обмена.

В каждой культуре, безусловно, складывается своя сфера интолерантного, включающая в себя все то, что не может быть терпимо в соответствии с актуальной практикой жизни, культурными ценностями, нормами и правилами общества и человека,

³ Е. Ю. Кольцова, Е. Е. Таратута, *Измерение толерантности* // «Журнал социологии и социальной антропологии» 2003, т. VI, №4, с. 113.

поэтому она всегда имеет и национальную, и групповую, и личностную специфику.

В качестве концептуальной основы интолерантности выступает: (1) неприятие культурных различий в любой сфере жизни и деятельности общества и человека — в социальных практиках и образе мыслей, в сфере ценностей и верований, в механизмах поиска истины и способах развертывания публичного диалога и т.п.; (2) позитивное переживание значимости и превосходства собственной культуры, ее опознавание как нормативной, эталонной, не только выгодно отличающейся своими характеристиками от любой другой культуры, но и испытывающей с ее стороны деструктивное воздействие; (3) интерпретация *другого*, то есть того, чей образ жизни и мысли, чьи мировоззренческие принципы и культурные практики отличаются от оценивающей культуры, как преодолевающего границу установленной нормативности, повторяемости и сходства и по этой причине не только не заслуживающего акцептирующего внимания, но и вызывающего у представителей оценивающей культуры совокупность негативных переживаний — неодобрение, неприязнь, отторжение или агрессию.

Интолерантность всегда связана, с одной стороны, с осознанным отказом оценивающей культуры признать отличия *другого* в качестве репрезентации альтернативной нормы, совокупности узаконенных другой культурой нравственных и эстетических канонов, или, как сказал Евгений Павлович Прохоров, с отказом «впустить в свой мир *другого* именно как другого, во всей его 'инаковости' и 'особости', а не какой-то маргинальности»⁴, а с другой — с установкой на сохранение собственной культурной традиции, на обеспечение ее позитивной динамики в условиях усиливающегося внешнего воздействия и, как следствие, с формулированием оценивающей культурой разноформатных ограничений в социальной репрезентации оппонирующих ей образов, смыслов, идей, практик, уклада жизни как тех содержательных форм, которые способны качественно изменить ее ценностно-смысловой порядок.

Отказ от культурного диалога, осознанное отторжение иных взглядов, точек зрения и стиля, отказ от культурного и мировоззренческого компромисса, от внесения любых, мотивированных другой культурой содержательных корректировок в собствен-

⁴ Е. П. Прохоров, *Журналистика и демократия*, РИП-холдинг, Москва 2001, с. 119.

ный опыт — это те практики, которые позволяют интолерантности выступать в качестве амбивалентного механизма, с одной стороны, оппонирования, то есть аналитико-критического и эмоционального возражения, а с другой — пропонирования, связанного с защитой права культуры на самобытность, своеобразие и уникальность.

Интолерантность как принцип нетерпимого отношения к содержательным формам, выходящим за рамки сформулированной оценивающей культурой нормативности, таким образом, неоднозначна: она имеет и позитивный вектор, связанный с обеспечением устойчивости культуры к внешнему воздействию, с обеспечением культурного суверенитета общества, его культурно-исторической памяти, его духовно-нравственных ценностей, что в современном, поликультурном мире должно являться неотъемлемым правом каждого субъекта, и негативный, представляющий угрозу культуре, когда она, оказавшись в режиме непрерывного монолога, говоря словами Дмитрия Сергеевича Лихачева,

по большей части упрощает сама себя, выдвигает вперед знамена с символами и знаками своей индивидуальности, капсулируется в мифах о “национальном характере”, “национальных идеях”, “национальной предназначенности” и т.д. Потери велики, ибо все это бывает связано [...] с повышенными самооценками, с развитием агрессивности в отношении “других” и в конечном счете внутри себя и против себя⁵.

В каждой культуре и в каждую эпоху складываются своя сфера интолерантного, включающая в свои границы то, что не может быть терпимо в соответствии с актуальной практикой жизни общества, его ценностями, нормами и правилами. Сфера интолерантного (обязательно) включает нарушение тех норм, которые регулируются законом или усиленно поддерживаются культурной традицией, а также несправедливость, отказ от личных убеждений, банкротство личностного иммунитета и т.п. Инакомыслие как форма «политического возражения», по определению Юргена Хабермаса⁶, во многих обществах также оказывает

⁵ Д. С. Лихачев, *Два типа границ между культурами* // Д. С. Лихачев, *Очерки по философии художественного творчества*, Российская академия наук, Санкт-Петербург 1996, с. 97.

⁶ Ю. Хабермас, *Вовлечение Другого. Очерки политической теории*, пер. Ю. С. Медведева, ред. Д. А. Скляднева, Наука, Санкт-Петербург 2001.

ся в сфере интолерантного, поскольку связана с нежеланием или неготовностью властных структур к оппонирующему диалогу, несогласию и оппозиционному мнению.

Анализ корпуса разножанровых текстов, опубликованных в период с 2012 г. по 2019 г. в таких периодических изданиях, как «Завтра», «Культура», «Фома», «Военное обозрение», «Московский комсомолец» и др., дает основание для вывода о том, что в современных российских СМИ принцип интолерантности в производстве и распределении оценочных смыслов оказывается чрезвычайно востребованным: явно выраженную интенцию отторжения *другого* и снижения его культурного статуса содержит значительная часть всех текстов. Их количество, безусловно, колеблется — и даже весьма значительно — в зависимости от средства массовой информации, текущих обстоятельств общественной и политической жизни в мире и стране. Основным носителем интолерантных смыслов в российских СМИ сегодня является не только традиционно политическая и идейно-мировоззренческая тематика, но и экономическая, культурно-историческая, культурно-развлекательная, спортивная, криминальная, семейно-бытовая и молодежная.

Российское общество, чтобы не оказаться в зоне экономического и духовного риска, чтобы не утратить ориентиры нравственности, продолжает активно обсуждать систему ценностей, которые должны лежать в основе его жизни и деятельности, его задач и перспективных проектов, поэтому вопросы мировоззренческого выбора остаются чрезвычайно актуальными. Не случайно поэтому объектами интолерантности в рассматриваемых СМИ оказываются те социальные теории, политические практики и концепты политической культуры, которые своей повесткой дня угрожают национальной картине мира, которые воспринимаются как фактор политического оппонирования национальной системе ценностей и которые, таким образом, не соответствуют национальным интересам. Среди них — «западные ценности» (как говорится в одной из газет, «от западных ценностей — бегом в Россию»⁷), «либерализм», «мультикультурализм», «толерантность», «глобализация», «феминизм», «космополитизм», «атеизм».

Ср.:

Сближение с Европой может грозить России навязыванием ей безнравственных установок, касающихся, в том числе, и института семьи... Демон-

⁷ <https://www.bragazeta.ru/news/2015/08/12/tolerantnost/> (10.02.2019).

таж ценностной системы, который сегодня происходит в Европейском союзе, он, конечно, не может нас не беспокоить. Потому что хотя наша страна не является членом Европейского союза, она является, безусловно, частью европейского культурного и цивилизационного пространства. И мы должны понимать, что вот эти ценностные установки, которые сегодня навязываются в Европе, конечно, проникают к нам, и они будут проникать — причем любое сближение с Европой будет непременно связано с навязыванием нам вот этих нравственных норм и нравственных установок⁸.

В рассматриваемых российских СМИ, либерализм, к примеру, подается как правило, не как политическая идеология, определяющая права и свободы граждан, акцентирующая внимание на интересах не только общества, но и личности, на законе как основе функционирования общества, а как ложная идея, как высвобождение всего ранее табуированного, высвобождение любой извращённой сущности, как форма болезни.

Ср.:

Либерализм — это болезнь и лечится с большим трудом, как и всякая прочая психопатология («Завтра». 26 августа 2018 г.)⁹;

Эта болезнь называется либерализм. [...] До него нельзя подняться, до него можно только упасть. Нравственное падение = либерализм. Поэтому нельзя поддаваться призывам к раскрепощению и «европейским ценностям», ибо это падение («Военное обозрение». 9 апреля 2013 г.)¹⁰;

Наполняя головы знаниями, делая человека более информированным, развивая его интеллект, либерализм, одновременно внедряет в головы людей свои ложные ценности, ослабляя разум человека [...]. До какой степени надо лишиться разума, при высоком коэффициенте интеллекта, чтобы принимать либеральные ценности за руководство к действию!?! («Русская народная линия». 16 августа 2013 г.)¹¹

Либерализм — это всеохватное и тотальное учение, заходящее в атаку на человеческий ум с разных направлений и атакующий личность под разными углами с целью полностью изменить ее сущность (Культура-Воронеж. РУ. 9 октября 2019 г.)¹².

Феминизм с момента своего появления в качестве философской концепции, политической идеологии и общественно-политического движения, выступающего не только за ликвидацию всех форм гендерной дискриминации, за гендерное равенство

⁸ <https://foma.ru/sblizhenie-s-evropoj-mozhet-grozit-navyazyivaniem-rossii-beznravstvennosti.html> (10.02.2019).

⁹ <http://zavtra.ru/blogs/liberalizm> (10.02.2019).

¹⁰ <https://topwar.ru/26513-liberalizm-eto-razlozhenie.html> (10.02.2019).

¹¹ https://ruskline.ru/analitika/2013/08/16/provaj_bezdetnaya_evropa/ (10.02.2019).

¹² <https://культура-воронежа.рф/либеральная-религия-модерна/> (10.02.2019).

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЕЕ ВИДЫ...

в общественных и бытовых правах, обязанностях и возможностях мужчин, женщин и представителей «небинарной гендерной идентичности», но и с артикулированным призывом к защите природы, также оказывается в российских СМИ в фокусе агрессивной-негативной оценочности. СМИ представляют феминизм как движение озлобленных, неуравновешенных, некрасивых, не удовлетворенных жизнью и не очень успешных в социальном и личностном плане женщин:

Костяк радикальных феминисток, безусловно, составляют идейные личности, главная цель которых стереть любые различия, нарушить сами основы бытия. Это жуткая уравниловка по всем параметрам — гендерным, сексуальным, социальным и так далее. Бунт против самой природы — бессмысленный и беспощадный, потому что изменить вводные данные невозможно¹³.

Социальная реальность, конструируемая российскими СМИ, представлена значительным количеством переживаемых в модальности акцентированного отторжения образов «чужого», образов носителей той или иной культуры и системы ценностей. Среди них выделяются *европейцы* (граждане Евросоюза), *американцы*, *украинцы*, *поляки*, *жители прибалтийских стран*, *представители раскольнической Православной церкви Украины* (ПЦУ). Вырисовывается их обобщенный образ: все они — независимо от их практики жизни и мировоззренческого выбора — безнравственны, ориентированы только на свои потребности и интересы, заняты решением только своих задач и при этом чрезвычайно опасны, поскольку в своей эйфорической очарованности открытостью, толерантностью, политкорректностью или правом на самоопределение препятствуют, по мнению СМИ, российскому обществу в его духовном продвижении, в формировании большого «русского мира»:

Интолерантное отношение, обнаруживаемое в российских СМИ к каждой из этих групп, безусловно, имеет свою, дополнительную мотивацию, в случае *европейцев*, например, она связана с широчайшей проблематикой беженцев, «новых граждан Евросоюза», на языке которых заговорили сегодня не только уличные и дорожные указатели, не только национальные СМИ, но и переписанная вязью Конституция Германии.

¹³ <https://www.mk.ru/social/2019/02/10/sekta-radikalnogo-feminizma-pochemu-modnaya-ideologiya-stanovitsya-izvrashheniem.html> (10.02.2019).

Ср.:

«Кто в этом доме теперь хозяин» — лучше спросить у тех немцев, которых выгоняют из своих квартир на улицу» (5 канал Российского ТВ. Программа «Известия. Главное». 26 октября — 1 ноября 2015 г.)¹⁴.

В качестве посторонних, не совпадающих по ценностям, взглядам, культурным практикам, в российских СМИ выступают представители некоторых социальных групп, среди них прежде всего — *либералы, граждане мира, ЛГБТ-сообщество* и т.п. В СМИ они представляются как люди, чуждые сознанию современного россиянина, как те, кто перешел границу сформулированной обществом культурной нормы, и как те, кто своим выбором и социальным жестом, создает потенциал деградации, падения и разрушения: «...все извращенцы всегда, удивительным образом, либералы. Потому и называются либерасты...» («Военное обозрение». 9 апреля 2013 г.)¹⁵.

В российских СМИ в сфере усиленного осуждения оказываются и некоторые гендерные аспекты жизни современного человека — мужчины и женщины, которые сегодня стремятся всячески реализовать и закрепить свое право на равенство, на выбор, на независимость и “биархат”, то есть эгалитарную семью, в которой муж и жена равноправны. Однако патриархальный ренессанс, утверждение традиционной гендерной нормативности и гендерной асимметрии, о чем все активнее сегодня заявляется в публичных дискуссиях и что наблюдается практически во всех сферах жизни современного россиянина, оказывает влияние на увеличение в СМИ количества высказываний, в которых крайне негативно оценивается изменение традиционного стандарта гендерно-ролевой идентичности, любая, нарушающая принятую традицию динамика гендерно дифференцированных моделей поведения.

Ср.:

Женщина, отказывающаяся от своей природы, идущая против природы, уже не может называть себя женщиной — это просто женоподобное нечто (Русская народная линия. 16 августа 2013 г.)¹⁶.

Среди объектов интолерантности, вокруг которых в российских СМИ сегодня создается особое, насыщенное негативной оценочностью смысловое пространство, находятся разные персоны, опознаваемые как политические противники или оппоненты.

¹⁴ <https://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/508880/244/> (10.02.2019).

¹⁵ <https://topwar.ru/26513-liberalizm-eto-razlozhenie.html> (10.02.2019).

¹⁶ https://ruskline.ru/analitika/2013/08/16/prowaj_bezdetnaya_evropa/ (10.02.2019).

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЕЕ ВИДЫ...

Одну из групп составляют лидеры тех государств, с которыми не складывается политический диалог и которые выступают в процессе политического взаимодействия как субъекты, представляющие в дихотомии «друг — враг», предложенную Карлом Шмиттом («Специфическое политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага»¹⁷), сферу конфликта и соперничества. Среди них — Дональд Трамп, Тереза Мей, Эммануэль Макрон, Петр Порошенко, Владимир Зеленский.

Ср.:

Если раньше хорошо подвешенный язык мог довести только до Киева, то в современной Украине он катапультировал своего обладателя Владимира Зеленского на расстояние вытянутой руки от киевского президентского трона... Зеленский, человек с кашей в голове, явно не понимающий разницы между «реальностью» его киношных сериалов и той реальностью, которая есть на самом деле¹⁸.

Вторая группа формируется из тех персон, которые в условиях текущего политического контекста опознаются как политические диссиденты, как «политические предатели», выступающие против принятой обществом и властью повестки дня. В «Иудово племя», «ментальной родиной», которого является Запад, как говорят некоторые российские СМИ об этой группе персон, входят Михаил Горбачев, Борис Ельцин, Андрей Макаревич, Лия Ахеджакова, Ксения Собчак и некоторые другие.

Интолерантность как принцип жесткого отторжения опыта иной культуры, таким образом, широко представлена в российских средствах массовой информации. В зависимости от избранного объекта интолерантности можно выделить ее виды, среди которых самыми репрезентативными являются политико-идеологическая, культурно-гендерная и личностно-мировоззренческая.

Политико-идеологическая интолерантность в СМИ своим объектом определяет системы политических ценностей, социально-политических взглядов, теории, идеи и идеалы, которые обуславливают особенности политического сознания граждан и модели их политической активности.

¹⁷ К. Шмитт, *Понятие политического*, пер. А. Филиппов // «Вопросы социологии» 1992, №1, с. 40.

¹⁸ <https://www.mk.ru/politics/2019/04/01/chem-opasen-zelenskiy-na-postu-prezidenta-ukrainy.html> (01.04.2019).

Культурно-гендерная интолерантность проявляется в анализируемых российских СМИ в аспекте прежде всего динамики гендерной идентичности, идентификации себя в культурно-ролевом статусе мужчины, женщины или «третьего пола», своеобразно сочетающего мужские и женские признаки.

В сфере личностно-мировоззренческой интолерантности в СМИ находятся убеждения участников политической коммуникации, их симпатии и антипатии, их отношение к нормам и традициям социальной действительности, политическим решениям и практикам. Личностно-мировоззренческая интолерантность связана с неприятием *лично обусловленного* характера «прочтения» тех или иных событий в мире и стране. Она включает в себя неприятие духовного и культурного формата личности, неприятие тех переживаний и выводов, в которых отражаются оппозиционные к оценивающей культуре ценностные смыслы. Личностно-мировоззренческая интолерантность затрагивает, безусловно, разные социальные группы, не только представителей определенных политико-идеологических концепций или движений, но и людей, чьи увлечения, интересы или модели поведения воспринимаются как необычные.

СМИ — важнейшая мотивирующая сила общества, ключевая составляющая часть его публичного коммуникативного пространства. От качества разворачиваемого в средствах массовой информации общественного диалога и его духовно-нравственной высоты зависит характер жизни человека. Интолерантность как принцип смыслового производства в современных СМИ имеет несомненную исследовательскую перспективу, поскольку именно в СМИ сегодня концентрированно локализируются практики неприятия и отторжения другого, неуважительного к нему отношения, неодобрения его мировоззренческого выбора. Именно СМИ сегодня форсированно транслируют в общество формулы чуждости, ксенофобии и агрессии по отношению к тем или иным этносам, социальным группам, сообществам, персонам и формам их культуры. Именно в СМИ сегодня активно разрабатываются механизмы снижения культурного статуса *другого*, лишаящие и общество, и человека возможности свободно использовать весь свой когнитивный, нравственный и политический потенциал.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Averintsev, Sergey. "Kogda ruka ne sozhmetsya v kulak." *Vek XX i mir* 1990, no. 7, s. 11–17 [Аверинцев, Сергей. "Когда рука не сожмется в кулак." *Век XX и мир* 1990, №7, с. 11–17].
- Bakhtin, Mikhail M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moskva: Iskusstvo, 1986 [Бахтин, Михаил М. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1986].
- Bakulina, Svetlana D. "'Svoy' – 'chuzhoj' v prostranstve tolerantnogo/intolerantnogo soznaniya." *Real'nost'. Chelovek. Kul'tura: universalii nauchnogo znaniya: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Omsk, 20–21 dekabrya 2007, Omsk: Izd-vo OmGPU, 2007, s. 3–5 [Бакулина, Светлана Д. "'Свой' – 'чужой' в пространстве толерантного/интолерантного сознания." *Реальность. Человек. Культура: универсалии научного знания: Материалы Всероссийской научной конференции. Омск, 20–21 декабря 2007*, Омск: Izd-vo OmGPU, 2007, с. 3–5].
- Chepkina, Elina V. *Problemy tolerantnosti v sredstvakh massovoy informatsii*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2016 [Чепкина, Элина. *Проблемы толерантности в средствах массовой информации*, Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016].
- Czyżewski, Marek. "Tolerancja i nietolerancja: pojęcia i postulaty." *Etyka* 2011, no. 44, s. 58–78.
- Habermas, Jurgen. "Intolerance and Discrimination." *International Journal of Constitutional Law* 2003, vol. 1. 2–12.
- Habermas, Jurgen. *Vovlecheniye Drugogo. Oчерki politicheskoy teorii*. Per. s nem. Sankt-Peterburg: Nauka, 2001 [Хабермас, Юрген. *Вовлечение Другого. Очерки политической теории*. Пер. с нем. Санкт-Петербург: Наука, 2001].
- Kolosov, Sergey A. *Konstruirovaniye sotsial'noy nenavisti v diskurse*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. 10.02.19, Tver', 2004 [Колосов, Сергей А. *Конструирование социальной ненависти в дискурсе. Автореф. дис. канд. филол. наук. 10.02.19. Тверь, 2004*].
- Kol'tsova, Yekaterina. Taratuta, Yekaterina. "Izmereniye tolerantnosti." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* 2003, t. VI, no. 4, s. 113 [Кольцова, Екатерина. Таратута, Екатерина. "Измерение толерантности." *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2003, т. VI, №4, с. 113].
- Likhachev, Dmitriy. "Dva tipa granits mezhdu kul'turami." Likhachev, Dmitriy. *Oчерki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva*, Sankt-Peterburg: Blic, 1996. 97–102 [Лихачев, Дмитрий С. "Два типа границ между культурами." Лихачев, Дмитрий С. *Очерки по философии художественного творчества*, Санкт-Петербург: Блиц, 1996. 97–102].
- Prokhorov, Yevgeniy P. *Zhurnalistika i demokratiya*. Moskva: RIP-kholding, 2001 [Прохоров, Евгений П. *Журналистика и демократия*, Москва: РИП-холдинг, 2001].
- Schmitt, Karl. *Ponyatiye politicheskogo*. Per. Filippov, Alexandr. *Voprosy sotsiologii* 1992, no. 1. 37–67 [Шмитт, Карл. *Понятие политического*. Пер. Филиппов, Александр. *Вопросы социологии* 1992, №1. 37–67].
- Tolerantnost' i intolerantnost' v sovremenном obshchestve v usloviyakh mirovogo krizisa-2010*. Sankt-Peterburg Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2011 [Толерантность и интолерантность в современном обществе в условиях кризиса-2010. Санкт-Петербург Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011].

АНДРЕЙ В. ПОЛОНСКИЙ

ловиях мирового кризиса-2010, Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011].

Andriej Połonskij

NIETOLERANCJA I JEJ PRZEJAWY
W DISKURSIE WSPÓŁCZESNYCH MEDIÓW ROSYJSKICH

Streszczenie

W artykule rozpatrywany jest problem nietolerancji jako wyjątkowo aktualny we współczesnym świecie w odniesieniu do normy kulturowej i komunikacyjnej jako kluczowej zasady moralnej, światopoglądowej, komunikacyjnej, która określa dominujący w społeczeństwie typ zmiennych sensów, wartościowań w wypowiedziach i tekstach. Autor przedstawia przejawy nietolerancji we współczesnych mediach rosyjskich.

Andrey Polonskyi

INTOLERANCE AND ITS TYPES
IN THE DISCOURSE OF MODERN RUSSIAN MASS MEDIA

Summary

The article deals with intolerance as a widely used cultural and communicative norm, as a key moral, ideological and communicative principle, which determines the dominant type of circulating messages, statements and texts in society. The author considers its separate types in modern Russian mass media.

ALICJA PSTYGA

Uniwersytet Gdański

 <http://orcid.org/0000-0001-6933-2132>

ОЦЕНОЧНОСТЬ В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ — ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА

Оценочность, основанная на мировоззрении общества, его способе мышления и категоризации мира, соприкасается с аксиологической оценкой на уровне языкового восприятия мира, в том числе и мира текста. Соотношения между языком, лексическим значением и экспрессией речевого акта позволяют рассматривать оценочность как компонент дефиниции слова (на уровне системных средств языка), а также как оценочную маркированность и оценочную силу (на уровне узуса и текстовой реализации), которые зависят от контекста, знаний, пользующихся языком, и вызываемых коннотаций применяемых слов и выражений¹.

Проблема оценочности текста в медийном дискурсе и в медиатексте как его единице² считается одной из ведущих. В данной

¹ Подробно о семантике оценки и оценочности см.: Н. Арутюнова, *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*, Наука, Москва, 1988; Е. М. Вольф, *Функциональная семантика оценки*, УРСС, Москва, 2002; J. Puzynina, *Język wartości*, PWN, Warszawa, 1992; T. Krzeszowski, *Aksjologiczne aspekty semantyki językowej*, UMK, Toruń 1999.

² Данный вопрос рассматривается, напр., в монографиях М. Володина (ред.), *Язык средств массовой информации*, Академический проект, Москва, 2008; А. В. Полонский, М. Ю. Казак (ред.), *Медийный текст: Социальные практики, технологии, теории*, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», Белгород 2018; Л. Р. Дускаева (ред.), *Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник*, ФЛИНТА, Москва 2018; см. также работы польских исследователей М. Kita, *Dyskurs prasowy* // Е. Malinowska, J. Nocoń, U. Żydek-Bednarczuk (red.), *Style współczesnej polszczyzny. Przewodnik po stylistyce polskiej*, Universitas, Kraków 2013, с. 199–288; U. Żydek-Bednarczuk, *Dyskurs*

статье проблема оценочности в медийном дискурсе рассматривается на примере перевода русскоязычных медиатекстов на польский язык. Их аксиологическое измерение с точки зрения перевода — как текстов, отличающихся креативностью и, как правило, выполняющих персуазивную функцию, в которых различные языковые средства используются для создания оценочной коннотации, навязывает рассмотрение проблемы степени воспроизведения (*vs.* изменения) вектора оценки.

Соотношение медиатекста с внешним миром (миром за текстом) и миром текстов в рамках дискурсивной деятельности адресанта и адресата соприкасается с трансляцией особым образом обработанной информации, предлагающей определенное осмысление действительности и содержащей оценки, и предопределяется целью воздействия на получателя (не всегда адресата). Результатом этого приема является особая медийная картина мира и медийная реальность, конструируемая СМИ³. Медиареальность, в пределах которой могут пересекаться документальность, реальность и вымысел (так называемый медийный факт), вместе с особой медийной точкой зрения представляют собой конструкт СМИ, который становится своеобразным пространством, открытым для многочисленных интерпретаций.

Как доминанта медийной коммуникации, что обусловлено основными для этой сферы функциями сообщения и воздействия, в частности формирования общественного мнения, оценочность участвует в организации медиатекста и предопределяет выбор языковых средств. В реализации коммуникативной стратегии автора текста преднамеренное воздействие на читателя достигается преимущественно за счет единиц, семантика которых обусловлена культурно-прагматическим контекстом,

medialny // E. Malinowska, J. Nocoń, U. Żydek-Bednarczuk (ред.), *Style współczesnej polszczyzny...*, с. 179–197 и др.

³ См.: М.Н. Володина, *Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание* // М.Н. Володина (ред.), *Язык средств массовой информации*, Академический Проект, Москва 2008, с. 6–24; P. Nowak, R. Tokarski, *Medialna wizja świata a kreatywność językowa* // P. Nowak, R. Tokarski (ред.), *Kreowanie światów w języku mediów*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2007, с. 9–35; А. Пстыга, *Медиареальность в переводе: к проблеме культурной обусловленности медийной коммуникации* // У. Перси, А.В. Полонский (ред.), *Художественный текст: культурная традиция и медиареальность. Коллективная монография*, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», Белгород 2017, с. 22–33.

что, в свою очередь, соприкасается с фактором отбора информации и ее значимости. Важное место в этом плане занимает также графическое оформление — фотография, рисунки, схемы и т. д., сопровождающие вербальную информацию и составляющие единое текстовое пространство. Таким образом, на основе публицистического приема формирования контекстуально-оценочной коннотации, в тексте создается его вторая плоскость, в пределах которой как языковые средства, структура слова, так и другие элементы структуры текста (например фотография) могут «использоваться для ценностной интерпретации и оценки с позиций лично-прагматического восприятия, и тем самым воздействуя на потенциального реципиента»⁴. В связи с поликодовостью логоцентрический подход к анализу медиатекста должен расширяться и учитывать все составляющие единого медийного коммуниката⁵.

Проблема адекватности интерпретации языкового (медийного) факта становится более сложной, если рассматривать медийный текст в аспекте межкультурной коммуникации, разновидностью которой является перевод. В данной ситуации актуальность замечания Марии Юрьевны Казак:

Полиинтенциональность медиатекстов, речевая структура которых определяется иерархией целевых установок медиасферы, издания, жанра, субъекта речи. Выделяются глобальные интенции, такие как информирование и анализ (В. И. Коньков), осведомление, оценка, побуждение (Л. Р. Дускаева), информирование, убеждение, развлечение (Н. И. Клушина), информирование, разъяснение, убеждение, побуждение, развлечение (Т. В. Шмелева) и др.⁶,

требует расширения — дополнительного учета знаний, опыта и ценностей различных целевых аудиторий. В условиях комму-

⁴ В. Н. Телия, *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*, Наука, Москва 1986, с. 72.

⁵ Более подробно эту проблематику см.: J. Maćkiewicz, *Jak można badać przekazy multimodalne*, «Język Polski» 2016, №2, с. 18–27; T. Piekot, *Dyskurs polskich wiadomości prasowych*, Universitas, Kraków 2006; B. Skowronek, *Z perspektywy odbiorcy. O nowym obszarze badań języka w mediach*, «Język Polski» 2016, №2, с. 11–17; K. Wolny-Zmorzyński, *Jaka informacja? Rzecz o percepcji fotografii dziennikarskiej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2010.

⁶ М. Ю. Казак, *Современные медиатексты: проблемы идентификации и типологии* // А. В. Полонский, М. Ю. Казак (ред.), *Медийный текст: Социальные практики, технологии, теории*, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», Белгород 2018, с. 28.

никативного акта перевода — в ситуации, когда переведенные тексты появляются позже и предназначены для совершенно другого получателя, они выполняют уже не только другую функцию, но в процессе перевода может меняться и их интенциональный потенциал. В итоге в переводе установка на другого реципиента подчиняется и изменение функции текста, что требует изменений в сфере, воспроизводимой переводчиком медийной действительности, как правило моделируемой его точкой зрения. Следует также подчеркнуть специфику перевода медиатекстов⁷, которая вытекает из сущности перевода и специфики медиатекстов, которые относятся к группе текстов, в переводе чаще всего подвергающихся самым значительным изменениям. Редколлегия (или переводчик) решает, каким будет объем текста перевода, его графическое оформление и заголовочный комплекс, который — согласно закономерностям перевода того типа текстов — меняется (обычно предлагается новое заглавие, лид, помещаются другие иллюстрации).

Переводческая практика и критический анализ медийных двутекстов⁸ подтверждают, что различные трудности и расхождения на уровне семантики текста не являются непреодолимыми, в чем помогают языковой и ситуативный контексты. Проблемой, однако, являются переводческие изменения, сущность которых сводится к со-формированию действительности медийного текста, а также сокращения, в том числе отбор определен-

⁷ См., напр., А. С. Микоян, *Проблемы перевода текстов СМИ* // М. Н. Володина (ред.), *Язык средств массовой информации*, Академический Проект, Москва 2008, с. 443–455; К. Hejwowski, *Iluzja przekładu: Przekładoznawstwo w ujęciu konstruktywnym*, Śląsk–Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, Katowice 2015; А. Pstyga, *Przekład w komunikowaniu medialnym. Wybrane zagadnienia na przykładzie polskich przekładów rosyjskich tekstów prasowych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2013.

⁸ В рамках русско-польских переводческих отношений в медийном пространстве данная проблема рассматривается, напр., в статьях: А. Пстыга, *Медиа-реальность в переводе: к проблеме культурной обусловленности медийной коммуникации* // У. Перси, А. В. Полонский (ред.), *Художественный текст: культурная традиция и медиареальность. Коллективная монография*, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», Белгород 2017, с. 22–33; А. Pstyga, *Rzeczywistość medialna i medialny punkt widzenia a przekład* // А. Pstyga, U. Patocka-Sigłowy (red.), *Międzyjęzykowe i międzykulturowe konteksty współczesnego dyskursu publicznego*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2017, с. 125–142; А. Pstyga, *Konotacje wartościujące w tekście prasowym jako problem przekładu* // R. Lewicki (ред.), *Przekład. Język. Kultura*, т. V, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2018, с. 9–20.

ОЦЕНОЧНОСТЬ В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ...

ных фрагментов текста оригинала для перевода. Креативные решения переводчика компенсируют непереводаемые — иногда и непередаваемые, пропущенные фрагменты текста, но, несомненно, появляется вопрос о степени симметрии между двумя текстовыми мирами. Кроме того, медийность с открытостью на содержательно-смысловом уровне сопровождается также возможностью изменений на уровне структурно-графического оформления в пределах межтекстового пространства (двухтекста), в итоге также оказывая влияние на оценочность переведенного текста.

Данное явление наблюдается уже в заголовочном комплексе текста, к которому относятся: заголовок, надзаголовок, тематическое название полосы, рубрика, подзаголовок, внутренний заголовок, а также — в широком понимании — лид, подпись, подпись к фоторафии, вставки. Кира Викторовна Прохорова подчеркивает, что

Создание эмоционального фона, возможное благодаря тому, что все компоненты заголовочного комплекса медиатекста активно подключаются к формированию оценочно-экспрессивного поля воздействия, значимо для осмысления медиатекста. Эмоционально-оценочный потенциал заголовочного комплекса медиатекста организует активное коммуникативное общение с читателем: заголовочный комплекс медиатекста как первый элемент любого текста нацелен на убеждение адресата, формирование определенных установок⁹.

«Формирование оценочно-экспрессивного поля воздействия» непосредственно влияет на выбор текста читателем (несмотря на возможную его дезориентированность или эффект обманутого ожидания).

В статье русскоязычные оригиналы сопоставляются с переводами, опубликованными в польском журнале «*Fogum*»/«*Nowe Fogum*», печатающим переводы медийных текстов из мировой прессы (в основном печатных и электронных изданий, а также веб-сайтов), в котором все чаще предлагается не собственно перевод, а перевод «на основе» иноязычных текстов (однако, как показывают наблюдения автора статьи, они чаще всего сводятся к отбору фрагментов иноязычного текста в рамках приема сокращения его объема). В глобальном сопоставлении оригинала

⁹ К. В. Прохорова статья *Заголовочный комплекс медиатекста* // Л. Р. Дукаева (ред.), *Медиалингвистика в терминах и понятиях...*, с. 198.

и перевода следует учитывать также другие компоненты структуры текстов, наличие, выделение или отсутствие которых оказывает влияние на оценочность всего коммуниката. В данном случае предлагаем сосредоточить внимание на заголовочном комплексе медиатекстов, включая фоторафию с подписью, которые способны вводить отсутствующие в оригинале коннотации.

Нами отобраны два текста, касающиеся мнения россиян относительно Польши в совершенно **различных аспектах**: первый представляет собой сообщение россиянки, которая жила некоторое время в Польше, второй — мнение и оценку важных (и в данный момент обсуждаемых в Польше) событий, связанных с периодом второй мировой войны. Обе статьи опубликованы в журнале в рубрике *Echa polskie*, в которой тексты отображают мнение других стран относительно определенно важного для поляков вопроса, также сквозь призму категории оценки. Ограниченные рамки статьи не позволяют продемонстрировать тексты полностью, поэтому нами отобраны те фрагменты, которые, как мы считаем, необходимы для раскрытия проблемы.

Первый из рассматриваемых текстов, опубликованный на сайте Лента.ру, является записью впечатлений после пребывания в Польше молодой девушки из Санкт-Петербурга в рамках цикла, в котором россияне рассказывают о себе, о причинах выезда за границу и реальной жизни за границей, адаптации в новых для них реалиях, где важным компонентом текста являются фоторафии:

[1а]

«Польский майонез мне совсем не нравится»

История жительницы Санкт-Петербурга, переехавшей в польский Вроцлав

[...]

ЕЖИ И ГНОМИКИ

В любой стране есть мелочи, к которым нужно привыкнуть, но скоро они становятся обыденностью. Например, счет этажей в Польше начинается с нулевого, а не с первого этажа. В трамвае билетик обязательно нужно прокомпостировать, чтобы автомат поставил на нем дату и время. Если забудешь — штраф за безбилетный проезд. Про контролеров много слышала, но ни разу не встречала.

Я о Польше почти ничего не знала, поэтому и ожиданий особых не было. Хотелось посетить старинные замки. Конечно, мы планировали путешествовать, и в этом году занимаемся этим особенно активно. Сначала ездили автобусной компанией PolskiBus, потом купили машину, и нам открылось еще больше возможностей. Машина — это приятный сюрприз. Оказалось,

Относительно заглавия *Польский майонез мне совсем не нравится* — *Majonezowi mówimy: NIE!* следует отметить, что переводчик предложил хороший вариант с русскоязычным вкраплением *нет*, которое — в рамках приема форенизации — усиливает экспрессивность и подчеркивает чуждость оценки, но вводит отрицательную в интерпретации поляков коннотацию. Подзаголовок *История жительницы из Санкт-Петербурга, переехавшей во Вроцлав* — *Czym zwabić Rosjan do Polski, a czym (ewentualnie) odstraszyć* в оригинале без, как кажется, оценочности (хотя некоторые из студентов, которые самостоятельно переводили на занятиях данный текст, подчеркивали переезд из культурной столицы России в относительно малоизвестный Вроцлав), в переводе как будто в рамках языковой игры, но все-таки содержит оценочный компонент, особенно если соотнести подзаголовок с подписью к имеющейся в журнале фотографии. В контексте оценочности следует также обратить внимание на семантику лексемы *zwabić*, близкую русскому *манить*, *соблазнять*. Фотография, не та, что в репортаже автора, представляющая одного из гномиков, которые являются одной из достопримечательностей города, привлекает внимание совершенно неожиданной и неоправданной (однако соотносимой с подзаголовком) подписью: *WROCLAWSKIE KRASNALE nie boją się „zielonych ludzików”*. *Goście ze Wschodu są zachwyceni*. *Зеленые человечки* (или *вежливые люди*) относятся к гипотетическим, вымышленным представителям внеземных цивилизаций, однако после аннексии Крыма (2014) словосочетание (фразама) распространилось в значении ‘военнослужащие в военной форме без знаков различия, блокирующие стратегические объекты’. Подпись — своеобразный комментарий к фотографии, не связан с текстом оригинала, его содержанием и придает совершенно ненужную, неоправданную оценку, что навязывает фактор национально-этнической памяти и актуализирует стереотипы массового сознания общества. В целом вкрапление *Нет* в заглавии, подзаголовке и подпись под фотографией (подробно даже не рассматривая содержания языковых структур в основном тексте) предопределяют оценочность и восприятие в негативном значении.

Второй пример из сайта Политком.ру: *Антисемитизм в Польше: нежелане слышать правду* — *Prawda w uszy kole* — это статья политолога Игоря Бунина, президента Центра по-

ОЦЕНОЧНОСТЬ В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ...

литических технологий, которая представляет материал, посвященный истории польско-еврейских отношений в связи с обсуждаемым и широко комментируемым в данный момент в Польше законом об Институте национальной памяти (IPN), в контексте реакции мира на поправки к закону (штраф, тюремное заключение сроком на 3 года за использование фразы *польские лагеря смерти* при описании концлагерей, существовавших на территории оккупированной Польши):

[2a]

04.02.2018 | Игорь Бунин

Антисемитизм в Польше: нежелание слышать правду

1 февраля 2018 года, в день 73-й годовщины освобождения советскими войсками Освенцима и накануне Международного дня памяти жертвам Холокоста, Сенат Польши принял поправки к закону об Институте национальной памяти, согласно которым человек, публично обвиняющий Польшу в преступлениях, совершенных во время Холокоста, в пособничестве нацистской Германии, военных преступлениях или преступлениях против человечности, может быть приговорен к тюремному заключению сроком на три года.

Законопроект запрещает использование словосочетания «польский лагерь смерти» при описании концлагерей, существовавших на территории оккупированной Польши. Польский МИД давно ведет мониторинг по использованию этого выражения и всегда требует уточнений и извинений. В 2012 году Польше удалось добиться даже извинений президента США Барака Обамы, упомянувшего «польский лагерь смерти».

[...]

<http://politcom.ru/22896.html> (03.04.2019)

[2b]

forum **echa polskie**

o polski antysemityzm

ANTYSEMITYZM JEST GRZECHEM PRZECIWI BOGU i LUDZKOŚCI

Prawda w uszy kole

Wokół nowelizacji ustawy o Instytucie Pamięci Narodowej od wielu dni wrze w Polsce i za granicą – pisze rosyjski politolog Igor Bunin.

Poprawkę przyjęte przez polski parlament przewidują kary więzienia dla tych, którzy publicznie oskarżają Polskę o zbrodnie popełnione w czasie Holokaustu, o kolaborację z nazistowskimi Niemcami, zbrodnie wojenne czy zbrodnie przeciwko ludzkości. W nowym brzmieniu ustawy zabronione jest używanie sformułowania „polskie obozy zagłady” przy opisie obozów istniejących na terytorium okupowanej Polski. Polski MSZ od dawna prowadzi monitoring pojawiania się tego wyrażenia i zawsze domaga karnego przeprosin. Nawet od amerykańskiego prezydenta.

W dyskusji, jaka rozgorzała w Polsce, padły wezwania, aby ci obywatel Polski, którzy mają inne zdanie na ten temat, zrezygnowali z polskiego obywatelstwa. Innymi słowami – ustawa zakłada, że wszyscy Polacy zachowywali się podczas okupacji porządnie i powinni jako naród stać się kandydatami do tytułu sprawiedliwych. Wśród Polaków nie ma i być nie może antysemitów ani tym bardziej tych, którzy

współpracowali z nazistami – pisze Bunin.

Ustawa wywołała kryzys w stosunkach Polski i Izraela. Członkowie izraelskiego rządu żądali odwołania ambasadora z Warszawy. Domagali się ostrego potępienia ustawy, która „de facto neguje polskie wsparcie dla Holocaustu”. Kneset zastanawia się nad przyjęciem swojej ustawy, która penalizowała by osoby negujące rolę tych, którzy pomagali nazistom w latach zagłady. Innymi słowami – zaczęła się wojna na „ustawie o pamięci”.

Mit wielkoduszności?

Rosyjski politolog przypomina, że mit o polskiej wielkoduszności i szlachetności w stosunku do Żydów i wyłącznie polskim poświęceniu został podkopany już znacznie wcześniej – gdy ukazała się w 2000 roku książka Jana Tomassa Grossa „Sąsiedzi”, opowiadająca o tragedii we wsi Jedwabne. Sprawcami mordu na miejscowych Żydach byli ich sąsiedzi – zwyczajni Polacy. Naukowcy z IPN potwierdzili autentyczność dokumentów przyto-

czonych przez historyka. Ówczesny prezydent Polski Aleksander Kwaśniewski przeprosił w Jedwabnem za to, co się stało.

Jak wynika z badań polskich historyków, od połowy 1942 roku z getta na terytorium okupowanej Polski uciekło 20–25 tysięcy Żydów. Większość została wydana na niemieckim władzom lub zabita przez polskich chłopów – pisze Bunin. W 2006 roku Gross wydał kolejną książkę „Strach. Antysemityzm w Polsce tuż po wojnie. Historia moralnej zapaści”. Przytacza w niej opowieści Żydów, którzy po wyzwoleniu powrócili do swych domów z obozów koncentracyjnych. Opowiada też o pogromie kieleckim w 1946 r. Narodowa prasa w Polsce przyjęła książkę Grossa jako „część spisku przeciwko Polsce”, szef IPN nazwał autora „wampirem historiografii”. Ówczesna ekipa rządząca próbowała odebrać Grossowi wysokie odznaczenie, które otrzymał w 1996 roku. Podobna była reakcja na Litwie po publikacji książki Ruty Vanagaitė „Nasi”, w której został opisany masowy dobrowolny udział proch Litwinów w zabijaniu Żydów i przywłaszczaniu sobie ich mienia.

Po wejściu na ekrany kin podejmujących temat zbrodni na Żydach filmów „Ida” w reżyserii Pawła Pawlikowskiego czy „Pokłosie” Władysława Pasikowskiego nie ne-

Igor Bunin – rosyjski politolog, założyciel i dyrektor Centrum Technologii Politycznych w Moskwie

20 FORUM | 5. 2018

Существенное изменение вводит польское заглавие *Prawda w uszy kole* (в русскоязычном тексте: *Антисемитизм в Польше: нежелание слышать правду*), которое, несмотря на некоторую мотивированность, как модификация пословицы *Prawda w oczu kole* (ср. в русском языке *правда глаза колет* в таком же значении) переводится в другой языковой регистр, создавая и подчеркивая контраст в связи с фотографией. В оригинале помещается фотография одного из барачков Аушвиц (Освенцим), в польском журнале — фотография граффити, находящегося в городе Освенцим, с изображением римского папы Иоанна Павела II, который считается моральным авторитетом поляков, и его слов, про-

изнесенных им во время одного из полемических: *Antysemityzm jest grzechem przeciw Bogu i ludzkości* (Антисемитизм — это грех против Бога и человечества). Таким образом в пределах текста, но внетекстовой информации, в польском журнале главный текст дополняется мотивом глубокого уважения Кароля Войтылы к евреям, что позволяет перенести акцент с трагического прошлого на настроения современного польского общества. Такая перестановка акцентов соприкасается именно с оценкой на уровне всего текста, что с точки зрения поляков имеет значение в связи с информацией (правдой) и точкой зрения (которая неоднократно подчеркивается переводчиком с самого начала — первый раз уже в добавленном в польскоязычном тексте лиде), передаваемой российским политологом. Приведенный выше и сопоставляемый текст подлинника и перевода выявляет не только национально закрепленное содержание языковых структур, но в ключе национальной памяти (и не-памяти) позволяет отражать и оценивать события окружающего мира.

Указанные примеры доказывают значимость выбора тематики текстов и отбора (а в случае необходимости добавления) тех компонентов многослойной структуры поликодового текста, которые создают возможность способствовать эффективности воздействия воспроизводимого медиатекста на потенциального реципиента журнала *Forum*. С этой точки зрения следует подчеркнуть, что графическое оформление играет важную роль, предопределяя интерпретацию вербальной части текста, а в переводе — как доказывает приведенный в статье материал — не всегда совпадает с первоисточником. Данные закономерности выявляет комплексный анализ текстов с коммуникативной точки зрения в условиях межкультурной коммуникации.

В познавательном-ценностном (и оценочном) конструировании медийной действительности (как приеме СМИ), понимаемом в ракурсе реализации авторского и/или переводческого замысла, между оригиналом и переводом медийная действительность и оценочность текста может модифицироваться. В контексте аксиологического измерения межтекстового пространства, которое составляют тексты оригинала и перевода, важно исследовать возможности трансляции разных подходов и точек зрения автора и переводчика, изменений оценочности в тексте, в том числе изменений на уровне передаваемой информации и точки зрения, формирующих медийную действительность, соотноше-

ния в пределах оценочности и неполного перевода (с пропущенными фрагментами исходного текста) и оценочной коннотации текста на уровне переводческих модификаций, а также критики перевода медиатекстов, что требует дальнейших наблюдений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Arutyunova, Nina. *Typy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt*. Moskva: Nauka, 1988 [Арутюнова, Нина. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука, 1988].
- Hejnowski, Krzysztof. *Iluzja przekładu: Przekladoznawstwo w ujęciu konstruktywnym*. Katowice: Śląsk–Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2015.
- Kazak, Mariya. “Sovremennyye mediateksty: problemy identifikatsii i tipologii.” 24–35. *Mediynnyy tekst: Sotsial’nyye praktiki, tekhnologii, teorii*. Polonskiy, Andrey. Kazak, Mariya (Eds.). Belgorod: ID “Belgorod” NIU “Belgu.” 2018 [Казак, Мария. “Современные медиатексты: проблемы идентификации и типологии.” 24–35. *Медийный текст: Социальные практики, технологии, теории*. Полонский, Андрей. Казак, Мария (Ред.). Белгород: ИД “Белгород” НИУ “БелГУ”, 2018].
- Kita, Małgorzata. “Dyskurs prasowy”. 199–288. Malinowska, Ewa. Nocoń, Jolanta. Żydek-Bednarczyk, Urszula (Eds.). *Style współczesnej polszczyzny. Przewodnik po stylistyce polskiej*. Kraków: Universitas, 2013.
- Krzyszowski, Tomasz. *Aksjologiczne aspekty semantyki językowej*. Toruń: Wydawnictwo UMK, 1999.
- Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh. Slovar’-spravochnik*. Duskayeva, Liliya (Ed.). Moskva: FLINTA, 2018 [*Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник*. Дускаева, Лилия (Ред.). Москва: ФЛИНТА, 2018].
- Mikoyan, Ashkhen. “Problemy perevoda tekstov SMI”. 443–455. Maуya, Volodina (Ed.). *Yazyk sredstv massovoy informatsii*. Moskva: Akademicheskiiy Proyekt, 2008 [Микоян, Ашхен. “Проблемы перевода текстов СМИ”. 443–455. *Язык средств массовой информации*. Володина, Мая (Ed.). Москва: Академический Проект, 2008].
- Nowak, Paweł, Tokarski, Ryszard. “Medialna wizja świata a kreatywność językowa.” 9–35. Nowak, Paweł, Tokarski, Ryszard (Eds.). *Kreowanie światów w języku mediów*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007.
- Piekot, Tomasz. *Dyskurs polskich wiadomości prasowych*. Kraków: Universitas, 2006.
- Prokhorova, Kira. “Zagolovochnyy kompleks mediateksta”. 195–201. Duskayeva, Liliya (Ed.). *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh. Slovar’-spravochnik*. Moskva: FLINTA, 2018 [Прокурова, Кира В. “Заголовочный комплекс медиатекста”. 195–201. Дускаева, Лилия (Ред.). Медиалингвистика в терминах и понятиях. Словарь-справочник. Москва: ФЛИНТА, 2018].
- Pstyga, Alicja. *Przekład w komunikowaniu medialnym. Wybrane zagadnienia na podstawie polskich przekładów rosyjskich tekstów prasowych*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013.
- Pstyga, Alicja. “Rzeczywistość medialna i medialny punkt widzenia a przekład.” 125–142. Pstyga, Alicja. Patocka-Sigłowy, Urszula (Eds.). *Międzyjęzykowe i mię-*

OCENOCZNOŚĆ W MEDIJNYM TEKŚCIE...

- dzykulturowe konteksty współczesnego dyskursu publicznego*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2017.
- Pstyga, Alicja. "Konotacje wartościujące w tekście prasowym jako problem przekładu." 9–20. Lewicki, Roman (Ed.). *Przekład. Język. Kultura*, t. V. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2018.
- Pstyga, Alitsiya. "Mediareal'nost' v perevode: k probleme kul'turnoy obuslovennosti mediynoy kommunikatsii." 22–33. *Khudozhestvennyy tekst: kul'turnaya traditsiya i mediareal'nost'*. Kollektivnaya monografiya. Persi, Ugo. Polonskiy, Andrey (Eds.). Belgorod ID "Belgorod» NIU "Belgu", 2017 [Пстыга, Алиция. "Медиареальность в переводе: к проблеме культурной обусловленности медийной коммуникации." 22–33. Перси, Уго. Полонский, Андрей (Ред.). *Художественный текст: культурная традиция и медиареальность*. Коллективная монография. Белгород ИД "Белгород» НИУ "БелГУ", 2017].
- Puzynina, Jadwiga. *Język wartości*. Warszawa: PWN, 1992.
- Skowronek, Bogusław. "Z perspektywy odbiorcy. O nowym obszarze badań języka w mediach." 11–17. *Język Polski*. 2016 no. 2.
- Teliya, Veronika. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinitz*. Moskva: Nauka, 1986 [Телия, Вероника. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва: Наука, 1986].
- Volodina, Maуya. "Yazyk SMI — osnovnoye sredstvo vozdeystviya na massovoye soznaniye." 6–24. *Yazyk sredstv massovoy informatsii*. Volodina, Maуya (Ed.). Moskva: Akademicheskiy Proyeckt, 2008 [Володина, Майя. "Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание." 6–24. Майя, Володина (Ред.). *Язык средств массовой информации*. Москва: Академический Проект, 2008].
- Vol'f, Yelena. *Funktsional'naya semantika otsenki*. Moskva: URSS, 2002 [Вольф, Елена. *Функциональная семантика оценки*. Москва: УРСС, 2002].
- Wolny-Zmorzyński, Kazimierz. *Jaka informacja? Rzecz o percepcji fotografii dziennikarskiej*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2010.
- Żydek-Bednarczuk. "Dyskurs medialny." 179–197. Malinowska, Ewa. Nocoń, Jolanta. Żydek-Bednarczuk, Urszula (Eds.). *Style współczesnej polszczyzny. Przewodnik po stylistyce polskiej*. Kraków: Universitas, 2013.

Alicja Pstyga

WARTOŚCIOWANIE W TEKŚCIE MEDIALNYM — INTERPRETACJE TŁUMACZA

Streszczenie

Artykuł dotyczy problemu wartościowania w dyskursie medialnym, który rozpatrywany jest na przykładzie rosyjskich tekstów medialnych przełożonych na język polski. Aksjologia z punktu widzenia przekładu tekstów prasowych — kreatywnych, zwykle o funkcji perswazyjnej, w których różne środki bywają wykorzystywane jako nośniki konotacji wartościujących, przedstawiając temat wypowiedzi w sposób negatywny bądź pozytywny, skłania do zwrócenia uwagi na stopień odtworzenia (vs. zmiany) wartościowania. Globalne, całościowe spojrzenie na oryginał i przekład w odniesieniu do tekstów prasowych (medialnych) pozwala dostrzec także inne

elementy struktury tekstów, których obecność, wyróżnienie lub pominięcie wpływa na znak wartości całego komunikatu.

Alicja Pstyga

VALUATION IN MEDIA DISCOURSE – TRANSLATOR’S INTERPRETATIONS

Summary

The paper touches the matter of evaluation in press discourse which is presented from the perspective of Russian press articles translation into Polish language. Axiology in terms of press articles translation – creative, also usually persuasive, in which various means are used as carriers of evaluative connotations describing the matter of statement in negative or positive way – prompts us to consider to what extent the original evaluation is reproduced (or changed).

The author proves that the holistic view on original and translated media texts allows to discover also other important elements of press articles structure which presence, emphasis or omission influences axiological valuation.

ЖАННА СЛАДКЕВИЧ

Гданьский университет

 ORCID <http://orcid.org/0000-0001-7237-5328>

ПРАВДА И ФЕЙК В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ЦИФРОВЫХ МЕДИАРЕСУРСОВ)

Не верь всему, что видишь, ведь даже соль выглядит как сахар.
Арабская пословица

ЦИФРОВЫЕ МЕДИА В НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ

Цифровые технологии, стремительно завоевавшие мир за последние десятилетия, не только значительно расширили исследовательское поле гуманитарных наук, но и определили природу, параметры медийного пространства, а также ядро и динамику его аксиологической составляющей¹. Эволюция онлайн-медиа поставила под сомнение основные принципы журналистики, а прежде всего ее установку на объективность и достоверность при передаче контента. Изолированная от контекста цитация, симуляция, ремейки и репосты стали частотными формами передачи информации, а «провокативность» не только получила

¹ Ключевыми, с точки зрения данного исследования, согласно классификации Ядвиги Пузыниной, являются познавательные ценности, с понятийной доминантой «правда» — истина, достоверная информация, соответствие действительности, и коррелирующие с ними антиценности — ложь, фальшь, обман, фикция, мистификация и т. п. (J. Puzynina, *Jak pracować nad językiem wartości* // J. Puzynina, J. Bartmiński (ред.), *Język a kultura*, т. 2: *Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne*, Wydawnictwo Wiedza o Kulturze, Wrocław 1991, с. 132).

статус экспрессии эпохи постмодерна, но и стала универсальным алгоритмом социального поведения².

В условиях новой техноцентричной среды актуализируются признаки постмодернистской коммуникации: неопределенность, изобилие неясностей, разрывов повествования и перестановок; фрагментарность и принцип монтажа как текстообразующий механизм; «деканонизация» представлений о тексте; конвергенция жанров, стилевой синкретизм; конструирование реальности, представление событий с учетом потребностей аудитории. В этой связи фатика, выходя за рамки устного общения, становится одним из наиболее значимых компонентов публичного коммуникативного процесса, поскольку в условиях конкуренции СМИ нуждаются в привлечении и удержании целевой аудитории³, а ориентация на поддержание легкого, шуточного общения способствует расширению роли инфотейнмента как принципа подачи материала в масс-медиа.

Под влиянием постмодернистской мыслительной парадигмы «постижение действительности осуществляется в разрез традиционной доказательной траектории»⁴, поскольку существенным становится не то, что правдиво, а то, что выглядит и звучит убедительно. Обилие информации и невозможность ее верификации коррелируют в современной медийной культуре с понятием «постправды» (*post-truth*), ставшим словом 2016 года по версии *Оксфордского словаря*; сочетанием «пост-правдивая политика» (*post-truth politics*), введенным в оборот в 2010 году публицистом Дэвидом Робертсом⁵, и вездесущим сегодня *фейковым новостным контентом*, в результате чего составители толкового словаря английского языка *Collins English Dictionary* фразу «fake news» объявили ключевым словом 2017 года. В этом же году термин *post-truth* («постправда») отпраздновал свой 25-й юбилей, о чем сообщил американский журнал «The Na-

² А. Зобова, *Провокативность медиaprостранства: аксиологический аспект*, «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» 2014, № 1–2, с. 434.

³ W. Pisarek, *Język w mediach, media w języku*, w: J. Bralczyk, K. Mosiolek-Kłosińska (red.), *Język w mediach masowych*, Upowszechnianie Nauki — Oświata „UN-O”, Warszawa 2000, с. 16.

⁴ Т. Маняпова, *Системообразующие основания интертекстуальности*, «Вестник ПГУ» 2010, № 2, с. 79.

⁵ З. Чанышева, *Информационные технологии смысловых искажений в кликбейт-заголовках*, «Вестник ПНИПУ» 2016, № 4, с. 56.

tion», в котором этот термин появился впервые. Популярная сегодня лексема была использована в январе 1992 года в статье сербско-американского драматурга Стива Тесича⁶. В 1991 году между «The Nation» и Министерством обороны США разгорелся серьезный конфликт, причиной которого стали ограничения, введенные министерством обороны для пресс-пулов при освещении войны в Персидском заливе. 10 января того же года журнал подал в суд на Министерство обороны, а результатом этого иска стало знаменитое дело *Nation Magazine v. United States Department of Defense*, решения по которому так и не последовало, однако оно вызвало широкий резонанс в обществе. Год спустя после подачи иска к Министерству обороны в «The Nation» было опубликовано эмоциональное эссе Стива Тесича под названием *Правительство лжи (A Government of Lies)*. Автор проанализировал информационную политику правящих кругов США с точки зрения официальных заявлений, приводивших к серьезным военно-политическим последствиям, которые спустя некоторое время опровергались, но не имели никаких последствий для тех, кто озвучивал подобные намеренные фейки.

2. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ФЕЙК» И «ФЕЙК-НЬЮС»

В январе 2017 года президент США Дональд Трамп — «медиа-всадник, который оседлал социальные сети»⁷ — написал в своем микроблоге в Твиттере знаменитую фразу: «Фейковые новости — тотальная политическая охота на ведьм!»⁸. Переизбыток фейковых новостей стал не только яркой отличительной особенностью последней американской предвыборной гонки, но и знакомым явлением медиадискурса новейшего времени.

Понятие «фейк» (от англ. *fake* — «подделка», «фальшивка», «обман») включает в себя ряд самых разнообразных явлений медиасреды: от поддельных текстов, а также фото-, видео- или аудиозаписей до искусственно созданной по заданию заказчика

⁶ Ю. Лучинский, «Правительство лжи»: феномен «постправды» Стива Тесича, «Век информации» 2018, Т. 1, № 2, с. 322.

⁷ «Постправда появилась тысячелетия назад», <https://journalonline.msu.ru/articles/note/postpravda-poyavilas-tysyacheletiya-nazad/> (30.06.2019).

⁸ D. Trump, *Fake News — A Total Political Witch Hunt!*, <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/818990655418617856> (30.06.2019).

популярности личности или проекта. Оксана Иссерс⁹ отметила, что в русскоязычных дискурсивных практиках в лексеме «фейк» акцентированы семы преднамеренного обмана и манипуляции: согласно корпусным данным и медиатекстам, «фейковый» значит ‘мифический, искусственный, «невсамделишный»’; ‘манипулятивный’; ‘слабый, неэффективный’; ‘демонстративно-показательный, ненастоящий’¹⁰ (ср.: «фейк в русском языке существует в сознании его носителей прежде всего в его сигнификативном (обман) и прагматическом значении (отрицательная оценка), но не имеет очерченного денотативного класса»¹¹). Сегодня функционирование слова «фейк» напрямую коррелирует не с маркетинговой сферой (источником), а с медиадискурсом в составе терминологического сочетания *фейк-ньюс* (англ. *fake news*), понимаемого как «фальшивая информация, часто имеющая сенсационный характер и распространяемая в СМИ под видом новостных сообщений»¹². В русскоязычном обиходе под термином «фейк-ньюс» подразумевается как осознанное, так и неосознанное искажение информации, возникшее вследствие нарушения технологии производства новостей¹³ (Распопова, Богдан 2018), а синонимами к нему выступают лексемы *псевдоновости*, *медиамистификация*, *фактоиды* и др.

Анализ значительного массива фейковых новостей позволил Александру Суходолову разработать их детальную типологию, дифференцируя подклассы в зависимости от следующих критериев: соотношение достоверной и недостоверной информации; достоверность обстоятельств времени и места произошедшего события; состав лиц, упоминаемых в «новости»; цели создания

⁹ О. Иссерс, *Медиафейки: между правдой и мистификацией*, «Коммуникативные исследования» 2014, № 2, с. 113–115.

¹⁰ Ср.: *Словарь синонимов русского языка* под ред. В. Тришина (2013) указывает 6 синонимов к лексеме «фейк» (в порядке уменьшения частотности): обман, ложь, неправда, подделка, фальсификация, фэйк, https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/387676/%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BA (30.06.2019).

¹¹ К. Люцинский, *О слове фейк и о том, что за ним стоит*, «Respetus Philologicus» 2015, № 28 (33), с. 93.

¹² А. Беловодская, *Власть симулякра в эпоху новых медиа: к вопросу об изучении информационных аномалий в цифровом медианпространстве* // *Ż. Śladkiewicz, A. Klimkiewicz, M. Noińska (red.), Perswazja językowa w różnych dyskursach*, т. 3, WUG, Gdańsk 2019, с. 168–172.

¹³ С. Распопова, Е. Богдан, *Фейковые новости: Информационная мистификация*, АспектПресс, Москва 2018.

и распространения; уровень восприятия достоверности¹⁴. Елена Казимянец, в свою очередь, предлагает различать: псевдоностные заголовки, которые «сообщают часть информации о ситуации, утаивая другую часть, что побуждает читателя делать неверные импликации»; фейковые, которые «не имеют под собой референтной основы вообще» (сюжет о распятом мальчике или дело 13-летней Lisy русско-немецкого происхождения в Берлине); заголовки, преподносящие локальное событие как общезначимое, т.е. создающие информационный шум¹⁵.

Ниже рассмотрим основные векторы функционирования фейковой информации в сети: 1) «кликабельная» новостная информация, в которой соотношение правды и фикции может дифференцироваться, однако в презентации контента задействованы общие механизмы семантико-прагматической провокации; 2) сайты генерирования исключительно фейковых новостей; 3) вирусная фейковая реклама; 4) фейковое программное обеспечение; 5) фейковые аккаунты в сети и фейковые идентичности; 6) цифровые алгоритмы конструирования фальшивого аудио-визуального ряда.

1) КЛИКБЕЙТ-НОВОСТИ

Сконструировать фейк-нюс дешевле и быстрее, чем раскопать интересный инфоповод и подготовить полноценный журналистский материал.

Максим Грачев

Генерализируя, конфигурацию прагматикона «фейковых» новостей можно соотнести его с рецептивным механизмом и нформационных пробелов (англ. *curiosity gap*), благодаря которому наш мозг постоянно стремится сложить недостроенный пазл, заполнить гештальт или договорить недоговоренность. Уровень любопытства к определенной информации можно описать перевернутой U-образной кривой: пик будет достигнут, когда наше любопытство подстегнуто, но мы не уверены в ответе

¹⁴ А. Суходолов, *Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве*, «Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты», 2017, с. 89–94.

¹⁵ Е. Казимянец, *Этот «безумный, безумный, безумный мир» в «странных» заголовках электронных СМИ*, «Slavistica Vilmensis» 2018, т. 63, с. 269–281.

и хотим успокоить информационный «зуд»¹⁶. Закономерно, что способ подачи новостных сообщений в сети в значительной степени основан на механизме кликабейта (англ. *click* ‘щелчок, переход по гиперссылке’ и *bait* ‘наживка’), который подразумевает создание характерных притягательных заголовков, обеспечивающих положительную динамику посещаемости веб-ресурса¹⁷. Кликбейт-заголовок, выполняющий роль своеобразного «ай-стоппера», призван вызвать живой интерес к открывающемуся по «клику» тексту. Не случайно сайт *Common Places* образно определил кликбейтинг как «интеллектуальный фастфуд»¹⁸.

В этой связи заголовки в сетевых сервисах конструируются в соответствии с психологией любопытства: ставка делается на игровую фактуру такого предтекстового блока, его оценочный характер, недосказанность и сенсационность. Лингвистические маркеры, используемые в кликабельных сообщениях, изначально предопределяют отношение аудитории к предоставленному информационному сообщению. В «разжигании» любопытства наиболее действенны фразы: *это заставит вас, именно поэтому, ты не поверишь, вы будете поражены, будоражит умы*, эксплицирующие потенциальный перлокутивный эффект от прочтения материала, а также экспрессивные слова и выражения, как: *ШОК, тронет до глубины души, смешно до слез, под угрозой исчезновения, мировое открытие, нечто страшное: Украинский политолог рассказал о хитром ходе Яценюка, который ударит по Порошенко* (2019); *Британия шокировала Европу, Трамп унизил посла ЕС, а Китай променял США на Германию* (2019); *За «китовую тюрьму» Росрыболовства Россия заплатит миллиарды Китаю* (2019). Отметим, что такие заголовки сопровождают как текстовый контент, так и фото- и видеоматериалы, опубликован-

¹⁶ См.: G. Loewenstein, *The Psychology of Curiosity: A review and reinterpretation*, “Psychological Bulletin” 1994, 116 (1), с. 75–98; M.J. Kang и др., *The Wick in the Candle of Learning. Epistemic Curiosity Activates Reward Circuitry and Enhances Memory*, “Psychological Science” 2009, 20 (8), с. 963–973.

¹⁷ Н. Вольская, *Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации*, «Медиаскоп» 2018, Вып. 2, <http://www.mediascope.ru/2450> (28.06.2019); Ж. Сладкевич, *Деформация фактуальной информации в новостных веб-ресурсах с кликбейт-заголовками*, «Политическая наука» 2019 (в печати); Ж. Сладкевич, *Заголовки-анонсы в сетевых медиасервисах: между информированием и кликбейтингом*, «Медиалингвистика» 2019, т. 6, №3, с. 353–368.

¹⁸ *5 Things you Need to Know About Clickbait*, <https://www.commonplaces.com/blog/5-things-you-need-to-know-about-clickbait/> (18.06.2019).

ные в Интернете. В стимулировании читательского любопытства важную роль играют ретроспективно-перспективные категории, позволяющие развивать интригу и моделировать социально-политическую действительность в темпоральном аспекте: *Путин чуть не расплакался во время прямого эфира: что случилось* (2019); *То, что случилось с Путиным в Париже, уже не скрыть* (2019). Технологии создания «кликабельного» заголовка подробно описаны маркетологами, аналитиками и лингвистами¹⁹.

Особая структура сетевого гипертекста нарушает непрерывность рецепции интернет-пользователя, который должен совершить «прыжок», переместиться при активации гиперссылки. Чтение интернет-текстов, в отличие от традиционных медиа, является: 1) курсорным, нацеленным на беглый просмотр с целью получения лишь общего смысла²⁰, 2) политоничным, т.е. характеризующимся перцептивной мобильностью читателя, вынужденного переключать внимание на дисперсные фрагменты макросообщения²¹, 3) фрагментарным и выборочным, поскольку веб-алгоритмы формируют персонализированную новостную ленту, основываясь на предпочтениях и предыдущих действиях пользователя. Илай Парайзер назвал этот механизм «пузырем фильтров», закрывающим от нас всю альтернативную информацию, которая, согласно алгоритму, может нам не понравиться²². Парафразируя Ежи Леца («Окно в мир можно закрыть газетой»), можно сказать, что открывающиеся серией «кликов» окна цифрового пространства закрывают от нас реальный мир, а журналистика как «индустрия текстов повседневности или совокупность 'означающих практик'

¹⁹ Р. Бартыш, *Кликбейт в СМИ и на YouTube: как привлечь аудиторию, разжигая любопытство?* «BurЖuasia» 2017, № 13, <http://burguasias.com/chto-takoe-klikbejt-primery-i-opisaniya/> (15.06.2019); Я. Голубев, *Использование кликбейтинга в SEO*, <http://great-world.ru/ispolzovanie-klikbejtinga-v-seo/> (15.06.2019); О. Иссерс, *Медиафейки: между правдой...*; А. Николаева, *Кликбейт: к определению понятия*, «Актуальные проблемы стилистики» 2017, № 3, с. 146–151; Ж. Сладкевич, *Деформация фактуальной информации...*

²⁰ Е. Набиева, *Чтение в эпоху информационных технологий*, «Человек в мире культуры» 2014, № 1, с. 39.

²¹ См.: W. Pisarek, *Nowa retoryka dziennikarska*, Universitas, Kraków 2002, s. 157; М. Колесникова, *Специфические признаки интернет-коммуникаций — интерактивность, гипертекст, мультимедиа* // А. Акопов (ред.), *Журналистика электронных сетей*, Воронежский гос. ун-т, Воронеж 2007, с. 84.

²² Е. Pariser, *The Filter Bubble: What The Internet Is Hiding From You*, Penguin Press, New York 2011.

становится индустрией самой повседневности, производством картины мира»²³, в т. ч. и фейковой.

Траектория ознакомления интернет-пользователя с многовекторно развиваемым гипертекстом «перекликающихся» сообщений в значительной степени зависит от хедлайнов, имплицитных выборов реципиента и дальнейшее развитие анонсируемой темы. В связи с тем, что многие интернет-сервисы представляют новостные анонсы различных информационных агентств, апеллирующих к разным типам адресата, презентация сообщения осуществляется двух- или трёхступенчато: 1) заголовок-анонс (нередко с фотоиллюстрацией), 2) опционально — более развернутый лид; 3) полный текст информации на последующей витрине информагентства. К примеру, кликбейт-заголовок *Новая жена Путина удивила всю страну! Вы не поверите, но это...*²⁴ на фоне фотографии президента и молодой девушки в свадебном платье отсылает к тексту под заголовком *Путин ответил на вопрос о новой первой леди*, уже в сопровождении портрета самого президента. В статье сообщается о том, что повторно вышла замуж бывшая супруга Путина Людмила, сам же президент доволен своей жизнью и пока не намеревается раскрывать детали личных отношений. Иными словами, представляемая информация препарируется несколько раз, что сопровождается специфическим профилированием контента с одновременным выдвиганием на первый план интерпретативной и аксиологической функции. Кликбейтинг нацелен на поиск нетривиальных форм сцепления онлайн-информации, которая раскрывается пошагово в результате переходов по ссылкам-анонсам.

Среди популярных механизмов подачи искажения фактуального содержания статьи можно выделить следующие²⁵: подмена персонажей и понятий, «открытие», видоизменение цитат и др.

Подмена персонажей и «ложная смерть», т. е. часто появляющиеся заметки о смерти знаменитостей (звезд шоу-бизнеса, актеров, спортсменов и политиков). Переходя же по ссылке к лиду и полному тексту, читатель узнает, как правило,

²³ А. Калмыков, *Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе общественных СМИ*, Издательство ИПК работников ТВ и РВ, Москва 2009, с. 5.

²⁴ http://fire-smirus.ru/onews?post_id=6401&to=1&source=98&t_id=%AD_ID%25&site_id=%25SITE_ID%25 (02.06.2019).

²⁵ Подробнее: Ж. Сладкевич, *Деформация фактуальной информации...*; Ж. Сладкевич, *Заголовки-анонсы в сетевых медиасервисах...*

что речь идет об однофамильцах знаменитостей. Такого рода прием с использованием омонимии имен собственных служит пролонгации коммуникативного контакта²⁶, в чем особенно заинтересованы цифровые издания, поскольку в их боковых окнах размещается реклама. Фейковую смерть можно связать также с ее преднамеренной инсценировкой, как в случае журналиста Аркадия Бабченко²⁷, или выстраиванием пиар-кампании на сенсации о предсмертном состоянии, как в случае шоумена Бари Алибасова²⁸. Наибольший резонанс вызывает шоковая коммерческая реклама с использованием приема «ложной смерти», замаскированная под новостное сообщение, как в случае информации, появившейся 30 мая 2016 года на сайте российского охранного агентства pult-voevoda.ru: «Andrzej Duda zmarł dziś. Szczegóły z miejsca zdarzenia. Polska straciła wielkiego polityka»²⁹. После вмешательства администрации президента Google заблокировал отображение этого сообщения в браузере.

Подмена понятий, утрирование и смещение смысловых акцентов, с целью придания информации сенсационности, в т. ч. представление слухов под видом фактов. В этом аспекте стоит упомянуть о полностью сфальсифицированной новостной информации и журналистских разоблачениях последних лет. Так, репортер «Der Spiegel», одного из ведущих европейских СМИ, Клаас Релотиус годами сочинял фейковые новости (от цитат и персонажей до целых историй) и получал престижные журналистские награды, в том числе за фальсифицированные материалы³⁰. Описанный случай далеко не единичный. Джейсон Блэр,

²⁶ А. Киклевич, *Сегментация текста как средство персуазивности в информационных сервисах интернета* // того же, *Притяжение языка 4: Языковая деятельность: семантические и прагматические аспекты*, Centrum Badań Eurory Wschodniej, Olsztyn 2016, с. 316.

²⁷ А. Малькевич, *Скандал с инсценировкой убийства журналиста Аркадия Бабченко*, [http://www.prisp.ru/analytics/672-malkevich-babchenko-0406\(30.06.2019\)](http://www.prisp.ru/analytics/672-malkevich-babchenko-0406(30.06.2019)).

²⁸ «Нам за это абсолютно не стыдно»: сын Алибасова заработал на отравлении отца 26 миллионов, https://www.kp.ru/daily/26996.7/4056910/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (30.06.2019); «Каждое мое слово будет использовано против меня»: лечащий врач Алибасова из Склифа боится рассказывать о его состоянии, <https://www.kp.ru/daily/26995/4056594/> (30.06.2019).

²⁹ <https://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/522102,andrzej-duda-zmarl-dzis-ekspert-to-nie-pierwszy-raz-kiedy-rosyjscy-hakerzy-zaatakowali-w-polskiej-sieci.html> (25.05.2019).

³⁰ *Журналист Der Spiegel и лауреат многих премий годами выдумывал материалы. Его поймали на фейках и уволили*, <https://tjournal.ru/news/82594->

журналист авторитетного ежедневного издания «The New York Times», в течение четырех лет выдавал за эксклюзивные репортажи с мест событий плагиат, т.е. компиляцию из электронных версий материалов других изданий, чьи репортеры действительно побывали в горячих точках. В мае 2017 года итальянский журналист Томмазо Дебенедетти разыграл мировые СМИ, опубликовав в поддельном Твиттере министра культуры Франции сообщение о смерти Нобелевского лауреата по литературе Светланы Алексиевич³¹. Информация была подхвачена ведущими мировыми изданиями, а в России сенсационную новость передали РИА Новости, «Интерфакс», РБК, «Известия», «Ведомости», «Коммерсантъ», «Лента.ру», телеканалы «Культура», RT, НТВ, «Царьград ТВ» и другие СМИ.

Механизм открытия базируется на эмоциональной вовлеченности реципиента в анонсируемую ситуацию. Привлекательные и часто открываемые гиперссылки формулируются следующим образом: *От нас скрывали правду, но теперь всё стало известно; Больше никакой онкологии: поразительная разработка российских врачей; Новосибирские учёные смогли отапливать дома холодильником* и т.п. Такого рода заголовки апеллируют к таким базовым потребностям, как здоровье и самочувствие, потребность в безопасности жизнедеятельности, потребность знать правду о происходящих в социуме событиях.

Цитаты, видоизмененные в журналистском тексте, в т.ч. умалчивание части высказывания, перестановка его частей и т.п. События освещаются в соответствии с определенными идеологическими императивами, доминирующими в контексте обсуждения злободневных тем, зачастую с использованием передачи информации по принципу «возможное как реальное»: события, которые, с точки зрения медийного агента, могут произойти, представляются как имеющие место. Так, из значения единиц, оформляющих заголовки *Отставка Лукашенко: Путин принял жесткое решение о судьбе Батьки*³², у читателя складывается естественное представление о том, что с Александра Лукашенко сняты полномочия президента. В тек-

zhurnalist-der-spiegel-i-laureat-mnogih-premiy-godami-vydumyval-materialy-ego-poymali-na-feykah-i-uvolili (30.06.2019).

³¹ Подробно о фейковых репортажах: С. Поворознюк, *Хлеба и фэйков. Самые громкие журналистские обманы*, <https://lenta.ru/articles/2015/04/24/pravdy.net/> (30.06.2019).

³² <https://dni.ru/polit/2019/6/25/426489.html> (25.06.2019).

сте статьи, однако, содержатся лишь мнения Аркадия Бабченко, Павла Усова и Дмитрия Гордона об объединении двух стран, которое «можно ожидать между 2020 и 2024 годами», и замечание о том, что «эксперты пророчат Батьке должность премьер-министра Союзного государства». Таким образом, видно, что речь идет лишь об одном из возможных путей развития событий.

Иными словами, благодаря технологии глобальной сети искажающие действительность новости распространяются с большой скоростью и в обширном диапазоне, что делает сетевые информационные сервисы мощным инструментом идеологического программирования³³. Кликабельный контент, содержащий фейковые новости, дезинформирующие сообщения и конспирологические гипотезы, обладает способностью вирусного распространения: Интернет мгновенно «тиражирует все, что туда загрузят»³⁴. Данное свойство превращает указанные ресурсы в символические триггеры, которые, в случае их совпадения с «болевыми точками адресата», вызывают автоматическое реагирование и поведение³⁵.

2) МЕДИА, ГЕНЕРИРУЮЩИЕ ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ

Масштаб мистификаций в новых медиа приобретает все больший размах. Симуляции и симулякры являются основополагающими понятиями в концепции Жана Бодрийяра³⁶. Развивая эту мысль, Жиль Делёз отмечал, что современный мир является миром симулякров, поскольку мысль сегодня порождается крушением представлений, как и утратой тождества объектов³⁷. В процессе симулятивизации происходит отчуждение знака от референтной основы, в результате чего симулятивизированная коммуникация фактически перестает выполнять свою основную

³³ А. Киклевич, *Сегментация текста...*, с. 317.

³⁴ Б. Мирошников, *Сетевой фактор. Интернет и общество*, Кучково поле, Москва 2015, с. 82.

³⁵ Г. Почепцов, *Фейки соцмедиа: конструирование, трансформация, внедрение в массовое сознание*, «RELGA» 2018, № 17 (350), <http://www.relga.ru/Enviro/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5635&level1=main&level2=articles> (25.06.2019).

³⁶ Ж. Бодрийяр, *Симулякры и симуляция* / J. Baudrillard, *Simulacres et simulation* [ориг. изд. 1981] / пер. О. Печенкина, Тульский полиграфист, Тула 2013.

³⁷ Ж. Делёз, *Логика смысла*, Академия, Москва 1995.

функцию — передачу информации, которая отражала бы реальную действительность³⁸.

В этом ракурсе важно отметить появление в медиапространстве «постправды» ресурсов, созданных исключительно для генерирования фейковых новостей. Примерами таких сайтов являются американские медиапроекты The Onion и Daily Rain, украинские UaReview и Репортажист, российские Fognews, Smixer.Ru, Hobosti.Ru, Fibster.Ru, Netlore.Ru, Lapsha.Ru или польский ASZdziennik.pl. Указанные сервисы не следует путать с ресурсами прямо противоположного назначения, в номинативном комплексе содержащими лексему «фейковый», как, например, «Fake News» на канале «Дождь» с ведущими Ильей Шепелиным и Марией Борзуновой. Данная передача, являющаяся прямым продолжением блога Алексея Ковалева «Лапшеснималочная», призвана демаскировать выдумки и «вбросы» проправительственных федеральных каналов³⁹. Рассматриваемые нами сервисы в некоторой степени пародируют «серьезные» новостные медиа и в формальном плане значительно от них не отличаются.

На развлекательный характер текстов, публикуемых на польском портале, основанном журналистом Рафалом Мадайчаком в 2011 году, указывает его название: ASZdziennik — это сращение польских слов *dziennik* (дневник, ежедневная газета) и форманта *asz*, вызывающего многочисленные ассоциаты: *nasz* (наш), *wasz* (ваш), омофон к усилительной частице *aż* (аж). Портал, охватывающий широкий спектр тем — политика, социальные проблемы, культурная и спортивная жизнь, представляет собой искусную пародию на новостные онлайн-сервисы, не отличимую от них в формальном, языковом и графическом выражении. Практически все материалы ASZdziennika не являются достоверными: издание сочиняет новости в прямом смысле. Однако большинство пародийных новостей сделано настолько качественно, что невнимательный читатель может воспринять их за «чистую монету». Портал является уникальным медийным субъектом, который создает фейковые новости и иллюстрирует саморефлексию медиасреды. В отличие от типичных фейк-ньюс-изданий редакция ASZdziennika не стремится манипулировать общественным мнени-

³⁸ И. Рукавишникова, *Симулятивность культуры постмодерна*, «Magister Dixit» 2011, № 3, с. 63.

³⁹ С. Распопова, «Fake News» анализирует выдумки федеральных каналов, <https://jrnlst.ru/fake-news-rain>, (25.09.2019).

нием в угоду политике, не создает иллюзию «истинности суждения» с претензией на объективность, напротив, охотно признает свое соучастие в медийном спектакле: «*ASZdziennik każdego dnia walczy o najlepsze newsy, które najlepiej opisują nie najlepszą rzeczywistość. Aha, a czasami robimy też żarty*» (*ASZdziennik* ежедневно борется за лучшие новости, которые оптимально описывают не наилучшую действительность. А иногда мы тоже шутим)⁴⁰.

Пропорции правды и фикции меняются в отдельных текстах, причем вымышленная природа сообщений в большинстве случаев раскрывается в аннотации к тексту: *To jest ASZdziennik. Wszystkie wydarzenia i cytaty zostały zmyślane* (Это *ASZdziennik*. Все события и цитаты вымышлены). Если же текст представляет собой изложение реальных фактов, статья сопровождается комментарием: *To jest ASZdziennik, ale nic nie zostało zmyślane* (Это *ASZdziennik*, но ничего не было выдуманно), как в случае текстов: *Znajdź jedną różnicę. Oto co Beata Szydło i Władimir Putin mówią o „spontanicznych” protestach* (Найди одно отличие. Вот что Беата Шидло и Владимир Путин говорят о «стихийных» акциях протеста) или *Dramat Putina. Zarabia mniej niż rusycystka w NBP* (Драма Путина. Он зарабатывает меньше, чем русистка в Национальном банке Польши).

Тексты конструируются в духе постмодернистской журналистики с учетом общего социально-политического контекста, стереотипных фреймов и читательских ожиданий. Так, в основе популярной по количеству кликов статьи *Rosyjski MON: Nasze zachodnie granice powinny mieć kształt twarzy Władimira Putina* (Министерство обороны Российской Федерации: Наши западные границы должны иметь форму лица Владимира Путина)⁴¹ лежит стереотипное представление о экспансивной российской политике и ее военной агрессии. Вербальная часть дополняется соответствующим видеорядом — левым профилем Владимира Путина:

В качестве подарка к 62-летию со дня рождения Владимира Путина министр обороны РФ Сергей Шойгу представил амбициозный план по изменению западных границ России, чтобы отразить очертания президентского профиля, — сообщает агентство Интерфакс. Военные выбрали запад из-за

⁴⁰ https://www.facebook.com/pg/ASZdziennik/about/?ref=page_internal (12.06.2019).

⁴¹ <https://natemat.pl/119553,niespodzianka-armii-na-urodziny-putina-zachodnie-granice-powinny-miec-ksztalt-profilu-naszego-prezydenta> (12.06.2019).

«пластичности пограничных линий в регионе» по сравнению с востоком, где очевидным барьером является Тихий океан. Даже на Западе оформление подарка — отметил министр Шойгу — не обойдется без определенных трудностей. — У нас уже есть согласие Беларуси на то, чтобы положить нос на ее территории, но нам придется приложить усилия по вопросам стран «лба» и «подбородка», — сказал Шойгу, добавив, что Европе в любом случае понадобится «подтяжка лица» (перевод — Ж.С.).

3) ФЕЙК-РЕКЛАМА

Наряду с фейковыми ресурсами, механизмы фейка применяются сегодня в виральной рекламе, замаскированной под другой жанр (новостное сообщение, обращение) и мгновенно расходящейся по сети. Так, в 2018 широкое распространение в виртуальном пространстве получил ролик под заголовком *Help! Help! Polish boy wanted! (Pomogite! Pomogite! Разыскивается польский парень!)*⁴². К интернавтам на английском языке обратилась девушка по имени DeeDee, которая на концерте в Европе встретила парня из Варшавы. Сообщив, что парня звали «Votek» и что на нем были «джинсы, действительно хорошая куртка и белые кроссовки», экзотическая красавица попросила пользователей поделиться этим видео, поскольку «многие влюбленные нашли свою половину через социальные сети». Спустя некоторое время, после вовлечения польской молодежи в поиски Войтека, Агнешка Лабушевска, директор по маркетингу бренда одежды Reserved, пояснила, что это рекламная кампания их фирмы. Маркетинговой целью марки Reserved было привлечение внимания целевой группы — молодых парней. Когда выяснилось, что ролик был фейковым, сеть была возмущена, а маркетологи, признав коммерческий успех кампании, отметили нарушение морально-этических норм ее создателями⁴³.

Использование подобного фейкового посыла в рекламе — далеко не единичный случай. Так, в 2012 году в России был проведен «Фейкстиваль» — международный фестиваль рекламы и дизайна, на который принимались только фейки, т.е. проекты, не оплаченные реальным заказчиком: работы, выполненные для

⁴² <https://youtu.be/HoUXt6pVeQ8> (12.06.2019).

⁴³ *Język epoki postprawdy: fałsz, manipulacja, clickbait; Internauci nabrali się na „Polish boy wanted” i krytykują Reserved*, <https://www.wirtualnemedial.pl/artykul/reserved-polish-boy-wanted-krytyka-wyjasnienie-lpp> (12.06.2019).

реально существующих брендов, но не заказанные ими; работы, не принятые заказчиком; работы, сделанные для придуманных заказчиков⁴⁴. Некоторые из представленных мистификаций отличились креативным характером и оригинальностью, например, работы Марии Епанчинцевой, отсылающие к информационно-просветительскому проекту «Современный русский»⁴⁵. Монохромные рекламные плакаты этого автора представляют собой прецедентные снимки известных деятелей искусства и политики, на которых персонажи лишены доминантных имиджевых черт: Сальвадор Дали — знаменитых усов, а Леонид Брежнев — густых бровей. Иконическая часть сообщения коррелирует с рекламным лозунгом: «Детали формируют облик. Не забывайте о запятых в предложениях». Сложить оба актуализированных фрейма в единый паззл позволяет логотип проекта «Современный русский», размещенный в нижней части плаката (рис. 1–2).

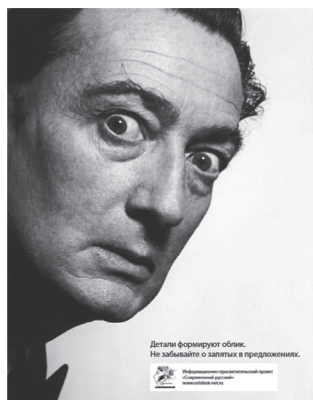

Рис. 1. Детали формируют облик. Сальвадор Дали.
<http://nibler.ru/amazing/13381-feykstival-2012-luchshie-raboty.html>

Рис. 2. Детали формируют облик. Леонид Брежнев.
<http://nibler.ru/amazing/13381-feykstival-2012-luchshie-raboty.html>

⁴⁴ *Фейкстиваль 2012. Лучшие работы*, <http://nibler.ru/amazing/13381-feykstival-2012-luchshie-raboty.html> (20.06.2019).

⁴⁵ Информационно-просветительский проект «Современный русский» работает с 2007 года по инициативе ректора Омского государственного педагогического университета и способствует повышению уровня речевой культуры населения России, а его консультационными услугами пользуются жители 29 стран. Цель проекта — «повышение статуса современного русского языка среди его носителей, развитие интереса к культуре речи среди населения, противодействие губительным для русского языка и культуры в целом тенденциям снижения грамотности» (<http://www.oshibok-net.ru/about>, 20.06.2019).

4) ФЕЙКОВЫЕ ВЕБ-ПРИЛОЖЕНИЯ

Разного рода поддельные приложения и аппликации являются частью мошеннических схем и используются в целях кражи личных данных либо увеличения трафика ресурсов, а также вовлечения интернавтов в компьютерные сети, состоящие из хостов с запущенными ботами (автономным обеспечением, выполняющим запрограммированные задачи). Так, разработчик AdGuard Андрей Мешков отмечает, что из-за плохой модерации Chrome Web Store более 20 миллионов пользователей установили себе фальшивые блокировщики рекламы (Adguard Hardline, Adblock Plus Premium, AdRemover for Google Chrome™, uBlock Plus, Adblock Pro, HD for YouTube™, Webutation), что фактически превратило их в участников ботнета⁴⁶. Единственный способ борьбы с подобными фейками — это бдительность со стороны пользователей и обращение оригинальных производителей к Google с жалобой о неправомерном использовании их товарного знака с целью последующей блокировки фейковых ресурсов.

4) ФЕЙКОВЫЕ АККАУНТЫ И ИДЕНТИЧНОСТИ

Фейковые персональные страницы сегодня не новость, и мы, как правило, не задумываемся над масштабом мистификации такого рода. Статистические данные показывают, что соотношение фейковых и «правдивых» аккаунтов может быть практически одинаковым. Например, согласно официальной статистике ВКонтакте, количество аккаунтов в белорусском Гомеле почти сравнялась с населением областного центра, т. е. своя страничка есть даже у новорожденных⁴⁷. В последние годы фейковые аккаунты становятся также темой судебных разбирательств. Так, в 2015 году состоялся суд над жительницей города Буй Костромской области России, которая создала в социальной сети фальшивую страницу от имени главы города, разместив на ней оскорбительные высказывания и другую дискредитирующую

⁴⁶ Более 20 млн человек используют фальшивые блокировщики рекламы, <https://haker.ru/2018/04/20/fake-adblockers/> (30.06.2019).

⁴⁷ С. Галковский, Фейковые аккаунты становятся неотъемлемой частью виртуального пространства, <https://www.sb.by/articles/boytes-falshivogo-druga-v-seti.html> (30.06.2019).

информацию⁴⁸. В Польше известным примером такой подмены личных данных в Интернете стало дело судьи Конституционного трибунала Эвы Лентовской (Ewy Łętowskiej)⁴⁹.

Помимо экономических причин создания веб-страниц с вымышленными данными (фейковый аккаунт как способ продвижения продукта), мошенничества и политических игр, следует отметить психологические и социальные: безнаказанно «троллить»; слушать музыку или смотреть фильмы, но не получать рекламу на личный сайт; делиться откровениями, в которых стыдно признаться с настоящей страницы и т.п. Магдалена Шпунар пишет о мультипликации идентичности в сети, игре с подменной идентичностей и персональных страничках как инструменте самоподачи в выбранной пользователем ипостаси⁵⁰. Размещаемый в аккаунте контент должен в первую очередь вызывать интерес у других людей и представлять интернавта в соответствии с желаемыми атрибутами. Таким образом, персональные странички в Instagram, Facebook, ВКонтакте превращаются в некий альтернативный фиктивный мир, где у всех идеальная фигура (рис. 3), беззаботная жизнь и тысячи фолловеров-друзей.

Рис. 3. Социальные сети полны обмана
<http://nibler.ru/pics/43580-socialnye-seti-polny-obmana.html>

⁴⁸ С. Галковский, *Фейковые аккаунты...*

⁴⁹ A. Bąk, *Serwisy społecznościowe — efekt Facebooka i nie tylko*, „Media i społeczeństwo” 2016, nr 6, с. 144.

⁵⁰ M. Szpunar, *Internet jako pole poszukiwania i konstruowania własnej tożsamości*, w: E. Hałas, K. Konecki (ред.), *Konstruowanie jaźni i społeczeństwa. Europejskie warianty interakcjonizmu symbolicznego*, Scholar, Warszawa 2005, с. 378–403.

5) ЦИФРОВЫЕ АЛГОРИТМЫ ГЕНЕРИРОВАНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ФЕЙКОВ

В цифровых медиа вербальный, графический и акустический планы выражения органично сосуществуют. Мультимедийная идентичность веб-среды, обновляющаяся в режиме реального времени, объединила разные типы медиа и стерла между ними существенные различия. Суггестивный потенциал аудио-вербально-визуальных комплексов высок, поскольку они наглядны, иллюстративны и убедительны, в связи с чем позволяют человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие, воздействуя на его эмоционально-чувственный базис. Сегодня развитие техники достигло такого уровня, что вполне осуществимо использование алгоритмов, запрограммированных на производство и распространение фальсифицированной информации. Методы конструирования «альтернативной реальности» сегодня вышли на качественно новый уровень: в свободном доступе в интернете можно найти массу примеров, демонстрирующих создание фейковых аудио- и видеозаписей, определить подлинность которых без использования специальных распознающих программ практически невозможно. Ниже несколько примеров⁵¹.

Немецкий «цифровой» художник Марио Клингеманн в феврале 2017 года публикует видеоролик, созданный при помощи алгоритмов GAN (generative adversarial network)⁵². На нем мы видим певицу Франсуазу Арди в 20-летнем возрасте (соответствующем 1964 году), отвечающую голосом советника президента Трампа Келлиэнн Конуэй на вопросы о том, почему пресс-секретарь Трампа Шон Спайсер солгал о количестве людей, присутствовавших на инаугурации президента в январе 2017 года. Ролик является своеобразной пародией Клингеманна на ситуацию, когда Конуэй, пытаясь оправдать ложь пресс-секретаря, назвала приведенные им фальсифицированные данные «альтернативными фактами».

Разработка канадского стартапа <https://lyrebird.ai/> служит для имитирования любого человеческого голоса. Название стартапа на русский переводится как «лирохвост» — птица, примечательная тем, что имеет превосходную способность имити-

⁵¹ См. подробнее: А. Беловодская, *Власть симулякра...*, с. 176–179.

⁵² https://www.youtube.com/watch?v=af_9LXhcebY (20.06.2019).

ровать природные и искусственные звуки окружающей среды. Алгоритм способен создать точную голосовую аудиокопию, передающую любые эмоции говорящего, на основании анализа записи голоса длиной всего в одну минуту.

Генерирование фейкового видеоряда сегодня становится обыденной практикой. В Стэнфордском университете была разработана технология создания видеофейков на основе базы данных фотографий нужного объекта. Для достижения максимальной реалистичности создатели задействовали две нейросети GAN-системы: одна имитирует реальное изображение, пытаясь «обмануть» другую; вторая сопоставляет генерируемый результат с базой фотографий объекта и корректирует процесс. Следующим этапом стала разработка технологии подмены лиц в реальном времени Face2Face. Подобные технологии сегодня получили название «deepfakes».

Приведенные примеры наглядно демонстрируют способность новых технологий создавать динамичные аудиовизуальные материалы, генерируемые с прагматическим намерением введения в заблуждение. Все, что нужно алгоритму для синтеза не имеющего отношения к реальности видео или аудио, — это база данных с образцами голоса и видеозаписями целевого объекта.

ВЫВОДЫ

В эпоху, когда массмедиа «становятся фактором, определяющим существенные моменты жизни общества и современной личности»⁵³, исследователи отмечают появление человека нового типа — *homo mediatius* (человека медийного)⁵⁴, существование которого непосредственно детерминировано процессом потребления медиатизированной информации. Последняя, стремительно распространяясь в цифровой среде в виде непроверенных репостов и реинтерпретаций, не только является

⁵³ Т. Шмелева, *Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования*, «Вестник Новгородского государственного университета» 2015, № 90, с. 145–148, <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-kak-fenomen-sovremennoy-kultury-i-obekt-issledovaniya> (03.06.2018).

⁵⁴ Е. Вартанова, *СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества*, «Медиаскоп» 2009, № 2, <http://www.mediascope.ru/сми-и-журналистика-в-пространстве-постиндустриального-общества> (30.06.2019).

основой мировосприятия современного медиапользователя, но и обладает значительным манипулятивным потенциалом. Расширяются формы мистифицирующих практик — от коммуникативной игры с собеседником, примитивной дезинформации и обмана до масштабных «информационных аномалий» (*Information Disorder*), утонченных форм «фейков» — манипуляции (*Misinformation*, информации, призванной направить по ложному следу) и персонифицированной дискредитации в глобальном пространстве (*Malinformation*, информации, наносящей вред репутации).

В условиях современной интернет-коммуникации грань между вымышленными и реальными событиями является зыбкой, поскольку фейковые, но «красиво упакованные» события могут выглядеть более убедительными. Потребитель новостного контента не только не способен верифицировать получаемый контент, но и постигать связи между событиями ввиду фрагментаризации их подачи. Медиапользователь постепенно привыкает к симулякрам и утвердившейся атмосфере «пост-правды»: «Всем диктаторам прошлого нужно было много потрудиться, чтобы подавить истину. С нами можно по-иному, мы приобрели иммунитет, который может отрицать любую истину. Кардинальным образом мы, как свободные люди, свободно решили, что хотим жить в каком-то мире пост-правды»⁵⁵.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (проект № 18-18-00442, *Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках*) в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград).

BIBLIOGRAFIA

“Andrzej Duda zmarł dziś”. *Ekspert: To nie pierwszy raz, kiedy rosyjscy hakerzy zaatakowali w polskiej sieci*. <<https://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/522102,andrzej-duda-zmarl-dzis-ekspert-to-nie-pierwszy-raz-kiedy-rosyjscy-hakerzy-zaatakowali-w-polskiej-sieci.html>>.

“Kazhdoye moye slovo budet ispol'zovano protiv menya”: lechashchii vrach Alibasova iz Sklifa boit-sya rasskazyvat' o yego sostoyanii <<https://www.kp.ru/daily/26995/4056594/>> [“Каждое мое слово будет использовано против меня”: лечащий врач Алибасова из Склифа боится рассказывать о его состоянии <<https://www.kp.ru/daily/26995/4056594/>>].

⁵⁵ Ю. Лучинский, «Правительство лжи»..., с. 323.

- “*Nam za eto absolutno ne stydno*”: Syn Alibasova zarabotal na otravlenii ot-tsa 26 millionov <https://www.kp.ru/daily/26996.7/4056910/?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com> [“*Нам за это абсолютно не стыдно*”: сын Алибасова заработал на отравлении отца 26 миллионов <https://www.kp.ru/daily/26996.7/4056910/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com>].
- 5 *Things you Need to Know About Clickbait*. <<https://www.commonplaces.com/blog/5-things-you-need-to-know-about-clickbait/>>.
- Alternative Face v1.1*. https://www.youtube.com/watch?v=af_9LXhcebY.
- Aszdzienik. Informacje*. <https://www.facebook.com/pg/ASZdzienik/about/?ref=page_internal>.
- Bartysh, Radislav. “Klikbeyt v SMI ina Youtube: kak privlech’ auditoriyu, razzhigaya lyubopytstvo?” *Burzhuasiasia* 2017, no. 13. <<http://burguasia.com/chto-takoe-klikbejt-primery-i-opisaniya/>> [Бартыш, Радислав. “Кликбейт в СМИ и на YouTube: как привлечь аудиторию, разжигая любопытство?”. *Burzhuasiasia* 2017, no. 13. <<http://burguasia.com/chto-takoe-klikbejt-primery-i-opisaniya/>>].
- Bąk, Aneta. “Serwisy społecznościowe — efekt Facebooka i nie tylko.” 134–146. *Media i społeczeństwo*, 2016, no. 3.
- Belovodskaya, Anastasiya. “Vlast’ simulyakra v epokhu novykh media: k voprosu ob izuchenii informatsionnykh anomalii v tsifrovom mediaprostranstve.” 168–172. Śladkiewicz, Żanna. Klimkiewicz, Aleksandra. Noińska, Marta. (Eds.). *Perswazja językowa w różnych dyskursach*, T. 3. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2019 [Беловодская, Анастасия. “Власть симулякра в эпоху новых медиа: к вопросу об изучении информационных аномалий в цифровом медиaprостранстве.” 168–172 Śladkiewicz, Żanna. Klimkiewicz, Aleksandra. Noińska, Marta. (Eds.). *Perswazja językowa w różnych dyskursach*. T. 3. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2019].
- Bodriyyar, Zhan. *Simulyakry i simulyatsiya/J. Baudrillard, Simulacres et simulation* [orig. izd. 1981]. Per. O. Pechenkina. Tula: Tul’skiy poligrafist, 2013 [Бодрийяр, Жан. *Симулякры и симуляция/J. Baudrillard, Simulacres et simulation* [ориг. изд. 1981]. Пер. О. Печенкина. Тула: Тульский полиграфист, 2013].
- Boleye 20 mln chelovek ispol’zuyut fal’shivyye blokiruvshchiki reklamy*. <<https://xaker.ru/2018/04/20/fake-adblockers/>> [Более 20 млн человек используют фальшивые блокировщики рекламы. <<https://xaker.ru/2018/04/20/fake-adblockers/>>].
- Chanysheva, Zul’fira. “Informatsionnyye tekhnologiismyslovykh iskazheniy v klikbeyt-zagolovkakh.” 54–62. *Vestnik PNIPU* 2016, no. 4 [Чанышева, Зульфира. “Информационные технологии смысловых искажений в кликбейт-заголовках.” 54–62. *Вестник ПНИПУ* 2016, no. 4].
- Deleuz, Giles. *Logika smysla*. Moskva: Akademiya, 1995 [Делёз, Жиль. *Логика смысла*. Москва: Академия, 1995].
- Feykstival’ 2012. Luchshiyе raboty* <<http://nibler.ru/amazing/13381-feykstival-2012-luchshie-raboty.html>> [Фейкстиваль 2012. Лучшие работы <<http://nibler.ru/amazing/13381-feykstival-2012-luchshie-raboty.html>>].
- Galkovskiy, Stanislav. *Feykovyye akkaunty stanovyat-sya neot’yemloy chast’yu virtual’nogo prostranstva*. <<https://www.sb.by/articles/boytes-falshivogo-druga-v-seti.html>> [Галковский, Станислав. *Фейковые аккаунты становятся неотъемлемой частью виртуального пространства*. <<https://www.sb.by/articles/boytes-falshivogo-druga-v-seti.html>>].

- Grupa naTemat kończy 5 lat i... znowu bije rekordy. I te male, i te duze. 10,5 mln unikalnych uzytkownikow. <<https://nietylko.natemat.pl/200473,grupa-natemat-konczy-5-lat-i-znowu-bije-rekordy-i-te-male-i-te-duze-105-mln-unikalnych-uzytkownikow>>.
- <https://youtu.be/HoUXt6pVeQ8> (12.06.2019).
- Issers, Oksana. "Mediafeyki: mezhdu pravdoy imistifikatsiyey." 113–115. *Komunikativnyye issledovaniya* 2014, no. 2 [Иссерс, Оксана. "Медиафейки: между правдой и мистификацией." 113–115. *Коммуникативные исследования* 2014, no. 2].
- Język epoki postprawdy: falsz, manipulacja, clickbait; Internauci nabrali się na "Polish boy wanted" i krytykują Reserved.* <<https://www.wirtualnemedi.pl/artykul/reserved-polish-boy-wanted-krytyka-wyjasnienie-lpp>>.
- Kalmykov, Aleksandr. *Interaktivnaya gipertekstovaya zhurnalistika v sisteme otechestvennykh SMI.* Moskva: Izdatel'stvo IPK rabotnikov TV i RV, 2009 [Калмыков, Александр. *Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ.* Москва: Издательство ИПК работников ТВ и РВ, 2009].
- Kang, Min Jeong et al. "The Wick in the Candle of Learning. Epistemic Curiosity Activates Reward Circuitry and Enhances Memory." 963–973. *Psychological Science* 2009, no. 20(8).
- Kazimyanets, Yelena. "Etot "bezumnyy, bezumnyy, bezumnyy mir" v "strannykh" zagolovkakh elektronnykh SMI." 269–281. *Slavistica Vilnensis* 2018, no. 63 [Казимянец, Елена. "Этот "безумный, безумный, безумный мир" в "странных" заголовках электронных СМИ." 269–281. *Slavistica Vilnensis* 2018, T. 63].
- Kiklevich, Aleksandr. "Segmentatsiya teksta kaksredstvo persuzivnosti v informatsionnykh servisakh interneta." 305–334. Aleksandr Kiklevich. *Prityazheniye yazyka 4: Yazykovaya deyatelnost': semanticheskiye i pragmaticheskiye aspekt.* Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2016 [Киклевич, Александр. "Сегментация текста как средство персуазивности в информационных сервисах интернета". 305–334. Александр Киклевич. *Притяжение языка 4: Языковая деятельность: семантические и прагматические аспекты.* Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2016].
- Kolesnikova, Mariya. "Spetsificheskiye priznaki internet-kommunikatsiy — interaktivnost', gipertekst, mul'timedia." 79–96. Akopov, Aleksandr (Ed.). *Zhurnalistika elektronnykh setey.* Voronezh: Voronezhskiy gos. un-t, 2007 [Колесникова, Мария. "Специфические признаки интернет-коммуникаций — интерактивность, гипертекст, мультимедиа". 79–96. Акопов, Александр. *Журналистика электронных сетей.* Воронежский гос. ун-т, 2007].
- Loewenstein, George. "The Psychology of Curiosity: A review and reinterpretation." 75–98. *Psychological Bulletin* 1994, no. 116(1).
- Luchinskiy, Yuriy. "'Pravitel'stvo lzhi': fenomen "postpravdy" Stiva Tesicha". 322–323. *Vek informatsii* 2018, no. 2(1) [Лучинский, Юрий. "'Правительство лжи': феномен 'постправды' Стива Тесича". 322–323. *Век информации* 2018, no. 2(1)].
- Lyutsinskiy, Kazimezh. "O slove feyk i o tom, chto za nim stoit." 89–99. *Respetus Philologicus* 2015, no. 28(33) [Люцинский, Казимеж. "О слове фейк и о том, что за ним стоит". 89–99. *Respetus Philologicus* 2015, no. 28(33)].
- Mal'kevich, Aleksandr. *Skandal s instsenirovkooy-ubiystva zhurnalista Arkadiya Babchenko* <<http://www.prisp.ru/analitics/672-malkevich-babchenko-0406>>

- [Малькевич, Александр. *Скандал с инсценировкой убийства журналиста Аркадия Бабченко* <<http://www.prisp.ru/analytics/672-malkevich-babchenko-0406>>].
- Manuyarova, Tat'yana. "Sistemoobrazuyushchiye osnovaniya intertekstual'nosti." 78–84. *Vestnik PGU* 2010, no. 2 [Маняпова, Татьяна. "Системообразующие основания интертекстуальности." 78–84. *Вестник ПГУ* 2010, no. 2].
- Miroshnikov, Boris. *Setevoy faktor. Internet i obshchestvo*. Moskva: Kuchkovo pole, 2015 [Мирошников, Борис. *Сетевой фактор. Интернет и общество*. Москва: Кучково поле, 2015].
- Nabiyeva, Yelena. "Chteniyе v epokhu informatsionnykh tekhnologiy." 38–41. *Chelovek v mire kul'tury* 2014, no. 1 [Набиева, Елена. "Чтение в эпоху информационных технологий". 38–41. *Человек в мире культуры* 2014, no. 1].
- Nikolayeva, Anastasiya. "Klikbeyt: k opredeleniyu ponyatiya." 146–151. *Aktual'nyye problemy stilistiki* 2017, no. 3 [Николаева, Анастасия. "Кликбейт: к определению понятия." 146–151. *Актуальные проблемы стилистики* 2017, no. 3].
- Ot-stavka Lukashenko: Putin prinyal zhestkoye resheniye o sud'be Vat'ki*. <<https://dni.ru/polit/2019/6/25/426489.html>> [Отставка Лукашенко: Путин принял жесткое решение о судьбе Батьки. <<https://dni.ru/polit/2019/6/25/426489.html>>].
- Pariser, Eli. *The Filter Bubble: What The Internet Is Hiding From You*. New York: Penguin Press, 2011.
- Pisarek, Walery. "Język w mediach, media w języku." 9–18. Bralczyk, Jerzy. Mosiołek-Kłosińska, Katarzyna (Eds.). *Język w mediach masowych*. Warszawa: Upowszechnianie Nauki — Oświata "UN-O", 2000.
- Pisarek, Walery. *Nowa retoryka dziennikarska*. Kraków: Universitas, 2002.
- Pocheptsov, Georgiy. "Feyki sotsmedia:konstruirovaniye, transformatsiya, vnedreniye v massovoye soznaniye." *RELGA* 2018, no. 17(350) <<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5635&level1=main&level2=articles>> [Почепцов, Георгий. "Фейки соцмедиа: конструирование, трансформация, внедрение в массовое сознание." *RELGA* 2018, no. 17(350). <<http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=5635&level1=main&level2=articles>>].
- Postpravda poyavilas' tysyacheletiya nazad* <<https://journalonline.msu.ru/articles/note/postpravda-poyavilas-tysyacheletiya-nazad/>> [Постправда появилась тысячелетия назад <<https://journalonline.msu.ru/articles/note/postpravda-poyavilas-tysyacheletiya-nazad/>>].
- Povoraznyuk, Svetlana. *Khleba i feykov. Samyye gromkiye zhurnalistskiye obmany* <<https://lenta.ru/articles/2015/04/24/pravdy.net/>> [Поворазнюк, Светлана. *Хлеба и фейков. Самые громкие журналистские обманы* <<https://lenta.ru/articles/2015/04/24/pravdy.net/>>].
- Puzynina, Jadwiga. "Jak pracować nad językiem wartości." 129–137. Puzynina, Jadwiga. Bartmiński, Jerzy (Eds.). *Język a kultura*. T. 2. *Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne*. Wrocław: Wydawnictwo Wiedza o Kulturze, 1991.
- Raspopova, Svetlana. Bogdan, Yelena. *Feykovyye novosti: Informatsionnaya mistifikatsiya*. Moskva: AspektPress, 2018 [Распопова, Светлана. Богдан, Елена. *Фейковые новости: Информационная мистификация*. Москва: АспектПресс, 2018].
- Rosyjski MON: Nasze zachodnie granice powinny mieć kształt twarzy Władimira Putina*. <<https://natemat.pl/119553,niespodzianka-armii-na-urodziny-putina-zachodnie-granice-powinny-miec-ksztalt-profilu-naszego-prezydenta>>].

- Rukavishnikova, Irina. "Simulyativnost' kul'tury postmoderna." 61–66. *Magister Dixit* 2011, no. 3 [Рукавишникова, Ирина. "Симулятивность культуры пост-модерна". 61–66. *Magister Dixit* 2011, no. 3].
- Shmeleva, Tat'yana. "Mediatizatsiya kak fenomen sovremennoy kul'tury i ob'-yekt issledovaniya." 145–148. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* 2015, no. 90. <<https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-kak-fenomen-sovremennoy-kul'tury-i-obekt-issledovaniya>> [Шмелева, Татьяна. "Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования". 145–148. *Вестник Новгородского государственного университета* 2015, no. 90. <<https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-kak-fenomen-sovremennoy-kul'tury-i-obekt-issledovaniya>>].
- Sladkevich, Zhanna. "Deformatsiya faktual'noy informatsii v novostnykh veb-resursakh s klikbeyt-zagolovkami." 127–148. *Publichnaya politika* 2019, no. 3(1) [Сладкевич, Жанна. "Деформация фактуальной информации в новостных веб-ресурсах с кликбейт-заголовками." 127–148. *Публичная политика* 2019, no. 3(1)].
- Sladkevich, Zhanna. "Zagolovki-anonsy v setevykh mediaservisakh: mezhdu informirovaniyem i klikbeytingom." *Medialingvistika* 2019, no. 3. 353–368. *Medialingvistika*. Том 6. no. 3/2019 [Сладкевич, Жанна. "Заголовки-анонсы в сетевых медиасервисах: между информированием и кликбейтингом". 353–368. *Медиалингвистика*. Том 6. no. 3/2019]. [Сладкевич, Жанна. "Заголовки-анонсы в сетевых медиасервисах: между информированием и кликбейтингом." *Медиалингвистика* 2019, no. 3. . 353–368.].
- Sovremennyy russkiy <<http://www.oshibok-net.ru/about>> [*Современный русский*. <<http://www.oshibok-net.ru/about>>].
- Sukhodolov, Aleksandr. "Fenomen 'feykovykh novostey' v sovremennoy mediaprostranstve." 89–94. Sukhodolov, Aleksandr (Ed.). *Yevroaziat-skoye sotrudnichestvo: gumanitarnyye aspekty*. Irkut-sk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet, 2017 [Суходолов, Александр. "Феномен 'фейковых новостей' в современном медиaprостранстве." 89–94. *Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты*. Суходолов, Александр (Ред.). Иркутск: Байкальский государственный университет, 2017].
- Szpunar, Magdalena. "Internet jako pole poszukiwania i konstruowania własnej tożsamości." 378–403. Hałas, Elżbieta. Konecki, Krzysztof (Eds.). *Konstruowanie jaźni i społeczeństwa. Europejskie warianty interakcjonizmu symbolicznego*. Warszawa: Scholar, 2005.
- Trump, Donald. *Fake News – A Total Political Witch Hunt!* <<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/818990655418617856>>.
- Vartanova, Yelena. "SMI i zhurnalistika v prostranstve postindustrial'nogo obshchestva." *Mediascope*. 2009, no. 2 <<http://www.mediascope.ru/сми-и-журналистика-в-пространстве-постиндустриального-общества>> [Варганова, Елена. "СМИ и журналистика в пространстве постиндустриального общества." *Медиаскоп*. 2009, no. 2 <<http://www.mediascope.ru/сми-и-журналистика-в-пространстве-постиндустриального-общества>>].
- Vol'skaya, Nadezhda. "Klikbeyt kak sredstvosozdaniya lozhnoy informatsii v internet-kommunikatsii." *Mediascope* 2018, no. 2 <<http://www.mediascope.ru/2450>> [Вольская, Надежда. "Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации." *Медиаскоп* 2018, no. 2. <<http://www.mediascope.ru/2450>>].

ПРАВДА И ФЕЙК...

Vrublevskiy, Stanislav. *Ispol'zovaniye klikbeytinga v SEO*. <<http://great-world.ru/ispolzovanie-klikbeytinga-v-seo/>> [Врублевский, Станислав. *Использование кликбейтинга в SEO*. <<http://great-world.ru/ispolzovanie-klikbeytinga-v-seo/>>].

Zhurnalist Der Spiegel i laureat mnogikh premiygodami vydumyval materialy. Yego poymali na feykakh i uvolili <<https://tjournal.ru/news/82594-zhurnalist-der-spiegel-i-laureat-mnogih-premiy-godami-vydumyval-materialy-ego-poymali-na-feykah-i-uvolili>> [Журналист *Der Spiegel* и лауреат многих премий годами выдумывал материалы. Его поймали на фейках и уволили <<https://tjournal.ru/news/82594-zhurnalist-der-spiegel-i-laureat-mnogih-premiy-godami-vydumyval-materialy-ego-poymali-na-feykah-i-uvolili>>].

Zobova, Alena. "Provokativnost' mediaprostranstva: aksiologicheskiy aspekt." 434–438. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* 2014, no. 1–2 [Зобова, Алена. "Провокативность медиапространства: аксиологический аспект." 434–438. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 2014, no. 1–2].

Żanna Śładkiewicz

PRAWDA I FAŁSZ W PERSPEKTYWIE AKSJOLOGICZNEJ (NA PRZYKŁADZIE CYFROWYCH ZASOBÓW MEDIALNYCH)

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest analizie stosunku aksjologicznych kategorii prawdy i fałszu (fake, mistyfikacji) w cyfrowej przestrzeni informacyjnej. Ewolucja mediów internetowych zakwestionowała podstawowe zasady dziennikarstwa, przede wszystkim jego orientację na obiektywność i wiarygodność w przekazywaniu treści. Prowokacyjność i symulacyjność nie tylko zyskały status ekspresji epoki postmodernizmu, ale stały się również uniwersalnym algorytmem zachowań społecznych. Artykuł dotyczy takich wektorów funkcjonowania fałszywych informacji, jak clickbait, wiralna reklama, fejkowe aplikacje i programy, witryny do generowania fałszywych informacji, cyfrowe algorytmy służące do audiowizualnego fałszowania treści. Badanie wykazało, że intersemiotyczna architektura przestrzeni cyfrowej umożliwia aktualizację nieprawdziwych toposów wydarzeń i kreowanie sfalszowanych informacji, przekształcając Internet w narzędzie programowania ideologicznego.

Zhanna Sladkevich

TRUE AND FAKE IN AXIOLOGICAL PERSPECTIVE
(ON THE EXAMPLE OF DIGITAL MEDIA RESOURCES)

Summary

The paper is devoted to the analysis of the relations of axiological categories of truth and falsity (fake, mystification) in the digital information space. The evolution of online media has challenged the basic principles of journalism, above all its focus on objectivity and reliability in the transmission of content. Provocativeness and simulativity not only obtained the status of expression in the postmodern era, but they also became a universal algorithm of social behavior. The paper deals with such vectors of fake information functioning as clickbaiting, viral advertising, fake applications and programs, sites for generating fake information and digital algorithms for audio-visual falsification of content. The study showed that the intersemiotic architecture of the digital space allows one to update false events and design falsified information, turning the Internet into a tool of ideological programming.

OLGA I. WALENTINOWA

Rosyjski Uniwersytet Przyjaźni Narodów, Moskwa

ORCID <http://orcid.org/0000-0002-8510-8701>

MICHAŁ A. RYBAKOW

Rosyjski Uniwersytet Przyjaźni Narodów, Moskwa

ORCID <http://orcid.org/0000-0001-9444-3889>

ALICJA PSTYGA

Uniwersytet Gdański, Gdańsk

ORCID <http://orcid.org/0000-0001-6933-2132>

NARUSZENIE FLEKSYJNOŚCI WE WSPÓŁCZESNYM JĘZYKU ROSYJSKIM Z PERSPEKTYWY TYPOLOGII SYSTEMOWEJ JĘZYKÓW GIENNADIJA P. MIELNIKOWA

Powszechność występowania innowacji językowych w językach naturalnych uzasadnia odniesienie tej klasy zjawisk do kategorii uniwersaliów językowych oraz uznanie ich za cechę typologiczną języków współczesnych. Dynamika rozwoju języków współczesnych, systematyczna rejestracja i opis zmian oraz — w konsekwencji — ich uwzględnienie w kolejnych wydaniach słowników normatywnych wykazuje także dynamikę w zakresie normy i kodyfikacji.

Procesy innowacyjne we współczesnym języku rosyjskim nasiliły się w latach 90. XX wieku, prowadząc do modyfikacji w obrębie całego systemu językowego. Zmiany zachodzące we współczesnym języku rosyjskim są przedmiotem zainteresowania wielu językoznawców, głównie w ujęciu normatywnym i dydaktycznym, dla których podstawowym problemem są rozbieżności między normą a uzusem oraz szeroko rozumiane zagadnienia kodyfikacji¹. Jednakże interpretacja no-

¹ Por. m.in. *Культура русской речи*, Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова, вып. 13, А.Д. Шмелев (ред. выпуска), Москва 2017; Л.В. Рацибурская (ред.), *Новые тенденции в русском языке начала века*, Издательство „Флинта–Наука”, Москва 2014.

wych zjawisk w języku rosyjskim początku XXI wieku, w tym błędów stylistycznych i gramatycznych wyjątkowo częstych i równie często pojawiających się w licznych wypowiedziach w różnych odmianach i stylach funkcjonalnych współczesnego języka rosyjskiego, nie może sprowadzać się wyłącznie do skonstatowania obniżenia się poziomu kultury języka Rosjan. Wyjaśnienie przyczyn zachodzących zjawisk oraz prognozowanie dalszych zmian i ich konsekwencji w przypadku ustabilizowania się tej sytuacji można rozpatrywać w ramach typologii systemowej języków.

Typologia systemowa języków jako odrębny dział lingwistyki systemowej, którego zadaniem jest poszukiwanie determinantów i ustalenie stosunków determinacji, eksponuje i wyjaśnia systemowe uwarunkowania oraz wzajemne powiązania wszystkich poziomów systemu językowego — zgodnie z podziałem Wilhelma von Humboldta oraz późniejszymi modyfikacjami — w czterech podstawowych typach języków (izolującym, aglutynacyjnym, fleksyjnym i alternacyjnym). Kontynuatorem idei von Humboldta w drugiej połowie XX wieku i jednym z twórców współczesnej lingwistyki systemowej jest rosyjski lingwista Giennadij P. Mielnikow. Opracowana przez Mielnikowa² systemowa typologia języków jest nauką o systemie — dyscypliną, która umożliwia integrację metodologii dowolnej dziedziny nauki i filozofii. W tym ujęciu typologia systemowa proponuje nie tylko klasyfikację typów języków ze względu na wybrane cechy, lecz także szczególne podejście do systemowości, ponieważ zgodnie z teorią Mielnikowa wszystkie znane klasyfikacje i typologie stanowią element jednej bardziej złożonej typologii systemowej (będącej — jak ją nazywa — typologią typologii). W ten sposób w ramach typologii systemowej dokonuje się synteza klasyfikacji morfologicznej i teorii stadialnej, dla których punktem wyjścia jest założenie wzajemnego ich dopełniania, nie zaś wykluczenia. Nie jest to więc propozycja nowa, ale przynosi ona inne rozumienie systemowości i spojrzenie na typologię, w których — koncentrując się na formach sensu i kulturowych wzorcach użycia języka — istotny jest człowiek i jego pozycja w społeczności etnicznej (ważne jest tu przyjęte przez Mielnikowa rozgraniczenie na mikro-, makro- lub mega-

² Zob. Г. П. Мельников, *Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадальной*, Издательство РУДН, Москва 2000; Г. П. Мельников, *Системная типология языков: Принципы, методы, модели*, Наука, Москва 2003.

kolektyw³), ale też w świecie, o którym mówi i który jest jego przestrzenią komunikowania w określonym przedziale czasowym. Sam autor sformułował istotę swego podejścia w następujący sposób:

исходным положением для системной лингвистики является не просто признание системности языка как социального явления, а утверждение, что язык входит в класс адаптивных (самонастраивающихся) и, следовательно, динамических систем⁴.

Zróznicowanie typologiczne języków Mielnikow traktuje jako wynik procesów adaptacyjnych i dostosowania się systemów językowych do warunków komunikacji właściwych poszczególnym społecznościom językowym, zależnych od przyjętego stylu życia i preferowanych przez nie rodzajów działalności. Te uwarunkowania, zewnętrzne względem języka, traktowane są jako zewnętrzne determinanty budowy języka, które warunkują ustalone przez Mielnikowa determinanty wewnętrzne (z punktu widzenia komunikacji) czterech podstawowych typów morfologicznych:

Различия же между конкретными языковыми системами возникают в связи с тем, что каждая может иметь специфический способ функционирования, который и является ведущей грамматической тенденцией языка, его детерминантой⁵.

Języki słowiańskie⁶, zwłaszcza wschodniosłowiańskie, z silnie zaznaczoną rolą fleksji, przez cały czas swego funkcjonowania wyróżnia-

³ Według Mielnikowa „[...] превращение макроколлектива в мегаколлектив, расширение границ территории, занимаемой носителями данного языка, ведет к росту значимости таких свойств языковой системы, которые делают ее наиболее совершенной прежде всего для общения между лично незнакомыми людьми, иначе любая социально общезначимая новость не сможет успешно распространиться по всей обширной территории расселения оседлого мегаколлектива” (Г. П. Мельников, *Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадийной*, Издательство РУДН, Москва 2000, s. 40).

⁴ Г. П. Мельников, *Детерминанта — ведущая грамматическая тенденция языка*, w: *Фонетика, фонология, грамматика (в честь 70-летия А.А. Реформатского)*, Москва 1971, s. 359.

⁵ Г. П. Мельников, *Конспект лекций по курсу „Введение в языкознание”*. 1979-1980; cyt. za: М.А. Рыбаков *Развитие представлений о типологическом сходстве языков: от многомерной классификации Э. Сепира до системной типологии Г.П. Мельникова*, w: О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков, *Системный взгляд как основа филологической мысли, Языки славянской культуры*, Москва 2016, s. 94.

⁶ Proces ten występuje również w innych językach słowiańskich. W odniesieniu do większości języków słowiańskich mówi się o wyjątkowej stabilności systemów

ły się najwyższym stopniem stabilności typologicznej⁷. Skomplikowana syntetyczna morfologia słowiańska, dopuszczająca (jako sposób rozróżniania form gramatycznych) alternacje fonetyczne morfemów rdzennych i afiksalnych⁸, kształtowała się w jednorodnych społecznościach (kolektywach) prowadzących osiadły tryb życia, a jej celem było zapewnienie możliwości komunikacji w warunkach, gdy niemożliwy był przekaz interpersonalny bądź interakcje między jednym nadawcą a masowym odbiorcą z powodu poważnego zniekształcenia informacji⁹.

Ocena konsekwencji zachodzących zmian wymaga zatem uwzględnienia nie tylko czynników zewnętrznych, wpływających na kształtowanie się gramatycznej budowy fleksyjnej (np. liczebność społeczności językowej, stopień jej zróżnicowania społecznego, styl życia, warunki komunikacji), lecz także specyficznej struktury wewnętrznej języków fleksyjnych, która konkretyzuje się w określonych uwarun-

fleksyjnych, wskazując na kontynuację procesów wcześniejszych, ograniczanie wariantywności form podporządkowane prawu ekonomii językowej (por. zawartość poszczególnych tomów z serii „Najnowsze Dzieje Języków Słowiańskich”. Niektórzy badacze dowodzą jednak, że można mówić o znaczących ograniczeniach słowiańskiej fleksyjności (zob. m.in. H. Mieczkowska, *Formy zaniku fleksyjności w deklinacji słowackiej w konfrontacji z polszczyzną*, w: Z. Rudnik-Karwatowa (red.), *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*, Prace Slawistyczne 114, SOW, Warszawa, 2003, s. 127–138; М. Я. Гловинская, *Изменения в морфологии и синтаксисе*, w: Е. Ширяев (red.), *Русский язык*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 1997, s. 203–232.

⁷ Por. m.in. О. И. Валентинова, М. А. Рыбаков, *Типологическая динамика языка как результат изменения ментальности его носителей*, w: М. В. Пименова (red.), *Язык и ментальность в диахронии: Материалы Всероссийского научного семинара*, Издательство Владимирского государственного университета, Владимир, 2017, s. 58–70; seria „Najnowsze Dzieje Języków Słowiańskich” oraz będąca syntezą konfrontacji systemów języków słowiańskich „Komparacja Współczesnych Języków Słowiańskich” pod redakcją Stanisława Gajdy.

⁸ W. Humboldt, *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, Druckerei der Königlich Akademie der Wissenschaften, Berlin 1836.

⁹ Na ten problem zwracają uwagę Mielnikow oraz Danilenko: Г. П. Мельников, *Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадийной*, Издательство РУДН, Москва 2000; Г. П. Мельников, *Системная типология языков: Принципы, методы, модели*, Наука, Москва 2003; G. P. Melnikov, *Systemology and linguistic aspects of cybernetics*, OPA, Amsterdam 1988; A. Danylenko, *The correlation of linguistic patterning and societal structures in systemic typology*, „Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis”, t. 135 (2018), s. 81–96.

kowaniach komunikacyjnych i wynika ze specyfiki przedstawienia zdarzenia w wypowiedziach formułowanych w języku określonego typu.

Obecnie w wypowiedziach należących do różnych odmian i stylów funkcjonalnych języka rosyjskiego, przede wszystkim w publicznym dyskursie medialnym, można zaobserwować zmiany w zakresie fleksyjności, co przejawia się w zaburzeniu zgodności przypadków we frazach nominalnych, w użyciu konstrukcji z kilkoma członami w dopełniaczu, których semantyka jest niejasna, w pojawieniu się liczby mnogiej rzeczowników abstrakcyjnych, w braku rozróżnienia kategorii strony czasownika, w braku korelacji między subjektem imiesłowu przysłówkowego a subjektem orzeczenia, w masowym użyciu przydawek połączonych związkiem zgody (kongruentnych). Zmiany te zachodzą przede wszystkim w uzusie, jednak ich powszechny charakter, o czym świadczy pojawianie się określonych form fleksyjnych (jak w przykładach wskazanych poniżej) również w przygotowanych wypowiedziach oficjalnych, skłania do refleksji nad tym zjawiskiem nie tylko w kontekście obowiązującej normy językowej. Analiza zgromadzonego przez autorów artykułu materiału językowego i spojrzenie na wskazane zjawisko z perspektywy cech typologicznych współczesnego języka rosyjskiego (podkreślmy — typu fleksyjnego) wprawdzie nie może przynieść pełnego obrazu zmian w zakresie fleksji rosyjskiej¹⁰, ale, jak sądzimy, pozwala na ich ocenę z perspektywy systemu i typologii systemowej zgodnie z ujęciem Mielnikowa.

Przyjrzymy się zatem poszczególnym przypadkom, potwierdzającym problem zmian w zakresie fleksyjności języka rosyjskiego:

1. Powszechne naruszenie zasady kongruencji — zgodności w zakresie przypadku członów grupy imiennej, którego konsekwencją jest osłabienie funkcji przypadku — burzy wypracowaną przez język fleksyjny technikę prognozowania, pomagającą słuchaczowi (odbiorcy) na podstawie usłyszanej informacji choćby w nieznacznym stopniu domyślić się, jakie formy gramatyczne będą stosowane w dalszej części wypowiedzenia. W konsekwencji nie są wykorzystywane wypracowa-

¹⁰ O zmianach w zakresie fleksji współczesnego języka rosyjskiego w kontekście statusu rosyjskich elit kulturalnych i intelektualnych oraz wpływu społeczeństwa na kształtowanie normy zob. np. artykuł О.И. Валентинова, М.А. Рыбаков, А. Пстыга, *Типологическая сохраненность русского языка как необходимое условие культурной и интеллектуальной самоидентификации российского общества*, „Вопросы теории и практики журналистики” („Theoretical and Practical Issues of Journalism”, t. 7, nr 3, 2018, s. 418–428.

ne sposoby wyrażania określonej treści w relacjonowaniu zdarzenia, będące następstwem rozwoju techniki przewidywania w przekazie informacji w językach fleksyjnych. Sytuację tę ilustrują sformułowania zaczerpnięte z ministerialnych rozporządzeń i ulotek informacyjnych w sferze oświaty, kultury i ochrony zdrowia: *Об изменении в составе¹¹ рабочих инвентаризационных комиссиях* (w tytule rozporządzenia); *несколько интереснейших памятников в стиле конструктивизм; организовать контроль за посещаемостью сотрудников занятий*.

Jeśli odzwierciedlenie rozwijającego się zdarzenia zapewnia formalnie jednoznaczna opozycja znaków stymulujących to zdarzenie (forma czasownika), sprawcę tego zdarzenia (rzeczownik w mianowniku), uczestnika zdarzenia doświadczającego na sobie skutki tego zdarzenia (rzeczownik w bierniku), innych uczestników zdarzenia (rzeczowniki w przypadkach zależnych) itd., a przypadek (jako kategoria i określony paradygmat) jest najprostszym skondensowanym zdaniem i w istocie umożliwia zagęszczenie semantyki pierwotnego tekstu, pozostając przy tym formalnym środkiem jego spójności semantycznej¹², to osłabienie funkcji przypadku i naruszenie określonej opozycji formalnej znaków sprawia, że związek przyczynowo-skutkowy między poszczególnymi etapami przedstawianego zdarzenia staje się niejasny. Tym samym słuchacz zostaje pozbawiony możliwości prognozowania form gramatycznych kolejnych informacji w dalszych etapach relacjonowanego zdarzenia i nie może zweryfikować swych przypuszczeń.

2. Związek przyczynowo-skutkowy następujących po sobie etapów zdarzenia traci wyrazistość również z powodu użycia konstrukcji z kilkoma dopełniaczami. W tej sytuacji same relacje semantyczne między poszczególnymi komponentami stają się niejednoznaczne. Świadczą o tym sformułowania typu: *Об утверждении плана*

¹¹ Rozstrzeleniem zostały wyróżnione formy niepoprawne.

¹² Zob. Д. М. Гзгзян, *Функция предлога в составе семантической структуры высказывания*: автореф. дисс. канд. филол. наук (10.02.01), Университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва 1989; А. Ф. Дремов, *Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного*, „Мир русского слова” 2001, nr 1–4; Г. П. Мельников, А. Ф. Дремов, *Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики*, w: О. А. Крылова (red.), *Синтаксис и стилистика*, Москва 1984, s. 49–70; М. А. Рыбаков *Развитие представлений о типологическом сходстве языков: от многомерной классификации Э. Сепира до системной типологии Г. П. Мельникова*, w: О. И. Валентинова, В. Н. Денисенко, С. Ю. Преображенский, М. А. Рыбаков, *Системный взгляд как основа филологической мысли...*, s. 17–136.

мероприятий концепции целевой программы (nazwa rozporządzenia wewnętrznego w instytucji oświaty); *Федерация психологов образования России* (nazwa stowarzyszenia psychologów).

3. O deformacji typologicznej w najnowszym języku rosyjskim świadczy pojawienie się form liczby mnogiej rzeczowników abstrakcyjnych (i rozszerzenie paradygmatu ich odmiany). Pojawiają się więc w wypowiedziach oficjalnych formy typu: *активности, взаимодействия, коммуникации, озабоченности*. W ten sposób do fleksji rosyjskiej przenika typowa dla języków analitycznych wieloznaczność leksykalna, ponieważ wiele wyrazów ma w nich jednocześnie znaczenia konkretne i znaczenia abstrakcyjne, a zatem, zależnie od woli mówiącego, rzeczowniki te mogą przybierać dla znaczeń konkretnych formy liczby mnogiej. W ten sposób w języku rosyjskim ginie wartość słowa jako *abstractum*, jego znaczenie podlega konkretyzacji.

4. W kategoriach naruszenia podstaw fleksyjności rosyjskiej należy rozpatrywać brak koreferencji subiekta imiesłowu przysłówkowego z podmiotem, jaką można zaobserwować w wypowiedziach Rosjan. Np. *Играя в казино, трудно не быть убитым* (w wypowiedzi pracownika prokuratury); *Прочитав статью, у меня возник вопрос* (replika studenta); *Руководствуясь приказом ректора, было принято решение* (z korespondencji służbowej pracowników szkoły wyższej).

Obecnie, co warto podkreślić, brak zgodności między subiektem wyrażenia z imiesłowem przysłówkowym a podmiotem jest interpretowany jako wynik oddziaływania na język rosyjski cech typologicznych języka angielskiego. Interpretacja ta winna jednak uwzględniać wcześniejsze zmiany zachodzące w języku rosyjskim. Na błędny charakter konstrukcji typu *идучи я в школу, встретился со мной приятель* zwracał bowiem uwagę jeszcze Michaił Łomonosow. Wcześniej uznawane były one za wpływ bilingwizmu rosyjsko-francuskiego i dlatego przez długi czas rozpatrywano je jako galicyzmy. Te same konstrukcje — jak dowiódł Franc Miklosich¹³, co potwierdzili Aleksandr Potiebnia¹⁴, Dmitrij Owsianiko-Kulikowski¹⁵, Alek-

¹³ F. Miklosich, *Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen*: Bd. Syntax, W. Braumüller, Wien 1868–1874.

¹⁴ А.А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, Д.Н. Полуехтов, т. 1, Харьков 1888.

¹⁵ Д.Н. Овсяннико-Куликовский, *Синтаксис русского языка*, Издание Д. Е. Жуковского, Санкт-Петербург 1902.

sandr Pieszkowski¹⁶ — funkcjonowały w języku rosyjskim znacznie wcześniej, nim język rosyjski podporządkował się wpływowi obcym. Oznacza to, że oceniając charakter zmian typologicznych, trzeba brać pod uwagę aspekt historyczny.

W tym miejscu należy także odwołać się do obserwacji Piotra Bicylliego¹⁷, który również dostrzega częste występowanie tego typu zwrotów w utworach Aleksandra Gribojedowa, Aleksandra Puszkina, Fiodora Dostojewskiego, Iwana Turgieniewa, Lwa Tołstoja czy Nikołaja Niekrasowa — autorów tych czasów, kiedy klasyczny język rosyjski już się ukształtował. Por. m.in.: „Въехавши на пригорок..., вдруг предстали пред нами две горы” (Грибоедов, *Письмо к Бегичеву*); „Читая Шекспира и библию, св. дух иногда мне по сердцу...” (Пушкин, *Письмо к Вяземскому*); „Приехав в Семипалатинск, встретили меня хлопоты по устройству квартиры” (Достоевский, *Письмо к Врангелю*).

Zaproponowana przez Bicylliego interpretacja typologiczna występujących w twórczości klasyków literatury rosyjskiej zwrotów z pominięciem koreferencji subiekta formy imiesłowowej z podmiotem miała jednakże inny charakter. Autor ten przypuszczał (z czym trudno się nie zgodzić), że w tym przypadku chodzi o skrajny przejaw syntetyzmu językowego, który pojmował jako dążenie do tworzenia fraz pod względem formy wewnętrznej równych jednemu słowu¹⁸. Por.:

Их „неправильность.” означает их неразложимость. Они лучше, точнее выражают то, что находится в сознании говорящего, чем „правильные”, каких требовал Ломоносов. Для него, говорящего, сам, идущий по улице, его движение по улице, его встреча с приятелем, приятель — все это лишь отдельные стороны одного и того же, целостного, предмета восприятия, один образ; а значит, указание на него, выраженное в форме, не поддающейся разложению, в действительности является наиболее удачным образом — *символом*, воспринимаемым скорее как одно слово, чем как предложение. А тот факт, что слушатель, или читатель, *принимает* сказанное ему так, как этого хочет говорящий, свидетельствует, что и в *его сознании* высказанное подобным способом создалось таким же, каким оно было в сознании говорящего¹⁹.

¹⁶ А. М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*, Языки славянских культур, Москва 2001.

¹⁷ П. М. Бицилли, *Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка, в: tegoż, Избранные труды по филологии*, ред. В. Н. Ярцева, Москва 1996, s. 249–340.

¹⁸ Rog. „[...] тяготение к созданию фраз, являющихся по своей внутренней форме каждая — одним словом”. П. М. Бицилли, *Заметки о некоторых особенностях...*, s. 294.

¹⁹ Tamże.

Struktury syntaktyczne, które w bardziej sprzyjających warunkach społeczno-kulturowych można byłoby uznać za relikty polisynkretyzmu (inkorporacji), obecnie odbierane są jako kalki konstrukcji angielskich. Jednakże masowe i nader częste użycie angielskich zapożyczeń leksykalnych oraz innych komponentów strukturalnych²⁰ nie wynika z dobrej znajomości języka angielskiego i osiągnięcia sprawności komunikacyjnej na wszystkich poziomach. Raczej odwrotnie: z perspektywy komunikacji należałoby odnieść je do wypowiedzi zawierających struktury okazjonalne. W praktyce oznacza to, że ustalenie znaczenia wymaga niekiedy znacznego poszerzenia kontekstu. Przekazanie złożonych sensów w określonych uwarunkowaniach komunikacyjnych wydaje się zatem albo utrudnione, albo nie zostaje właściwie odebrane. Jednakże, co podkreśla Siergiej J. Preobrażenski, rusycyści nie dostrzegają tych przemian w gramatyce rosyjskiej, lecz — kontynuując dyskurs normatywny — oceniają jedynie poszczególne użycia wyrazów²¹.

Poszerzenie zakresu użycia zwrotów z imiesłowem przysłówkowym prowadzi jednocześnie do wyparcia charakterystycznych dla języków fleksyjnych zdań złożonych podrzędnie, a w konsekwencji do wzrostu analityzmu. Jeśli bowiem cechą zwrotów imiesłowowych jest ich dopasowanie (związek przynależności) do pozostałej części wypowiedzi (z punktu widzenia semantyki jest to bardziej niezależna pozycja), to dla zdania złożonego podrzędnie właściwe jest wyraźne wskazanie na charakter związków logicznych między dwoma predykatami przy jednoznacznym zaznaczeniu ich hierarchii. Swoboda w zakresie koreferencji zwrotów imiesłowowych wyraża natomiast okazjonalną semantykę konstrukcji gramatycznej i podkreśla nie powiązanie zdarzeń jako ich następstwo, lecz ich współistnienie w czasie i przestrzeni.

²⁰ Na to zjawisko zwraca uwagę m.in. Alicja Pstyga, wskazując na paralelny charakter powoływania okazjonalnych struktur słowotwórczych z komponentem *-ing* (*-инг*) w języku polskim i rosyjskim przy oczywistych ograniczeniach ekwiwalencji przekładowej wybranych konstrukcji — zob. A. Pstyga, *Problemy interpretacji tekstu: integracja metodologiczna we współczesnym językoznawstwie słowiańskim*, w: E. Koriakowcewa (red.), *Współczesne językoznawstwo słowiańskie. Teoria i metodologia badań*, t. 2: *Metody analizy i opisu jednostek leksykalnych i tekstowych*, Wydawnictwo UPH w Siedlcach, Siedlce 2016, s. 103–111.

²¹ **Zob. sformułowanie autorskie: „русисты успешно не замечают подвижек в русской грамматике, но продолжают живо обсуждать нормативность отдельных словоупотреблений.”**(С.Ю. Преображенский, *Системный анализ стиха*, w: О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков, *Системный взгляд как основа филологической мысли...*, s. 311).

Tego rodzaju innowacje we współczesnym języku rosyjskim są spowodowane zmianą warunków komunikacji społecznej²², przede wszystkim rosnącym zróżnicowaniem językowym społeczeństwa.

5. Kolejnym charakterystycznym zjawiskiem gramatycznym w wypowiedziach współczesnych Rosjan są błędy wynikające z nierozpoznawania kategorii strony czasownika, co również wiąże się z fleksją i semantyką. Świadczą o tym wybrane przykłady pochodzące z telewizyjnych programów informacyjnych:

Школа выражает благодарность за участие в профессионально-ориентируемом мероприятии. Powinno być: *Школа выражает благодарность за участие в профессионально-ориентирующем мероприятии* (ponieważ przedsięwzięcie ma wpłynąć na dokonywany przez uczniów wybór profesji; samo zaś przedsięwzięcie — ros. *мероприятие* — żadnej orientacji nie wymaga).

Несмотря на это, женщина смогла проникнуть на запрещающую территорию. Powinno być: *Несмотря на это женщина смогла проникнуть на запретную территорию* (*территория* — pol. *terytorium* — nie może niczego zabraniać, a zatem nie może być zgodności z formą fleksyjną imiesłowu przymiotnikowego).

Błędy w zakresie kategorii gramatycznej strony czasownika wynikają nie z wartości samej kategorii, która występuje zarówno w językach syntetycznych (na przykład w języku łacińskim jest wyrażana poprzez odrębny system fleksyjny), jak i analitycznych (m.in. w języku angielskim), lecz z desemantyzacji formalnych wyróżników kategorii strony. Prawdopodobnie pospieszna i bezrefleksyjna wypowiedź nie pozwala mówiącemu na dokładne (zgodne z normą) zastosowanie morfemów gramatycznych. Sens w przybliżeniu odpowiada więc całej sytuacji i wprawdzie użycie afiksów jeszcze z przyzwyczajenia mówiący odczuwają jako niezbędne, lecz sens tych afiksów nie jest już dla nich tak wyrazisty.

6. Problemem staje się użycie przydawki przymiotnej w znaczeniach tradycyjnie wyrażanych przez rzeczownik w funkcji atrybutywnej: w tym przypadku związana składnią zgody (kongruentna) przydawka zdecydowanie wypiera użycie przypadków zależnych rzeczownika w funkcji atrybutywnej, nie rekompensując jednak wyrażanych przez nie relacji semantycznych²³. Por. np. często spotykane

²² Por. E. Širjaev (red.), *Русский язык*, seria Najnowsze Dzieje Języków Słowiańskich, S. Gajda (red.), Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 1997.

²³ Problem ten szerzej analizuje Olga Walentinowa: О. И. Валентинова, *Системный подход к исследованию текста и стиля*, w: О. И. Валентинова, В. Н. Де-

w mediach sformułowania: *академическое руководство* zamiast *руководство Академии наук*; *академический храм* zamiast *храм при Духовной академии*; *дипломатический маэстро* zamiast *маэстро в области дипломатии* (o przewodniczącym Federacji Rosyjskiej w ONZ).

Typowy dla języka rosyjskiego porządek wyrazów narusza będące odwzorowaniem angielskiej składni przesunięcie przydawki w stronę lewą (zgodnie z terminologią składni generatywnej). Tendencja ta obejmuje całe zwroty przydawkowe i sprawia, że wypowiedzi są mało komunikatywne, jak w zdaniu: *Водитель сбившей машины с детьми „Газели” мог уснуть за рулём* [Новости Newsru.com (25.03.2017)].

Rozdzielenie grupy imiennej *водитель ... „Газели”* dodatkowo wpływa na stopień utraty sensu wypowiedzenia. Ogólnej tendencji odpowiadałoby również pojawienie się w tej wypowiedzi niepoprawnych sformułowań *газельный водитель* i *детская машина*, które spowodowałyby jeszcze większe zagęszczenie sensów. Zamiana dopełniacza przydawką przymiotną w takich wypadkach wprowadza do przymiotnika nieistniejący sens, deformując jego znaczenie leksykalne. W zaistniałej sytuacji rozpowszechnionego użycia kongruentnej przydawki nie należy interpretować jako przejawu fleksyjności, ponieważ kongruentna przydawka zaczyna zastępować wypracowane przez język możliwości wyrażania szczegółowych odcieni znaczeniowych relacji atrybutywnych, które powinny być wyrażane za pomocą bezprzymikowych bądź przymikowych form przypadków zależnych rzeczownika. Utrudniając lub uniemożliwiając więc wyrażenie subtelnie zróżnicowanych sensów — nawet przy istotnym poszerzeniu kontekstu — związek zgody słowa określającego z określanym pod względem rodzaju, przypadku i liczby wbrew oczekiwaniom nie wpływa na zwiększenie możliwości skutecznego przekazania informacji w złożonych uwarunkowaniach komunikacyjnych.

Semantycznie nieuargumentowane, nagminne użycie kongruentnych przydawek oraz tendencja do stawiania związanej składnią zgody przydawki przed słowem określanym mogą doprowadzić do zaprzestania stosowania środków morfemowych w celu wyrażania atrybutywnej funkcji słowa precyzującego, co z kolei będzie oznaczać utratę związku zgody przydawki z określanym wyrazem i użycie

нисенко, С. Ю. Преображенский, М. А. Рыбаков, *Системный взгляд как основа филологической мысли...*, s. 171–302.

rzeczownika zamiast kongruentnej przydawki przymiotnej. Przykładem są niepoprawne wyrażenia typu *академия руководство* czy *дипломатия маэстро*. Zestawienia atrybutywne będą przy tym upodobać się do nazw złożonych, być może z możliwością włączenia podstawy imiesłowów przymiotnikowych, co z kolei spowoduje ograniczenie użycia zdań wtrąconych. W warunkach dużej społeczności językowej (megakolektywu) sytuacja ta doprowadzi do obniżenia kultury języka w społeczeństwie rosyjskim.

Cechą charakterystyczną odmiennych imiennych części mowy jest konsekwentne rozgraniczenie formalne i semantyczne rzeczownika i przymiotnika, które jest utrwalone zarówno w paradygmatach (formach morfologicznych), jak i charakterystyce gramatycznej jednostek słownikowych. Tworzenie formacji przymiotnikowych wymaga zastosowania określonych sposobów afiksacji — dobrze utrwalonych, zakorzenionych w systemie językowym, tym bardziej że z konkretnymi afiksami łączą się równie określone znaczenia, które odpowiednio przekształcają semantykę słowa w procesie derywacji słowotwórczej. Dla języków analitycznych natomiast charakterystyczny jest brak różniczenia między rzeczownikiem a przymiotnikiem. Problem ten jest sygnalizowany przez językoznawców i rozpatrywany z punktu widzenia zmian systemowych m.in. na podstawie wykorzystania obcego fleksyjnym językom słowiańskim modelu tworzenia złożonych nazw własnych — w istocie zestawień z członem określającym na pierwszym miejscu. Wymienić można rosyjskie nazwy nowych stadionów: *Казань Арена*, *Балтика Арена*, *Волгоград Арена*. We współczesnym języku rosyjskim nazwy tego typu pojawiają się pod wpływem języka angielskiego, lecz mogą być uznawane za bardziej naturalne ze względu na ich podobieństwo do produktywnego modelu złożień rzeczownikowych. Jest to ciekawe zjawisko z pogranicza słowotwórstwa, fleksji i składni, którego omówienie wykracza poza ramy tego opracowania.

7. Naruszenie fleksyjności jest widoczne również w innego rodzaju konstrukcjach, z reguły nacechowanych ekspresywnie, a wykorzystywanych przede wszystkim w komunikowaniu medialnym. Należy do nich częste użycie przyimka *по* z celownikiem, które pozwala na znaczną kondensację treści. Np. w zdaniu: *Норвежцы готовы помочь. Водолазы советуются по „Курску”* („Известия” октябрь 2000; cyt. za: Земская 2003).

Jelena Ziemska wskazuje przykład opatrzony komentarzem:

Необходимо добавить, что особая резкость нарушения нормы в конструкции *советуются по „Курску”* вызвана прагматическим фактором.

NARUSZENIE FLEKSYJNOŚCI...

Речь идет о национальной трагедии — гибели атомной подводной лодки „Курск.” Компрессия текста в этой ситуации выглядит не только как грамматически безграмотная, но и как вопиющее неуважение к чувствам людей²⁴.

Zjawisko to, na które uwagę zwrócili językoznawcy pod koniec lat 90.²⁵, nadal jest popularne, a o przydatności podobnych konstrukcji decyduje niewątpliwie wpisana w nie negatywność, jaką wyrażają, sugerowane wartościowanie, ale też skrótowość, jak w kolejnych przykładach w silnej pozycji tekstowej (w nagłówku): *Кому в РФ и в мире невыгоден мир и сотрудничество по Украине* (http://www.ng.ru/politics/2018-06-05/100_echo04062018.html (7.08.2018)); *Четыре державы решили особо не минсковать. Соглашения по Донбассу продлят на 2016 год* [„Коммерсантъ” 06.11.2015; <http://kommersant.ru/doc/2849367> (6.12.2016)].

Obserwowane zmiany w zakresie fleksyjności w języku rosyjskim — w naszej ocenie zmierzające w kierunku jej ograniczenia — będące wynikiem pogłębiania się kulturowego zróżnicowania społeczności językowej przy zachowaniu takich parametrów zewnętrznych jak liczebność społeczności językowej oraz warunki komunikacji społecznej, nie tylko utrudnia wyrażenie złożonych sensów, ale przyczynia się również do ich niewykorzystywania przez uczestników komunikacji, obniżając tym samym ciągłość ważnych społecznie doświadczeń. Jeśli wyróżniki relacji i łączliwości między znakami przestają być społeczeństwu potrzebne, wówczas społeczność językowa zatracza możliwość odtwarzania i rozpoznawania znaków żywej mowy oraz utożsamiania ich z odpowiednimi komponentami treści (w istocie pozajęzykowymi procesami myślowymi, które jednak zostają ostatecznie ujęzykowane). Wskazane w artykule wybrane przykłady dowodzą, że zmiany fleksyjności naruszają również inne poziomy systemu językowego (fleksja → składnia → semantyka → spójność tekstu), zaburzając tym samym typologię systemową.

W języku rosyjskim fleksyjność — przy zachowaniu różnych mediów komunikacji — pozostaje częścią kultury języka i ciągłości przekazu. Formy gramatyczne, gatunki mowy, style funkcjonalne — poza słownictwem — składają się bowiem na tożsamość narodową, wpły-

²⁴ Е. А. Земская, *Русский язык конца XX века: норма не запрет а выбор*, w: Z. Rudnik-Karwatowa (red.), *Процесы инновациyjne в языках словiа́нских...*, s. 252.

²⁵ Пор. М. Я. Гловинская, *Изменения в морфологии и синтаксисе...*, s. 203–232; Е. А. Земская, *Русский язык конца XX века...*, s. 245–257.

wając na zachowania językowe. Fleksja jest więc kategorią potrzebną. Wprawdzie najbardziej tradycyjne ujęcie przewiduje rozpatrywanie wszelkich zmian — również w zakresie fleksji: form i połączeń wyrazów — w kategoriach normatywnych, zwykle innowacje traktując jako błędy, to zachowania językowe społeczeństwa będą decydować o tym, co winno być uznawane za wzorcowe, poprawne lub tylko dopuszczalne w określonym przedziale czasowym.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bitsilli, Petr. „Zametki o nekotorykh osobennostyakh razvitiya russkogo literaturnogo yazyka.” 249–340. Bitsilli, Petr. *Izbrannyye trudy po filologii*. Moskva: Naslediye, 1996 [Бицилли, Петр. „Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка.” 249–340. Бицилли, Петр. *Избранные труды по филологии*. Москва: Наследие, 1996].
- Danylenko, Andriy. „The correlation of linguistic patterning and societal structures in systemic typology.” 81–96. *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis*, 2018 t. 135.
- Dremov, Aleksey. „Sistemnaya teoriya padezha i predloga v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo.” 56–64. *Mir russkogo slova*. no 1–4 2001 [Дремов, Алексей. „Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного.” 56–64. *Мир русского слова*. № 1–4, 2001].
- Glovinskaya, Mariya. „Izmeneniya v morfologii i sintaksise..” 203–232. Širjaev, Evgenij (Ed.). *Russkiy yazyk. Najnowsze Dzieje Języków Słowiańskich*. Gajda, Stanisław (Ed.). Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1997 [Гловинская, Мария. „Изменения в морфологии и синтаксисе..” 203–232. Širjaev, Evgenij (Ed.). *Русский язык*. Gajda, Stanisław (Ed.). Najnowsze Dzieje Języków Słowiańskich. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1997].
- Gzgzzyan, David. *Funktsiya predloga vsostave semanticheskoy struktury vyskazyvaniya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk (10.02.01)*. Moskva: Universitetdruzhby narodov im. P. Lumumby, 1989. [Гзгззян, Давид. *Функция предлога в составе семантической структуры высказывания: автореф. дисс. канд. филол. наук (10.02.01)*. Москва: Университет дружбы народов им. П. Лумумбы, 1989].
- Humboldt, Wilhelm von. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. Berlin: Druckerei der Königlich Akademie der Wissenschaften, 1836.
- Kultura russkoy rechi*. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, vyp. 13. Shmelev, Aleksey (Ed.). Moskva, 2017 [Культура русской речи. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, вып. 13. Шмелев, Алексей (Ed.). Москва, 2017.]
- Melnikov, Gennadyi. *Systemology and linguistic aspects of cybernetics*. Amsterdam: OPA, 1988.

- Mel'nikov, Gennadiy. „Determinanta — vedushchaya grammaticeskaya tendentsiya yazyka..” 359–367. *Fonetika, fonologiya, grammatika (v chest' 70-letiya A.A. Reformat-kogo)*. Filin, Fedot (Ed.). Moskva: Nauka, 1971 [Мельников, Геннадий. „Детерминанта — ведущая грамматическая тенденция языка.” 359–367. *Фонетика, фонология, грамматика (в честь 70-летия А.А. Реформатского)*. Филин, Федот (Ed.). Москва: Наука, 1971].
- Mel'nikov, Gennadiy. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Sintez morfologicheskoy klassifikatsii yazykov so stadial'noy*. Moskva: Izdatel'stvo RUDN, 2000 [Мельников, Геннадий. *Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадальной*. Москва: Издательство РУДН, 2000].
- Mel'nikov, Gennadiy. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli*. Moskva: Nauka, 2003 [Мельников, Геннадий. *Системная типология языков: Принципы, методы, модели*. Москва: Наука, 2003].
- Mel'nikov, Gennadiy, Dremov, Aleksey. „Urovnisvyaznosti teksta, aktual'naya predikatsiya i padezh s pozitsiy sistemnoy lingvistiki.” 49–70. *Sintaksis i stilistika*. Krylova, Ol'ga (Ed.). Moskva: Russkiy yazyk, 1984 [Мельников, Геннадий, Дремов, Алексей. „Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики.” 49–70. *Синтаксис и стилистика*. Крылова, Ольга (Ed.). Москва: Русский язык, 1984].
- Mieczkowska, Halina. „Formy zaniku fleksyjności w deklinacji słowackiej w konfrontacji z polszczyzną.” 127–138. *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*, Prace Slawistyczne 114. Rudnik-Karwatowa, Zofia (Ed.). Warszawa: SOW, 2003.
- Miklosich, Franc. *Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen*. Bd. Syntax. Wien: W. Braumüller, 1868–1874.
- Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala veka*. Ratsiburskaya, Larissa (Ed.). Moskva: Izdatel'stvo „Flinta — Nauka.” 2014 [*Новые тенденции в русском языке начала века*. Рацибурская, Лариса (Ed.). Москва: Издательство „Флинта — Наука.” 2014].
- Ovsyaniko-Kulikovskiy, Dmitriy. *Sintaksis russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg, Izdaniye D.Ye. Zhukovskogo, 1902 [Овсяннико-Куликовский, Дмитрий. *Синтаксис русского языка*. Санкт-Петербург, Издание Д.Е. Жуковского, 1902].
- Peshkovskiy, Aleksandr. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2001 [Пешковский, Александр. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Языки славянских культур, 2001].
- Potebnaya, Aleksandr. *Iz zapisek po russkoy grammatike*. T. 1. Khar'kov: D.N. Poluyekhtov, 1888 [Потебня, Александр. *Из записок по русской грамматике*. Т. 1. Харьков. Д.Н. Полуехтов, 1888].
- Preobrazhenskiy, Sergey. „Sistemnyy analiz stikha.” 303–376. Valentinova, Ol'ga. Denisenko, Vladimir. Preobrazhenskiy, Sergey. Rybakov, Mikhail. *Sistemnyy vzglyad kak osnova filologicheskoy mysli*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2016 [Преображенский, Сергей. „Системный анализ стиха.” 303–376. Валентинова, Ольга. Денисенко, Владимир. Преображенский, Сергей. Рыбаков, Михаил. *Системный взгляд как основа филологической мысли*. Москва: Языки славянской культуры, 2016].
- Pstyga, Alicja. „Problemy interpretacji tekstu: integracja metodologiczna we współczesnym językoznawstwie słowiańskim.” 103-111. *Współczesne językoznawstwo słowiańskie. Teoria i metodologia badań*. T. 2: *Metody analizy i opisu jednostek leksykalnych i tekstowych*. Red. Koriakowcewa, Elena. Siedlce: Wydawnictwo UPH w Siedlcach, 2016.

- Rybakov, Mikhail. „Razvitiye predstavleniy o tipologicheskom skhodstve yazykov: ot mnogomernoy klassifikatsii E. Sepira do sistemnoy tipologii G.P. Mel'nikova.” 17–136. Valentinova, Ol'ga. Denisenko, Vladimir. Preobrazhenskiy, Sergey. Rybakov, Mikhail. *Sistemnyy vzglyad kak osnova filologicheskoy mysli*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2016 [Рыбаков, Михаил. „Развитие представлений о типологическом сходстве языков: от многомерной классификации Э. Сепира до системной типологии Г.П. Мельникова.” 17–136. Валентинова, Ольга. Денисенко, Владимир. Преображенский, Сергей. Рыбаков, Михаил. *Системный взгляд как основа филологической мысли*. Москва: Языки славянской культуры, 2016].
- Valentinova, Ol'ga. „Sistemnyy podkhod k issledovaniyu teksta i stilya.” 171–302. Valentinova, Ol'ga. Denisenko, Vladimir. Preobrazhenskiy, Sergey. Rybakov, Mikhail. *Sistemnyy vzglyad kak osnova filologicheskoy mysli*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2016 [Валентинова, Ольга. „Системный подход к исследованию текста и стиля.” 171–302. Валентинова, Ольга. Денисенко, Владимир. Преображенский, Сергей. Рыбаков, Михаил. *Системный взгляд как основа филологической мысли*. Москва: Языки славянской культуры, 2016].
- Valentinova, Ol'ga, Rybakov, Mikhail. „Tipologicheskaya dinamika yazyka kak rezul'tat izmeneniya mental'nosti yego nositeley.” 58–70. *Yazyk i mental'nost' v diakhronii: Materialy Vserossiyskogo nauchnogo seminara*. Ed. Mariya, Pimenova. Vladimir, 2017 [Валентинова, Ольга, Рыбаков, Михаил. „Типологическая динамика языка как результат изменения ментальности его носителей.” 58–70. *Язык и ментальность в диахронии: Материалы Всероссийского научного семинара*. Ред. Пименова, Мария. Владимир, 2017].
- Valentinova, Ol'ga, Rybakov, Mikhail, Pstyga, Alitsiya. „Tipologicheskaya sokhrannost' russkogo yazyka kak neobkhodimoye usloviyekul'turnoy i intellektual'noy samoidentifikatsii rossyskogo obshchestva.” 418–428. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki (Theoretical and Practical Issues of Journalism)*. t. 7, no 3, 2018 [Валентинова, Ольга. Рыбаков, Михаил. Пстыга, Алиция. „Типологическая сохраненность русского языка как необходимое условие культурной и интеллектуальной самоидентификации российского общества.” 418–428. *Вопросы теории и практики журналистики (Theoretical and Practical Issues of Journalism)*. Т. 7, № 3, 2018].
- Zemskaya, Yelena. „Russkiy yazyk kontsa XX veka: norma ne zapret a vybor.” 245–257. *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*. Prace Slawistyczne 114. Ed. Rudnik-Karwatowa, Zofia. Warszawa: SOW, 2003 [Земская, Елена. „Русский язык конца XX века: норма не запрет а выбор.” 245–257. *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*. Prace Slawistyczne 114. Rudnik-Karwatowa, Zofia (Ed.). Warszawa: SOW, 2003].

NARUSZENIE FLEKSYJNOŚCI...

Ольга И. Валентинова, Михаил А. Рыбаков, Алиция Пстыга

РАЗРУШЕНИЕ ФЛЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОЙ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ ГЕННАДИЯ П. МЕЛЬНИКОВА

Резюме

Авторы статьи предлагают анализ и оценку происходящих в современном русском языке явлений, приводящих к разрушению флективности с позиций системной типологии языков Г. П. Мельникова. Внешнее сохранение флексии и грамматического согласования при нарушении функции прогноза в обозначении причинно-следственных связей развивающегося события не свидетельствует о флективности.

Ol'ga I. Valentinova, Mikhail A. Rybakov, Alicja Pstyga

VIOLATION OF FLECTIONALITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE FROM THE STANDPOINT OF GENNADY P. MELNIKOV'S SYSTEMIC TYPOLOGY OF LANGUAGES

Summary

The authors of the article discuss from the standpoint of the G. P. Melnikov's systemic typology of languages the phenomena characteristic for speech works of all functional styles of the modern Russian literary language that indicates violation of flectionality of the Russian language. The external preservation of inflexion and grammatical coordination in the event of violation of the forecast function in the designation of cause-effect relationships of the developing events, does not indicate flexiveness.

KATARZYNA JASTRZĘBSKA

Uniwersytet Jagielloński

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0336-307X>

TENDENCJE MODERNISTYCZNE W POWIEŚCI *NOCNE DROGI* GAJTO GAZDANOWA

Gajto (wł. Grigorij) Gazdanow (1903–1971) pisarz, eseista i krytyk literacki, długoletni współpracownik radia „Swoboda”, przedstawiciel pierwszej fali emigracji rosyjskiej większość życia spędził na obczyźnie. Żył i tworzył w Paryżu, gdzie miał się różnych zajęć. Był między innymi robotnikiem w fabryce samochodów, potem przez długie lata pracował nocami jako taksówkarz. Mimo że już w latach 30. ubiegłego wieku rosyjska krytyka emigracyjna uznała go za jednego z najbardziej utalentowanych (obok Vladimira Nabokova publikującego wówczas pod pseudonimem Sirin), pisarzy rosyjskiej emigracji¹, dla samych Rosjan pozostawał Gazdanow aż do lat 90. XX wieku twórcą niemal nieznanym.

Dzisiaj, po prawie czterdziestu latach, jakie minęły od pieriestrojki, która wprowadziła do rosyjskiego obiegu czytelniczego dziesiątki utworów pisarzy, poetów, dramaturgów i eseistów wcześniej zakazanych, twórczość Gazdanowa jest znana rosyjskim czytelnikom oraz szeroko komentowana przez literaturoznawców, nie tylko rosyjskich².

¹ Zob. Т. Н. Красавченко, *Гайто Газданов: Традиция и творческая индивидуальность*, w: Г. Газданов, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 4, *Романы. Выступления на радио „Свобода”*. Проза не опубликованная при жизни, ЭЛЛИС ЛАК, Москва 2009, s. 654; zob. również: А. Овсянникова, *Неразгаданный феномен Гайто Газданова*, „Иные берега” 2018, nr 2(48).

² Bogatą bibliografię opracowań naukowych poświęconych twórczości Gajto Gazdanowa odnotowuje Maria Giej w: М. Гiej, „Я видел мир таким”. *Концепция действительности в творчестве Гайто Газданова*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2008.

W Rosji rangę pisarstwa autora *Wieczoru u Claire* (*Вечер у Клэр*, 1929, pub. 1930), by przywołać najbardziej znany utwór pisarza, poświadczają: zorganizowana w roku 2000 w Moskwie międzynarodowa konferencja naukowa *Gajto Gazdanow: pisarz na styku tradycji, kultur, cywilizacji. Spojrzenie z perspektywy XXI wieku* (*Гайто Газданов: писатель на пересечении традиций, культур, цивилизаций. Взгляд из XXI века*)³, dziesiątki artykułów poświęconych jego twórczości, w tym publikacje zbiorowe⁴, wydania utworów (również w formie audiobooków) i ich wznowienia. Z tej perspektywy polska recepcja twórczości Gazdanowa i poświęcone jej opracowania naukowe prezentują się skromnie. Z pewnością odnotować należy artykuły naukowe i monografię w języku rosyjskim autorstwa Marii Giej „Я видел мир таким“. *Концепция действительности в творчестве Гайто Газданова* (2008)⁵. Chronologicznie wcześniejsze, podstawowe informacje o pisarzu i jego twórczości odnotowują: *Słownik pisarzy rosyjskich*⁶, *Przewodnik po współczesnej literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917-1996)* Tadeusza Klimowicza⁷ oraz praca zbiorowa pod redakcją Andrzeja Drawicza *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*⁸.

W roku 2009 nakładem Państwowego Instytutu Wydawniczego ukazały się w Polsce powieści Gazdanowa: *Wieczór u Claire* i *Widmo Aleksandra Wolfa* – obydwie w tłumaczeniu Henryka Chłystowskiego⁹. Pierwszy polski przekład utworów pisarza zaowocował kilkoma recenzjami oraz innymi formami wypowiedzi, których autorzy: Jan Strzałka, Piotr Fast, Jacek Wojciechowski, Juliusz Kurkiewicz¹⁰

³ Na temat konferencji zob. Ю. Матвеева, *Международная научная конференция Гайто Газданов: писатель на пересечении традиций, культур цивилизаций. Взгляд из XXI века*, „НЛО” 2004, nr 65.

⁴ М.А. Васильева (red.), *Возвращение Гайто Газданова*, Русский путь, Москва 2000.

⁵ М. Гей, „Я видел мир таким”. *Концепция...*

⁶ F. Nieuważny (red.), *Słownik pisarzy rosyjskich*, Wiedza Powszechna, Warszawa 1994.

⁷ T. Klimowicz, *Przewodnik po współczesnej literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917-1996)*, Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, Wrocław 1996.

⁸ A. Drawicz (red.), *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 1997.

⁹ G. Gazdanow, *Wieczór u Claire. Widmo Aleksandra Wolfa*, przeł. H. Chłystowski, Państwowy Instytut Wydawniczy, Warszawa 2009.

¹⁰ J. Strzałka, *Powrót Gazdanowa*, <https://www.dwutygodnik.com/artukul/413-powrot-gazdanowa.html> (15.03.2018); P. Fast, *Drgnienia duszy i nieuchronne przypadki (Gajto Gazdanow: „Wieczór u Claire. Widmo Aleksandra Wolfa”)*,

czy Cezary Polak¹¹, przybliżają sylwetkę twórcy i jego literacki dorobek.

Maria Giej w wymienionej monografii deklaruje, że celem podjętych przez nią badań nad twórczością autora *Wieczoru u Claire* jest literacka i krytycznoliteracka analiza Gazdanowowskiej koncepcji świata i człowieka. Dlatego w centrum refleksji umieszcza moralne, filozoficzne i estetyczne poglądy pisarza, a także kategorie przyjaźni, miłości i śmierci¹².

Przyjęta przeze mnie optyka badawcza jest odmienna. Proponuję przyjrzeć się pozycji narratora i technice narracyjnej w powieści Gajto Gazdanowa zatytułowanej *Nocne drogi* (*Ночные дороги*, 1939, pub. 1941). Uzasadnienie tak sformułowanego celu badawczego wynika z faktu, że wskazany utwór relatywnie rzadko stanowi główny temat badawczych penetracji; zdecydowanie częściej pełni funkcję tła czy punktu odniesienia dla rozważań nad innymi dziełami pisarza. Powtarzane przez rosyjskich literaturoznawców twierdzenie o charakterystycznej dla *Nocnych dróg* narracji spersonalizowanej¹³ jest tyleż uzasadnione, co, za sprawą lapidarności stwierdzenia, niewiele wnoszące do dyskusji na temat funkcji i rezultatu indywidualnych autorskich rozwiązań w domenie narracji. Tymczasem, jak podkreśla Dorota Korwin-Piotrowska: „Narracja literacka jest [...] sposobem przekazywania nam jedynej wiedzy, jaką możemy uzyskać na temat oryginalnego, przedstawionego w danym tekście epickim, świata. Co więcej: narracja sama jest tą wiedzą”¹⁴.

Wiele czynników zmiennych przesądza o efektach narracji¹⁵, w tym narracji pierwszoosobowej, gdzie narrator jest jednocześnie bohate-

„Opcje” 2009, nr 3(76); J. Wojciechowski, *Fatum*, „Nowe Książki” 2009, nr 11; J. Kurkiewicz, *Żyj, jedz befsztyki, całuj kochanki*, „Gazeta Wyborcza” 2009, nr 198.

¹⁴ http://wyborcza.pl/1,75410,6960214,Wieczor_u_Claire__Widmo_Aleksandra_Wolfa__Gazdanow_.html (15.03.2018).

¹¹ C. Polak, *Straszne rosyjskie magdalenki*, „Dziennik: Polska, Europa, Świat” 2009, nr 207.

¹² Zob. M. Giej, „Я видел мир таким”. Концепция..., s. 159.

¹³ Zob. np.: E.H. Проскурина, П.В. Проскурина, *Автор, герой, нарратив в „русских” романах Г. Газданова*, „Критика и семиотика” 2007, вып. 11 [Новосибирск–Москва]; E.H. Проскурина, *Черты неореализма в творчестве Г. Газданова (роман „Ночные дороги” и документальная повесть „На французской земле”)*, „Критика и семиотика” 2011, вып. 15, <http://www.philology.ru/literature2/proskurina-11.htm> (17.04.2018).

¹⁴ D. Korwin-Piotrowska, *Poetyka — przewodnik po świecie tekstów*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2011, s. 90.

¹⁵ J. Culler, *Teoria literatury*, przeł. M. Bassaj, Prószyński i S-ka, Warszawa 1998, s. 101.

rem opisywanych zdarzeń — a z taką sytuacją mamy do czynienia w *Nocnych drogach*. Dlatego dopiero analiza stopnia indywidualizacji narratora-bohatera, zakresu jego wiedzy, kompetencji, pełnionych funkcji, zasad wnioskowania, podobnie jak cechującego go idiolektu, sposobu formułowania ocen i stopnia intensywności posługiwania się cudzymi „językami”¹⁶, pozwalają sformułować odpowiedź na pytanie o ideową, światopoglądową i estetyczną wymowę utworu.

Jeśli zgodzić się z twierdzeniem Jerzego Poradeckiego, według którego „Unieobecniony narrator przestaje być osobowością”¹⁷, to należy też zaakceptować formułę o przeciwstawnym znaczeniu: „narrator uobecniony staje się osobowością”, a zatem obdarzony jest indywidualnymi, względnie trwałymi cechami i dyspozycjami. Ich rodzaj oraz sposób manifestowania się w utworze może przesądzić o definiowaniu narratora na przykład jako podmiotu przeżyć (*erlebendes Ich*), podmiotu opowiadania (*erzahlendes Ich*)¹⁸ lub też podmiotu pełniącego w różnym stopniu obydwie te funkcje.

Istotnym elementem indywidualizacji opowiadacza jest wskazanie jego imienia i/lub nazwiska. Tego rodzaju trop interpretacyjny (który może być zasadny lub zwodniczy) nie występuje w *Nocnych drogach*. Nie oznacza to jednak, że powieść pozbawiona jest jednej z dystyngtywnych cech pisarstwa Gazdanowa w ogóle, a mianowicie „podtekstu autobiograficznego”. Jednak w powieści z roku 1939 jest on realizowany odmiennie niż w innych utworach pisarza, na przykład w powieści *Wieczór u Claire*, gdzie, jak zauważają rosyjscy badacze:

имя героя имеет автобиографичный подтекст. В России Газданов жил по соседству с Татьяной Пашковой, возлюбленной своей молодости. Дав в романе ей имя Клэр (так называли Татьяну ее близкие за красивые светлые волосы), самого себя он выводит здесь под именем Николая Соседова¹⁹.

¹⁶ Czyli sformułowaniami należącymi „do innego podmiotu lub utworu niż ten, z którym mamy do czynienia”, zob. W. Bolecki, *Poetycki model prozy w dwudziestoleciu międzywojennym*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk,—Łódź 1982, s. 97–98.

¹⁷ J. Poradecki, *Narrator i narracja w „Bramach raj” i w „Idzie skacząc po górach”*, w: A. Hutnikiewicz, H. Zaworska (red.), *O prozie polskie XX wieku*, Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1971, s. 295.

¹⁸ Zob. S. Eile, *Światopogląd powieści*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1973, s. 26.

¹⁹ Е. Н. Проскурина, П. В. Проскурина, *Автор, герой, нарратив...*, s. 208.

Differentia specifica narratora powieści *Nocne drogi* wykażemy z pominięciem analiz poziomu i rodzaju aluzyjności, budującej biograficzny kontekst utworu. Jest to bowiem temat odrębny, wymagający innych niż tu zastosowane działań badawczych. Analiza i interpretacja techniki narracyjnej pozwoli określić metody kształtowania semantyki utworu, stając się argumentacyjną podstawą twierdzenia o modernistycznej proveniencji i gatunkowej niejednorodności powieści.

Treści zawarte w początkowych i końcowych partiach utworu literackiego posiadają, zgodnie z opinią części literaturoznawców, status „silnej pozycji tekstowej”²⁰. Inicjalne zdanie *Nocnych dróg* brzmi następująco:

Несколько дней тому назад во время работы, глубокой ночью, на совершенно безлюдной в эти часы площади св. Августина, я увидел маленькую тележку, типа тех, в которых обычно ездят инвалиды²¹.

Narrator przekazuje kilka informacji na swój temat, ale tylko jedna z nich — aktywność percepcji wzrokowej — ulega jednocześnie doprecyzowaniu. Z jednej bowiem strony narrator dostrzega cechy indywidualne widzianego przedmiotu: „маленькую тележку”, z drugiej ujawnia skłonność do typologizowania widzianego: „[...] тележку, типа тех, в которых обычно ездят инвалиды”. A zatem zdanie inicjalne powieści akcentuje istotną cechę opowiadacza — skłonność do wielostronnego oglądu zjawisk i rozumowania indukcyjnego.

Powód szczególnej aktywności percepcji wzrokowej bohatera-narratora, o której powiadamia on już w pierwszym zdaniu powieści, posiada wyraźne uzasadnienie. Spostrzegawczość nie stanowi tu rodzaju daru, nie jest szczególną predylekcją czy uzdolnieniem. Jest posiadającą przesłanki racjonalne konsekwencją wieloletniej pracy w charakterze nocnego taksówkarza:

долгие годы шоферского ночного ремесла, требующего постоянного зрительного напряжения и быстроты взгляда [...] развил эту быстроту зрительного впечатления во мне [...] до размеров не-

²⁰ В. Иванцов, *Лингвопоэтика первого абзаца литературного произведения (повесть Владимира Маканина „Лаз”)*, w: P. Fast, K. Jastrzębska (red.), *Szkoła moskiewska w literaturze rosyjskiej*, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Lingwistycznej, Częstochowa 2007.

²¹ Г. Газданов, *Ночные дороги*, w: tegoż, *Собрание сочинений в пяти томах*, t. 2: *Роман. Рассказы. Документальная проза*. „ЭЛЛИЦ ЛАК”, Москва 2009, s. 5 (podkreślenia moje — K.J.).

обычных для среднего человека. [...] Этот зрительный рефлекс действовал иногда с механической и бездушной точностью и был совершенно бессознателен [...]²².

W hierarchizacji aktów percepcyjnych, które indywidualizują narratora i jednocześnie bohatera powieści, pozycję nadrzędną zajmuje „widzenie”, „patrzenie”, „zwracania na coś wzroku”. Poniższe przykłady, celowo przytoczone tak licznie, potwierdzają tę tezę:

„и я со стороны смотрел на них” (21), „я пристально смотрел на нее” (48); „я долго смотрел на нее” (48); „я повернул голову и увидел” (52); „я впервые увидел людей, запряженных в небольшие тележки” (64) „я смотрел на обветренные лица”(64) „я повсюду видел” (67); „я увидел его издалека” (72), „(я видел шумное ее путешествие в комиссариат)” (74), „когда я ее увидел” (79), „Но я смотрел” (80), „я видел перед собой” (80), „я увидел ее случайно” (83), „я увидел” (88), „я видел Федорченко неоднократно” (94), „я долго смотрел им вслед” (94), „я невольно поднял голову и увидел” (97), „я обернулся и увидел” (98), „Я с удивлением посмотрел на него” (98), „Я внимательно смотрел” (101), „Я стоял [...] и смотрел” (102), „Я обернулся и увидел незнакомого человека” (116), „я смотрел на стоящие автомобили” (121), „Я видел старика нищего” (122), „Я видел одного зловонного старика” (123), „Я слушал его и смотрел на очень характерное его лицо” (128), „когда я [...] увидел” (128), „Я долго смотрел на Ральди” (137), „Я видел таких же людей” (140), „я увидел в его руке листок” (149); „Я посмотрел туда, куда смотрела она” (175); „Я видел, как она умирала” (181)²³.

Stylistycznym wyróżnikiem charakterystyki bohatera-narratora jako „podmiotu, który widzi/patrzy/przygląda się” jest nagromadzenie w utworze pierwszoosobowych form czasowników języka rosyjskiego: „видеть”; „смотреть”; „присматриваться”. Są to zarówno czasowniki percepcji rozumianej wąsko jako doznanie zmysłowe oraz takie, które za Adamem Dobaczewskim, określić można mianem „mentalnych (epistemicznych), zawierających w strukturze semantycznej komponent ‘wiedzieć’”²⁴. Warto w tym miejscu przywołać ustalenia Jolanty Maćkiewicz: „Dane językowe nie pozostawiają wątpliwości, że dla człowieka najistotniejszy jest zmysł wzroku. Czasowniki *widzieć* i *wiedzieć* wywodzą się z tego samego praindoeuropej-

²² Г. Газданов, *Ночные дороги...*, s. 39.

²³ Wszystkie cytaty pochodzą z wydania *Ночные дороги...*. W tym fragmencie strony podaję w tekście — K.J.

²⁴ A. Dobaczewski, *Kilka uwag o czasownikach percepcji wzrokowej*, „Prace Językoznawcze” z. 2, 2000, s. 42, http://bazhum.muzhp.pl/media//files/Prace_Językoznawcze/Prace_Językoznawcze-r2000-t2/Prace_Językoznawcze-r2000-t2-s35-43/Prace_Językoznawcze-r2000-t2-s35-43.pdf (20.03.2019).

skiego rdzenia, co świadczy o tym, iż traktujemy wzrok jako główne źródło poznania”²⁵.

Widzenie i nazwy czynności podobnych stanowią elementarną sytuację narratora i jednocześnie bohatera powieści *Nocne drogi*. Jest to również „sytuacja leksykalna”, ponieważ swoją pozycję w świecie charakteryzuje on za pomocą formuł związanych z polem semantycznym wyrazów „видеть” i „смотреть” oraz związków frazeologicznych związanych z polem semantycznym słów „видеть”, „глаз” i in.: „Я жил тогда в доме, который бросался в глаза прохожим”²⁶; „на моих глазах”²⁷; „я потерял его с виду”²⁸.

Na podstawie tego, co powiedziano wcześniej, można stwierdzić, że w powieści *Nocne drogi* realizowana jest jedna z formuł „widzenia” w literaturze²⁹. Jej motywację stanowi tutaj supozycja „widzę, więc myślę”.

Myślenie, zastanawianie się, analizowanie to druga, obok widzenia, cecha wyróżniająca bohatera-narratora *Nocnych dróg*. Konsekwencją patrzenia, przyglądania się, obserwowania jest zawsze chęć poznania, zrozumienia, wnioskowania. Potwierdzeniem tezy, zgodnie z którą predylekcją bohatera-narratora jest dążenie do rozumienia otaczających go zjawisk, szczególnie przyczyn i motywacji, które kierują ludzkimi zachowaniami i determinują wybory oraz postawy innych, są liczne fragmenty powieści, w tym przytoczone poniżej:

вид этого удаляющегося инвалидного кресла [...] пробудил во мне то нена сытное стремление непременно узнать и попытаться понять многие чужие мне жизни [...]”³⁰.

Я шел домой и все думал, зачем было нужно этому старому человеку [...] так бессмысленно тратить деньги и с такой непонятной, мертвой настойчивостью тащится из одного публичного дома в другой”³¹.

Я испытывал нечто вроде непонятого и острого любопытства ко всему этому нелепому и трагическому недорозумению [...]”³².

²⁵ J. Maćkiewicz, *Językowy obraz człowieka jako podmiotu doświadczonego*, W. Bolecki, E. Nawrocka (red.), *Literackie reprezentacje doświadczenia*, Wydawnictwo IBL, Warszawa 2007, s. 47.

²⁶ Г. Газданов, *Ночные дороги...*, s. 172.

²⁷ Tamże, s. 19.

²⁸ Tamże, s. 20.

²⁹ Zob. W. Bolecki, *Poetycki model prozy...*, s. 132.

³⁰ Г. Газданов, *Ночные дороги...*, s. 5.

³¹ Tamże, s. 61.

³² Tamże, s. 108–109.

Jak wynika z przytoczonych przykładów, czasowniki oznaczające myślenie, podobnie jak wskazane wcześniej czasowniki oznaczające patrzenie, używane są przez bohatera-narratora konsekwentnie w formie czasu przeszłego. Konwencja retrospektywna powieści wysuwa na plan pierwszy nie tyle wydarzenia, które miały miejsce w przeszłości, ile przede wszystkim towarzyszące im wówczas subiektywne przemyślenia opowiadacza.

Przywoływane z przeszłości wydarzenia, osoby, miejsca, obiekty, sytuacje stanowią pretekst do odtwarzania przez bohatera-narratora własnych stanów mentalnych i emocjonalnych. A jak zauważa Tadeusz Sławek: „Pamięć jest zawsze zjawiskiem heterogenicznym, to znaczy funkcjonują w niej nie przedmioty, lecz wersje przedmiotów, nie fakty, lecz ich interpretacje, nie droga, lecz drogi”³³. Można zatem wnioskować, że zasadzie tej podlegają również niegdysiejsze przemyślenia, poglądy, przekonania, które w *Nocnych drogach* podlegają osobistemu procesowi asocjacji. Szczególne uprzywilejowanie pamięci opowiadacza daje w efekcie narrację silnie zsubiektywizowaną, która akcentuje pierwsze procesy mentalne. Naturalną tego konsekwencją³⁴ jest przeniesienie w utworze punktu ciężkości z „wydarzenia” na sposób jego percepcji i interpretacji, a dokładniej z pamiętanego wydarzenia na odtwarzany w pamięci sposób jego ówczesnej percepcji i interpretacji. Postawa introspektywna skutkuje aktami nieustannej interpretacji i reinterpretacji przeszłości: „[...] это была моя первая ошибка по отношению к нему; во второй своей ошибке я убедился значительно позже, несколько лет спустя”³⁵; „Я думал тогда, что все мои мысли по поводу жизни [...] и все мои суждения о ней объяснялись в очень значительной степени, именно шоферской работой”³⁶; „Позднее я понял, что она в никакой степени не была исключением»³⁷.

W licznych autokomentarzach bohater-narrator eksponuje rządzącą od zawsze jego przemyśleniami zasadę hipotezy. Jak stwierdza,

³³ T. Sławek, *Мнемозыне. О памяти и zapomнениу*, „Kultura i Społeczeństwo” 1995, nr 39, s. 89.

³⁴ Jak zauważa Michał Głowiński: „[...] już na wczesnym etapie rozwoju powieść w pierwszej osobie nie czyniła z fabuły główną domenę swoich zainteresowań, koncentrując się na tym, co — jakże nieprecyzyjnie i myląco — nazywać się zwykło analizą psychologiczną”. M. Głowiński, *O powieści w pierwszej osobie*, w: tegoż, *Narracje literackie i nieliterackie*, Universitas, Kraków 1997, s. 63.

³⁵ Г. Газданов, *Ночные дороги...*, s. 69.

³⁶ Tamże, s. 153.

³⁷ Tamże, s. 16.

nigdy nie starał się być w swych opiniach wyczerpujący, nie dążył do odkrycia ponadindywidualnych praw rządzących ludzką egzystencją, mimo że ciekawość otaczającego świata budziła w nim takie pragnienia. Towarzyszące widzeniu, patrzeniu, przyglądaniu się procesy mentalne, skutkują zazwyczaj stawianiem hipotez, rodzącymi się wątpliwościami, niepewnością co do przyjętych zasad wnioskowania i prowizorycznością wszelkich sądów:

По бескорыстному моему любопытству ко всему, что окружало меня [...] хотелось понять до конца, мешал, помимо всего остального, недостаток свободного времени [...]. Однако это же обстоятельство дало мне относительное богатство поверхностных впечатлений. У меня не было предвзятого отношения к тому, что я видел, я старался избегать обобщений и выводов [...]³⁸.

Prymat percepcji wzrokowej, wzmożonej aktywności intelektualnej i rządzącej nią zasady hipotezy to trzy elementy indywidualizujące bohatera-narratora *Nocnych dróg*. Należy do nich również, chociaż eksponowana w utworze relatywnie rzadziej, ekspresja werbalna.

Informacja o tym „kto mówi?”, „kto mówi do kogo?”, „kto kiedy mówi?”, „kto mówi jakim językiem?”, „jaki jest autorytet mówiącego?”³⁹ w utworze przekazane zostaje w mowie zależnej i niezależnej, poprzez repliki dialogowe. Te zaś przyjmują formę szczególnie rozbudowaną jedynie w przypadku rozmów bohatera-narratora z kilkoma postaciami, w tym głównie z Platonem — bezdomnym i nadużywającym alkoholu rosyjskim emigrantem — oraz z sześćdziesięcioletnią, ubogą i schorowaną paryską prostytutką Żanną Raldi, niegdyś metresą najpotężniejszych tego świata: arystokratów, polityków, przedsiębiorców.

Wyznaczniki stylistyczne (leksykalne, słowotwórcze, składniowe) oraz zakres tematyczno-problemowy wypowiedzi wymienionych postaci wskazują, że gwarantem ich wzajemnego porozumienia jest wysoka kultura słowa, erudycja, umiejętność argumentacji i skłonność do refleksji. W dyskusjach bohatera-narratora z Platonem i z Raldi dominują lub pojawiają się jako dygresja zagadnienia natury filozoficznej, obyczajowej, społecznej, ale też estetycznej i światopoglądowej. Oto jeden z przykładów:

— Я очень далек от картезианских идей, — сказал Платон, — я считаю, что они принесли большой вред нашей мысли. Возможность полного и яс-

³⁸ Tamże, s. 2, podkreślenia — K.J.

³⁹ Zob. J. Culler, *Teoria literatury...*, s. 101–105.

TENDENCJE MODERNISTYCZNE...

ного ответа на сложный вопрос кажется осуществимой только для ограниченного воображения, это был основной недостаток Декарта⁴⁰.

Przywoływane w wypowiedziach bohaterów nazwiska filozofów, twórców, artystów, a także tytuły dzieł myślicieli, pisarzy i poetów potwierdzają, że pomostem porozumienia pomiędzy bohaterem-narratorem i Platonem oraz Raldi jest analogiczne doświadczenie kultury i zaplecze erudycyjne, nie zaś przeszły czy obecny status społeczny lub materialny:

я подумал об удивительной неправдоподобности этого разговора, участниками которого были проститутка, алкоголик и ночной шафер⁴¹.

[Платон — К.Ж.] был одним из тех пяти или шести человек — за всю мою жизнь, — с которыми я мог подолгу разговаривать⁴².

Она [Ральди — К.Ж.] рассказывала мне свою жизнь, которая вся состоялась из грубейших ошибок и непонятных увлечений, что казалось удивительно при ее необычном, особенно для женщин ее круга, уме. [...] У нее была своя философия — снисходительная и примирительная, она не очень высоко ценила людей, но считала их недостатки естественными⁴³.

Z racji wykonywanego zawodu nocnego taksówkarza bohater-narrator styka się głównie z paryskim półświatkiem: prostytutkami, złodziejami, paserami, klientami domów publicznych. W relacjach z tym środowiskiem pozostaje konsekwentnie zdystansowany, mało mówny, bywa też obcesowy, chętnie przywdziewa maskę ironisty i kpiarza:

Удрал-таки, сукин сын, — сказал он с внезапным озлоблением, — что вы скажете?

— Кот, конечно, дрянь — сказал я, — но вот я не очень уверен, стоило ли его воровать? Вы могли попасть в грязную историю⁴⁴.

Opowiadacz *Nocnych dróg* funkcjonuje jednocześnie w planie zdarzeń (bohater) i w płaszczyźnie opowiadania (funkcja pierwszoosobowego narratora)⁴⁵. Co istotne, przedstawione w powieści zda-

⁴⁰ Г. Газданов, *Ночные дороги...*, s. 56.

⁴¹ Тамże, s. 53.

⁴² Тамże, s. 114.

⁴³ Тамże, s. 50.

⁴⁴ Тамże, s. 41–42.

⁴⁵ Por. W. Bolecki, *Poetycki model prozy...*, s. 103–104.

rzenia stanowią często rodzaj zaczynu czy pretekstu do obszernego narracyjnego komentarza. Ten, spowalniając fabułę, wysuwa na plan pierwszy obraz przestrzeni mentalnej narratora. Podwójna rola: narratora i jednocześnie bohatera powieści sprawia, że jako bohater (plan fabuły), percypuje on zjawiska otaczającej go rzeczywistości. Jednocześnie jako medium narracji kształtuje „obraz” świata przedstawionego poprzez wprowadzenie własnych wyznaczników jego sensualności: akustycznej, wizualnej, taktylnej, zapachowej⁴⁶, innymi słowy: „To w opowieści narratora pojawiają się [...] dane sensualne dostępne bohaterowi”⁴⁷:

все коротко остриженные, все в одинаковых с и н и х костюмах, сшитых, по-видимому, у одного и того же портного, все в белых крахмальных воротничках, резко выделявшихся на красноватых, крепких шеях. Они пили красное вино и хором пели песни, из которых мне запомнилась одна, особенно жалобная [...]⁴⁸

Еще через час началось пение, Федорченко взобрался на стул и стал дирижировать, Сюзанна кричала пронзительным голосом [...] Васильев [...] пытался рассказывать очень тихим голосом все о тех же эмиссах⁴⁹.

Występujące w powieści opisy cechuje nadorganizacja wypowiedzi w stosunku do jej zawartości *stricte* informacyjnej. W partiach opisowych dominują epitety: modyfikujące i tautologiczne, nacechowane oraz nienacechowane metaforycznie⁵⁰, które służą przekazaniu jakości percypowanego — głównie zmysłem wzroku, rzadziej: zapachu, dotyku i słuchu — obiektu rzeczywistości pozajęzykowej⁵¹. Z kolei spiętrzenie epitetów — również charakterystyczne dla analizowanej powieści — służy uszczegółowieniu charakterystyk, uwypukleniu cech, podkreśleniu jakości opisywanych obiektów, zjawisk etc. Oto kilka przykładów:

⁴⁶ M. Rembowska-Pluciennik, *W cudzej skórze. Fokalizacja zmysłowa a literackie reprezentacje doświadczeń sensualnych*, w: W. Bolecki, E. Nawrocka (red.), *Literackie reprezentacje doświadczenia*, Wydawnictwo IBL, Warszawa 2007, s. 54.

⁴⁷ Tamże, s. 55.

⁴⁸ Г. Газданов, *Ночные дороги...*, s. 76.

⁴⁹ Tamże, s. 92.

⁵⁰ Zob.: A. Rejter, *Epitet w twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego*, „Język Artystyczny” 2001, nr 11.

⁵¹ Tamże.

TENDENCJE MODERNISTYCZNE...

сидели ее родственники, приехавшие за сотни километров из деревни и привезшие с собой воскресные костюмы и обветренные, крестьянские неподвижные лица⁵².

я, может быть, не сказал бы этого если бы Платон [...] не пребывал бы в том небытии, сохранившем призрачный и обманчивый облик подлинной жизни [...]⁵³.

Я любил эти кварталы больше других за их ночное безмолвие, за строгое однообразие их высоких домов, за те каменные пропасти между ними [...]⁵⁴.

На его лице было задумчивое выражение, чрезвычайно для него неестественное, настолько неожиданное и нелепое, что оно мне показалось столь же необыкновенным, как если бы я вдруг увидел усы на физиономии женщины⁵⁵.

Mimo że, jak stwierdza Stefan Morawski, „nie ma jednej *praxis* twórczej, którą można by potraktować jako wzorcowo modernistyczną”⁵⁶, przeprowadzona tu analiza i interpretacja techniki narracyjnej powieści Gajto Gazdanowa *Nocne drogi* pełni funkcję zaplecza argumentacyjnego dla tezy o modernistycznej proveniencji utworu i jego gatunkowej niejednorodności. Jest również głosem polemicznym wobec twierdzenia rosyjskiej badaczki Jeleny Proskurinej, zgodnie z którym powieść *Nocne drogi* wykazuje cechy charakterystyczne dla utworów neorealizmu⁵⁷.

Znaszych dotychczasowych ustaleń wynika, że przedstawienie podporządkowane subiektywnemu punktowi widzenia narratora i jednocześnie bohatera oznacza ograniczenie przedstawionej rzeczywistości do jego świadomości, miejsca w przestrzeni oraz czasie, przede wszystkim zaś do jego pamięci i zmysłu wzroku, co stanowi przejaw relacjonizmu, będącego jedną z dominant modernizmu⁵⁸. W powieści

⁵² Г. Газданов, *Ночные дороги...*, s. 91.

⁵³ Tamże, s. 57, podkreślenia — K.J.

⁵⁴ Tamże, s. 43, podkreślenia — K.J.

⁵⁵ Tamże, s. 98, podkreślenia — K.J.

⁵⁶ S. Morawski, *Na tropach modernizmu jako formacji kulturowej*, „Teksty Drugie” 1994, nr 5/6, s. 63.

⁵⁷ Е.Н. Проскурина, *Черты неorealизма в творчестве Г. Газданова (роман „Ночные дороги” и документальная повесть „На французской земле”*, „Критика и семиотика” 2011, вып. 15.

⁵⁸ Włodzimierz Bolecki wymienia relacjonizm jako jedną z dominant polskiego modernizmu. Zob. W. Bolecki, *Modernizm w literaturze polskiej XX wieku (rekonesans)*, „Teksty Drugie” 2002, nr 4, s. 24.

ważny jest jednak nie tylko i nie tyle sam akt percepcji wzrokowej, ile aktywność intelektualna bohatera-narratora. Impresja⁵⁹ pełni tu bowiem „rolę mediatora pomiędzy danymi zmysłowymi a ideami, rolę, której wynikiem nie jest wiedza pełna i pewna, kompletna i ostateczna, lecz właśnie niekompletność, przypadkowość i niepewność wyników poznania czy każdego sądu o rzeczywistości”⁶⁰. Przypomnijmy, że przemyśleniami, sądami, wnioskami narratora *Nocnych dróg* rządzi zasada hipotezy. Ta zaś, zdaniem Douwe’a W. Fokkema, jako konstrukcja wyrażająca niepewność i prowizoryczność, stanowi, z punktu widzenia kompozycji tekstu literackiego, główną konwencję modernizmu⁶¹.

Szczególne uprzywilejowanie pamięci bohatera-narratora, tak samo jak jego postawa względem wypowiedzi innych postaci, określają zasadnicze elementy semantyki przekazu narracyjnego⁶². Cechująca bohatera-narratora ciągła potrzeba interpretowania i reinterpretowania nagromadzonych wcześniej i ciągle żywych w pamięci doświadczeń: psychicznych, intelektualnych, językowych, lekturowych, politycznych, społecznych⁶³, podobnie jak wyróżniająca go skłonność do refleksji nad zagadnieniami natury etycznej, ontologicznej, estetycznej i historiozoficznej, uzasadniają twierdzenie, że reprezentuje on modernistyczną koncepcję podmiotowości jako człowieka wewnętrznego.

Kolejną przesłanką przemawiającą za odczytaniem utworu *Nocne drogi* w kluczu powieści modernistycznej jest fakt, że w zależności od indywidualnych preferencji czytelnika (w tym profesjonalnego)

⁵⁹ Włodzimierz Bolecki, analizując rozumienie impresjonizmu w literaturze, wskazuje na anglosaską tradycję filozoficzną i literacką. Referując stanowisko Jesse Matz w tej kwestii, badacz pisze: „Zrozumieć problematykę impresjonizmu w literaturze [...] to zrozumieć, co kategoria impresji faktycznie znaczyła dla pisarzy, którzy ją wprowadzili do swojego słownika. A termin ‘impresja’ był dla nich metaforą: żywą i zmienną, nazywającą taki sposób percepcji, w którym sensualizm empiryzmu łączył się z wyobraźnią, z intelektualną refleksją, a czas terażniejszy ze wspomnieniem”. Zob. W. Bolecki, *Impresjonizm w prozie modernizmu. Wstęp do modernizmu w literaturze polskiej XX wieku*, „Teksty Drugie” 2003, nr 4, s. 23.

⁶⁰ W. Bolecki, *Impresjonizm w prozie...*, s. 23.

⁶¹ Zob. D. W. Fokkema, *Historia literatury. Modernizm i Postmodernizm*, przeł. H. Janaszek-Ivaničková, Instytut Kultury, Warszawa 1994, s. 21.

⁶² Zob. W. Bolecki, *Poetycki model prozy w dwudziestoleciu międzywojennym...*, s. 103.

⁶³ Por. W. Bolecki, *Teksty i głosy (z zagadnień poetyki modernizmu)*, „Teksty Drugie” 1996, nr 4, s. 17.

może być ona interpretowana w odmiennych paradygmatach gatunkowych: powieści autobiograficznej, wspomnieniowej, psychologicznej, obyczajowej, środowiskowej czy nawet topograficznej. Hipoteza taka, co oczywiste, wymaga szczegółowego uzasadnienia. Z uwagi na ograniczenia, jakie dyktuje objętość artykułu, wskażę w tym kontekście głównie na ustalenia innych badaczy. Autobiograficzny charakter powieści to teza stawiana przez większość autorów publikacji na temat *Nocnych dróg*. Dla przykładu przytoczmy jedynie dwie wypowiedzi:

Роман автобиографичен, у всех персонажей были свои прототипы в реальной жизни. Лишь под влиянием жены Газданов дал им другие имена, многие из которых весьма прозрачно напоминают подлинные. Так, известный клошар Сократ в книге получил имя Платон, а знаменитая проститутка Жанна Бальди у Газданова носит имя Ральди⁶⁴.

Большинство персонажей «Ночных дорог» [...] не выдуманные фигуры, что также выделяет эти произведения из корпуса «русских» романов писателя, в связи с которыми можно говорить лишь о нескольких действующих лицах, имевших реальных прототипов⁶⁵.

Na psychologizm utworu Gazdanowa zwraca uwagę autorka artykułu *Nочные дороги Гайто Газданова: проблема стиля и жанра*:

Второй из отмеченных выше планов повествования развивается на уровне подсознания героя-рассказчика и, может быть, с той же мерой условности, как и первый („ностальгический”), назван экзистенциальным. В нем [...] темные пропасти человеческой психики, где живут генетически заложенные, таинственные, подчас разрушительные инстинкты⁶⁶.

Z kolei odczytanie *Nocnych dróg* w konwencji powieści środowiskowej, obyczajowej argumentuje na przykład polska badaczka Maria Giej i czyni to już na poziomie tytułu publikacji: *Socjalne „дно” paryskie w powieści Gajto Gazdanowa „Nocne drogi”*⁶⁷.

Hipoteza, zgodnie z którą *Nocne drogi* posiadają cechy powieści topograficznej, czegoś na kształt *itinerarium*, wynika z faktu nagro-

⁶⁴ М.Н. Бычков, *Примечания*, w: Г. Газданов, *Ночные дороги*, http://lib.ru/PROZA/GAZDANOV/gazdanov_night.txt (10.01.2019).

⁶⁵ Е.Н. Проскурина, *Черты неореализма...*, s. 166.

⁶⁶ Ю.В. Бабичева, „Ночные дороги” Гайто Газданова: проблема стиля и жанра, http://www.darial-online.ru/2002_3/babitch.shtml (15.01.2019).

⁶⁷ М. Giej, *Socjalne „дно” paryskie w powieści Gajto Gazdanowa „Nocne drogi”*, Eurolingua & Eurolitteraria 2009, Ústí nad Orlicí, Liberec 2009.

madzenia w utworze nazw ulic, placów, obiektów – punktów orientacyjnych w przestrzeni nocnego Paryża lat 20. XX wieku.

Powieść Gajto Gazdanowa zatytułowana *Nocne drogi* wymyka się jednoznacznyemu kategoryzacji. Jest przykładem artystycznej realizacji nowatorskich tendencji w literaturze przełomu XIX i XX wieku, które w ojczyźnie pisarza zahamowała, a następnie wyrzuciła poza nawias oficjalnego funkcjonowania rewolucja bolszewicka 1917 roku. Autor *Wieczoru u Claire* opuścił Rosję w wieku siedemnastu lat (1920), by nigdy do niej nie powrócić. Należy do pokolenia twórców pierwszej fali emigracji, których dokonania artystyczne przez dziesięciolecie pozostawały nieznane rosyjskiemu i polskiemu odbiorcy. Nie mogły też, ze względów oczywistych, stać się wówczas przedmiotem oficjalnie prowadzonych badań literaturoznawczych. Obecnie, kiedy kanon literatury rosyjskiej ulega rozszczelnieniu i reinterpretacji, proza Gazdanowa ma szansę znaleźć w nim swoje miejsce.

BIBLIOGRAFIA

- Babicheva, Yuliya. “‘Nochnyye dorogi’ Gayto Gazdanova: problema stilya i zhanra.” <http://www.darial-online.ru/2002_3/babitch.shtml>. [Ю.В. Бабицева, Юлия. “‘Ночные дороги’ Гайто Газданова: проблема стиля и жанра” <http://www.darial-online.ru/2002_3/babitch.shtml>].
- Bolecki, Włodzimierz. *Poetycki model prozy w dwudziestoleciu międzywojennym*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź Zakład Narodowy im. Ossolińskich: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1982.
- Bolecki, Włodzimierz. “Modernizm w literaturze polskiej XX wieku (rekonesans).” *Teksty Drugie* 2002, no. 4.
- Bolecki, Włodzimierz. “Impresjonizm w prozie modernizmu. Wstęp do modernizmu w literaturze polskiej XX wieku.” *Teksty Drugie* 2003, no. 4.
- Bolecki, Włodzimierz. “Teksty i głosy (z zagadnień poetyki modernizmu).” *Teksty Drugie* 1996, no. 4.
- Bychkov, Mikhail. “Primechaniya.” *G. Gazdanov, Nochnyye dorochi* <http://lib.ru/PROZA/GAZDANOW/gazdanov_night.txt> (Biblioteka Maksima Moshkova). [Бычков, Михаил. “Примечания.” *Г. Газданов, Ночные дорожи* <http://lib.ru/PROZA/GAZDANOW/gazdanov_night.txt> (Библиотека Максима Мошкова)].
- Culler, Jonathan. *Teoria literatury*. Transl. Bassaj, Maria. Warszawa: Prószyński i S-ka, 1998.
- Dobaczewski, Adam. “Kilka uwag o czasownikach percepcji wzrokowej.” *Prace Językoznawcze* 2000, no. 2 <http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Prace_Językoznawcze/Prace_Językoznawcze-r2000-t2/Prace_Językoznawcze-r2000-t2-s35-43/Prace_Językoznawcze-r2000-t2-s35-43.pdf>.
- Drawicz, Andrzej. Ed. *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997.

TENDENCJE MODERNISTYCZNE...

- Eille, Stanisław. *Światopogląd powieści*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Wrocław Zakład Narodowy im. Ossolińskich: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1973.
- Fast, Piotr. “Drgnienia duszy i nieuchronne przypadki (Gajto Gazdanow: ‘Wieczór u Claire’. ‘Widmo Aleksandra Wolfa’).” *Opcje* 2009, no. 3(76).
- Fokkema, Douwe W. *Historia literatury. Modernizm i Postmodernizm*. Transl. Janaszek-Ivanickova, Halina. Warszawa: Instytut Kultury, 1994.
- Gazdanov, Gayto. “Nochnyye dorogi.” *Sobraniye sochineniy v pyati tomakh*. T. 2: *Roman. Rasskazy. Dokumental’nyya proza*. Moskwa: “ELLITS LAK”, 2009. [Газданов, Гайто. “Ночные дороги.” *Собрание сочинений в пяти томах*. T. 2: *Роман. Рассказы. Документальная проза*. Москва: “ЭЛЛИЦ ЛАК,” 2009].
- Gazdanow, Gajto. *Wieczór u Claire. Widmo Aleksandra Wolfa*. Transl. Chłystowski, Henryk. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2009.
- Giej, Maria. “‘Ya videl mir takim’. Kontseptsiya deystvitel’nosti v tvorchestve Gayto Gazdanova.” Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2008. [Giej, Maria. “Я видел мир таким’. Концепция действительности в творчестве Гайто Газданова.” Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2008].
- Giej, Maria. *Socjalne dno paryskie w powieści Gajto Gazdanowa Nocne drogi. Ústí nad Orlicí: Eurolingua & Eurolitteraria, 2009.*
- Głowiński, Michał. “O powieści w pierwszej osobie.” Głowiński, Michał. *Narracje literackie i nieliterackie*. Kraków: Universitas, 1997.
- Ivantsov, Vladimir. “Lingvopoetika pervogo abzatsa literaturnogo proizvedeniya (povest’ Vladimira Makanina ‘Laz’).” *Szkoła moskiewska w literaturze rosyjskiej*. Ed. Fast, Piotr. Jastrzębska, Piotr. Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Lingwistycznej, 2007 [Иванцов, Владимир. “Лингвопоэтика первого абзаца литературного произведения (повесть Владимира Маканина ‘Лаз’.” *Szkoła moskiewska w literaturze rosyjskiej*. Ред. Fast, Piotr. Jastrzębska, Katarzyna. Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Lingwistycznej, 2007]
- Klimowicz, Tadeusz. *Przewodnik po współczesnej literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917–1996)*. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1996.
- Korwin-Piotrowska, Dorota. *Poetyka — przewodnik po świecie tekstów*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2011.
- Krasavchenko, Tat’yana. Gayto Gazdanov: “Traditsiya i tvorcheskaya individual’nost’.” Gazdanov, Gayto. *Sobraniye sochineniy v pyati tomakh*. T. 4: *Romany. Vystupleniya na radio “Svoboda.” Proza ne opublikovannaya pri zhizni*. Moskwa: ELLIS LAK, 2009. [Красавченко, Татьяна. “Гайто Газданов: “Традиция и творческая индивидуальность.” Газданов, Гайто. *Собрание сочинений в пяти томах*. T. 4: *Романы. Выступления на радио “Свобода.” Проза не опубликованная при жизни*. Москва: ЭЛЛИС ЛАК, 2009]
- Kurkiewicz, Juliusz. “Żyj, jedz befsztyki, całuj kochanki.” *Gazeta Wyborcza* 2009, no. 198.
- Maćkiewicz, Jolanta. “Językowy obraz człowieka jako podmiotu doświadczającego.” *Literackie reprezentacje doświadczenia*. Ed. Bolecki, Włodzimierz. Nawrocka, Ewa. Warszawa: Wydawnictwo IBL, 2007.
- Matveyeva, Yuliya. “Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya Gayto Gazdanov: pisatel’ na peresechenii traditsiy, kul’tur tsivilizatsiy. Vzglyad iz XXI veka.” *NLO* 2004, no. 65 [Матвеева, Юлия. “Международная научная конференция Гайто Газданов: писатель на пересечении традиций, культур цивилизаций. Взгляд из XXI века.”, *НЛО* 2004, no. 65].

- Morawski, Stefan. "Na tropach modernizmu jako formacji kulturowej." *Teksty Drugie* 1994, no. 5–6.
- Ovsyannikova, Assol'. "Nerazgadannyy fenomen Gayto Gazdanova", *Inyye berega* 2018, no. 2(48). [Овсянникова, Assol'. "Неразгаданный феномен Гайто Газданова." *Иные берега* 2018, no. 2(48)].
- Polak, Cezary. "Straszne rosyjskie magdalenki." *Dziennik: Polska, Europa, Świat*, 2009, no. 207.
- Poradecki, Jerzy. "Narrator i narracja w 'Bramach raju' i w 'Idzie skacząc po górach'." *O prozie polskiej XX wieku*. Ed. Hutnikiewicz, Artur. Zaworska, Helena. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Wrocław Zakład Narodowy imienia Ossolińskich: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1971.
- Proskurina, Yelena. Proskurina, Polina. "Avtor, geroy, narrativ v 'russkikh' romnakh G. Gazdanova." *Kritika i semiotika* 2007, no.11 [Проскурина, Елена. Проскурина, Полина. "Автор, герой, нарратив в 'русских' романах Г. Газданова", *Критика и семиотика* 2007, no. 11].
- Proskurina, Yelena. "Cherty neorealizma v tvorchestve G. Gazdanova (roman 'Nochnyye dorogi' i dokumental'naya povest' 'Na frantsuzskoy zemle')." *Kritika i semiotika* 2011, no. 15 <<http://www.philology.ru/literature2/proskurina-11.htm>>. [Проскурина, Елена. "Черты неореализма в творчестве Г. Газданова (роман, 'Ночные дороги' и документальная повесть 'На французской земле')." *Критика и семиотика* 2011, no. 15 <<http://www.philology.ru/literature2/proskurina-11.htm>>].
- Rejter, Artur. "Epitet w twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego." *Język Artystyczny* 2001, no. 11.
- Rembowska-Pluciennik, Magdalena. "W cudzej skórze. Fokalizacja zmysłowa a literackie reprezentacje doświadczeń sensualnych." *Literackie reprezentacje doświadczenia*. Ed. Bolecki, Włodzimierz. Nawrocka, Ewa. Warszawa: Wydawnictwo IBL, 2007.
- Ślawek, Tadeusz. "Mnemozyne. O pamięci i zapomnieniu." *Kultura i Społeczeństwo*, 1995, no. 39.
- Strzałka, Jan. "Powrót Gazdanowa" <<https://www.dwutygodnik.com/artukul/413-powrot-gazdanowa.html>>.
- Wojciechowski Jacek. "Fatum." *Nowe Książki* 2009, no. 11.
- Vozvrashcheniye Gayto Gazdanova*. Ed. Vasil'yeva, Marina. Moskva: Russkiy put', 2000 [*Возвращение Гайто Газданова*. Ed. Васильева, Марина. Москва: Русский путь, 2000].

Катажина Ястржембска

МОДЕРНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОМАНЕ *НОЧНЫЕ ДОРОГИ* ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Резюме

В статье рассматривается художественное своеобразие романа Гайто Газданова *Ночные дороги*. В центре внимания ставится, главным образом, персонализированный повествователь, который является героем произведения, т.е. главным участником сюжетного действия. Анализ повествовательной

TENDENCJE MODERNISTYCZNE...

структуры романа является точкой отправления для интерпретации семантики романа и, одновременно с этим, аргументационной базой тезиса о модернистских тенденциях в романе и его жанровой неоднородности.

Katarzyna Jastrzębska

THE MODERNIST TENDENCIES IN THE NOVEL *NIGHT ROADS* BY GAITO GAZDANOV

Summary

The article analyzes distinguishing characteristics of the novel *Night Road* by Gaito Gazdanov. The main theme of the article is a typical for this novel personal narrative, i.e. where the narrator is a hero and a participant of the events at the same time. The analysis of narrative techniques of this novel is a starting point to determine the semantics of the novel, and simultaneously, it is a base for the thesis that the novel proves modern tendencies and has nonhomogenous genre.

MIROŚŁAWA MICHALSKA-SUCHANEK

Uniwersytet Śląski

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5262-0816>

NAJNOWSZA LITERATURA ROSYJSKO-IZRAELSKA. ZARYS ZAGADNIENIA

Z kolejnymi alijami ze Związku Sowieckiego wyjeżdżały do Izraela setki literatów. Pierwszy ich znaczący napływ miał miejsce na przełomie lat 60. i 70. XX wieku¹. Część przybyłych wówczas do Izraela pisarzy uległa fascynacji tematyką żydowską, biblijną historią Żydów na ich własnej ziemi.

Десять заповедей, высеченных Моисеем на каменной доске, на Синайской горе стали основой нынешней цивилизации — а, значит, и ее культуры, ее литературы. Здесь, к западу от Иордана, это ощущается особенно отчетливо. [...] Как русская литература из гоголевской «Шинели», мы все вышли из Библии²

— odnotowuje Dawid Markisz (pisarz, repatriant z roku 1972). Twórcy ci zawierali w swoich utworach deklaracje przywiązania do własnych korzeni i odzyskanej ojczyzny, przez co z jednej strony legitymizowali swoją narodową tożsamość, z drugiej zaś odreagowywali rozwijający się wówczas w Związku Sowieckim antysemityzm. Większość

¹ Po wojnie sześciodniowej, tj. trzeciej wojnie izraelsko-arabskiej w 1967 roku, nastąpiła krótkotrwała odwilż w stosunkach rosyjsko-izraelskich, czego rezultatem stał się napływ do Izraela ok. 200 tysięcy rosyjskich Żydów, w tym wielu przedstawicieli świata kultury. Zob. M. Tolts, *The Post-Soviet Jewish Population in Russia and in the World*, https://www.researchgate.net/publication/283926971_The_post-soviet_Jewish_population_in_Russia_and_the_world (30.06.2019).

² Д. Маркиш, *Израильско-русская литература или русско-израильские писатели?*, „Лехаим”, январь 2001, тевес 5761, nr 1 (105), <https://lechaim.ru/ARHIV/105/markish.htm> (30.06.2019).

ówczesnych pisarzy-repatriantów kontynuowała jednak działalność literacką w kształcie sprzed alii, tj. prezentowała kolejną odsłonę dobrze oswojonej literatury zaangażowanej o charakterze minorowym – opozycyjnej, antysowieckiej, demaskującej najmniejsze przejawy antysemityzmu.

Upadek komunizmu w Europie Wschodniej otworzył nowy rozdział w historii rosyjskiej repatriacji do Izraela. Wielka Alija przełomu lat 80. i 90. mocno rozszerzyła tamtejszą przestrzeń literacką, tworząc potencjał, który powoli acz konsekwentnie zmieniał charakter rosyjsko-izraelskiej literatury³. Środowisko literackie zostało wówczas zasilone przez nowe pokolenie (właściwie pokolenia) – osoby urodzone w latach 50., 60., a nawet 70. (ci ostatni jako pisarze kształtowali się już w Izraelu), wolne – co nie jest bez znaczenia – od traumatycznych doświadczeń uczestników poprzedniej alii. Reprezentowali także diametralnie inną niż „siemidziesiątniki” konstrukcję mentalnościową, którą Markisz nie bez goryczy diagnozuje jako cyniczną umiejętność odnajdywania się we współczesnym świecie:

Новые репатрианты, приехавшие из другой России, привезли с собой новых писателей — других. Эти другие писатели, хорошо разбирающиеся в живой проблеме спонсоров, тусовок и бандитских разборок посреди бела дня, куда ближе интересам и пониманию репатриантов 90-х годов, чем ретрограды — „семидесятники”⁴.

Eksplozja „nowej powieści” przypada na pierwsze dziesięciolecie XXI wieku, za sprawą przede wszystkim: Aleksandra Goldsztejna, Nekoda Singera, Jelizawiey Michailczenko i Jurija Nesisa, Michaiła Judsona, Aleksandra Barasza oraz Denisa Sobolewa. Roman Katsman – jeden z ważniejszych badaczy tego zagadnienia – główną determinantę przeobrażenia rosyjskojęzycznej literatury w Izraelu widzi

³ U schyłku lat 90. liczba byłych obywateli Związku Sowieckiego, którzy przekroczyli granicę państwa Izrael, osiągnęła milion. Zob. R. Tarasiuk, *Aspiracje polityczne społeczności rosyjskiej w Izraelu*, https://repozytorium.uph.edu.pl/bitstream/handle/11331/1135/Tarasiuk.R_Aspiracje_polityczne_spolecznosci.pdf?sequence=1 (30.06.2019). Z tej liczby ponad dwieście osób umieszczonych zostało na liście członków Związku Pisarzy Rosyjskojęzycznych Izraela. A trzeba pamiętać, że wiele nazwisk czynnych literatów z różnych względów na niej się znalazło. Zob. A. Lenart, *Kultura literacka rosyjskojęzycznego Izraela. Spory wokół „narodowości” literatury*, „Archiwum Emigracji: Studia — Szkice — Dokumenty” 2014, z. 1–2 (20–21), https://www.bu.umk.pl/Archiwum_Emigracji/gazeta/ae_20/08_Lenart.pdf (20.07.2019).

⁴ Д. Маркиш, *Израильско-русская литература...*

w mającym miejsce w dwóch ostatnich dekadach procesie jej demarginalizacji⁵.

Jeśli marginalizację definiuje się jako powstawanie grup marginalnych, to demarginalizacja — proces o przeciwnym wektorze — oznacza zanikanie takiej grupy i/lub proces wyprowadzający ją poza przestrzeń uznawaną za marginalną⁶. Zgodnie z koncepcją Freda Mahlera za przeciwieństwo marginalizacji — czyli również skutek procesu demarginalizacji — należy uważać partycypację, uczestnictwo⁷. W odniesieniu do rosyjsko-izraelskiej literatury od razu rodzi się jednak pytanie: partycypacja w czym? W literaturze izraelskiej? Czy może rosyjskiej tworzonej w Rosji? Najnowsza twórczość „rosyjskiego Izraela” nie wpisuje się w żadną z wymienionych opcji. W Izraelu pozostaje bytem odizolowanym, hermetycznym, literatura izraelska bowiem nie wchodzi z nią w dialog i raczej się to nie zmieni⁸. O ile na język rosyjski przekładane są ważne utwory na przykład Amosa Oza, Meira Shaleva, Davida Grossmana i innych, o tyle rosyjskojęzycznych twórców na hebrajski tłumaczy się rzadko⁹. W literaturoznawstwie izraelskim twórczość „rosyjskiego Izraela” odbiera się jako marginalną wobec głównego nurtu literatury, tworzonej w języku hebrajskim, i sytuuje się ją w otoczeniu wytworów literatury arabsko-izraelskiej i hebrajskiej, powstającej wśród emigrantów z państw Bliskiego Wschodu i północnej Afryki¹⁰. Postrzeganie literatury rosyjsko-izraelskiej jako marginalnej jest oczywiście spojrzeniem subiektywnym, czynionym z punktu widzenia izraelskiego życia literackiego i nie powinno być traktowane jako obiektywne jej pozycjonowanie. To, że tak być nie powinno, wcale jednak nie oznacza, że tak nie jest.

Inne zagadnienie stanowi usytuowanie twórczości „rosyjskiego Izraela” wobec literatury rosyjskiej tworzonej w Rosji. Twórcy ży-

⁵ Zob. R. Katsman, *Demarginalization of Contemporary Russophone Literature in Israel*, http://www.academia.edu/35544512/Demarginalization_of_Contemporary_Russophone_Literature_in_Israel (25.06.2019).

⁶ Zob. E. Goffman, *Piętno. Rozważania o zranionej tożsamości*, przeł. J. Tokarska-Bakir, Gdańskie Wydawnictwo Pedagogiczne, Gdańsk 2005, s. 26.

⁷ Zob. R. Szarfenberg, *Marginalizacja i wykluczenie społeczne — panorama językowo-teoretyczna*, http://rszarf.ips.uw.edu.pl/pdf/miws_panorama.pdf (22.07.2019).

⁸ Zob. Л. Финкель, *Русскоязычная литература в израильском контексте*, w: A. Woźniak (red.), *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty — estetyka — recepcja*, KUL, Lublin 2013, s. 119.

⁹ Zob. tamże, s. 121.

¹⁰ Zob. R. Katsman, *Demarginalization of Contemporary Russophone Literature in Israel...*

dowskiego pochodzenia, którzy czuli się pisarzami rosyjskimi i takimi chcieli pozostać, skorzystali z możliwości wyjazdu ze Związku Sowieckiego (zwłaszcza w latach 70.), ale przyczyną ich decyzji o opuszczeniu kraju była ucieczka od ojczyzny-macochy, antysemityzmu, cenzury, od życia w państwie, które nie pozwalało im czuć się „homo-humanus, istnieć dla siebie i dla społeczeństwa”¹¹. Ci żydowscy twórcy wyjeżdżali nie do Izraela, lecz przeważnie do Stanów Zjednoczonych, Francji lub Niemiec, gdzie zyskując formalny status emigranta, pozostawiali nieodłączną częścią literatury rosyjskiej, tj. tworzyli w języku rosyjskim, pisali o Rosji i przede wszystkim dla rosyjskiego czytelnika. Alija przełomu lat 80. i 90. miała inny charakter, przybrała formę masowego świadomego powrotu do narodowego prairódła, „ojczyzny swoich ojców” (takie znaczenie Żydzi nadają słowu alija, hebr. עלייה, dosłownie: wstąpienie, wznoszenie się¹²).

Najnowsza twórczość „rosyjskiego Izraela” nie orientuje się na rzeczywistość Rosji i na rosyjskiego odbiorcę (choć wiele rosyjskich wydawnictw chętnie drukuje utwory rosyjskojęzycznych pisarzy izraelskich, by wymienić takiego potentata na rosyjskim rynku wydawniczym, jak Eksmo (Эксмо), które od lat wydaje prozę Diny Rubiny), jej potencjalnymi adresatami są mówiący po rosyjsku obywatele państwa Izrael od lat żyjący w realiach kultury innej niż rosyjska. Michaił Gendelew (poeta, pisarz, repatriant z roku 1977) podsumowuje: „Мы описываем израильскую действительность, исходя из нашего уже израильского или еврейского опыта, пользуясь языком, которым лучше (в силу обстоятельств) владеем, зная, что нас читают”¹³. Językowi przypisuje on rolę wyłącznie instrumentalną. Wiele dekad wcześniej podobny pogląd głosił literaturoznawca, krytyk i publicysta — Wasilij Lwow-Rogaczewskij. Nawiązując do przekonań narodowego wieszczka Izraela, współtwórcy procesu rewersakularyzacji języka hebrajskiego, Chaima Bialika, podkreślał, że język, w jakim tworzy się literaturę, pełni rolę wtórną,

¹¹ A. Lenart, *Kultura literacka rosyjskojęzycznego Izraela...*

¹² Alija la-Tora (dosł. wstępowanie ku Torze) — wezwanie na bimę w celu publicznego odczytania fragmentu Tory. Bima jest rodzajem podium w kształcie namiotu, albo też altany z balustradą lub kratą i baldachimem, które ustawione jest w centrum synagogi, z tego miejsca odczytuje się Torę i prowadzi modły. Na bimę wchodzi się po stopniach, stąd „wstąpienie ku Torze”. Zob. *Polski słownik judaistyczny*, Żydowski Instytut Historyczny, [https://www.jhi.pl/psj/alij\(j\)a](https://www.jhi.pl/psj/alij(j)a); <https://www.jhi.pl/psj/bima> (30.07.2019).

¹³ М. Генделев, *Русскоязычная литература Израиля*, <http://gendelev.org/proza/o-literature/370-literatura-doklad.html> (25.06.2019).

gdyż o narodowym charakterze dzieła decyduje przede wszystkim więź autora z narodem, przywiązanie do jego korzeni, ducha i kultury:

Национальность литературного произведения определяется не языком, на котором оно появилось, а господствующим настроением автора, его тягой к определенному народу, сродством души автора с душой родного народа, с его культурой, устремлением к прошлому, настоящему и будущему этого народа; определяется ответом на вопрос, для кого он работает и чьи национальные интересы защищает¹⁴.

Powróćmy jednak do pojęcia marginalizacji. W kontekście tego, co powiedziano wyżej, oznaczałaby ona postrzeganie ogromnej masy izraelskich rosyjskojęzycznych twórców jako grupy zepchniętej na margines życia literackiego zarówno w Izraelu, jak i w Rosji. Proces demarginalizacji należałoby, co za tym idzie, pojmować jako intensywne wyzbywanie się iluzji dotyczących relacji z literaturą izraelską (odejście od prób wpisania się w izraelską hierarchię literacką, czyli mówiąc kolokwialnie stawania z nią w szranki) i nostalgii w odniesieniu do rosyjskiej.

„Нельзя замыкаться в культуре пусть и великой, надо понять, что в мире нет провинций, а есть только провинциалы”¹⁵ — punktuje Leonid Finkel. Tym właśnie tropem podąża Katsman i łączy demarginalizację z procesem transformacji „geografii literackiej”. Proponuje przekształcenie dotychczasowej dwubiegunowej mapy centrum–peryferie (margines) w „wielowymiarową, kognitywną mapę wielu kulturowych światów”¹⁶. Przeciwstawienie dwóch biegunów, tj. centrum i peryferii, gdzie centrum (w tym przypadku dwa centra) oznacza literatury rosyjską i izraelską, tworzoną w języku hebrajskim, a peryferie twórczość „rosyjskiego Izraela”, badacz zastępuje współistnieniem odrębnych kulturowych światów. Przy tym, o ile osiągnięcie stosunku równorzędności między literaturą rosyjsko-izraelską, a dwiema literaturami dotychczas uznawanymi za centralne należy do dalekiej przyszłości (jeśli w ogóle jest możliwe), o tyle relacja podrzędności już uległa (ulega) zatarciu.

¹⁴ В. Львов-Рогачевский, *Русско-еврейская литература*, Московское отделение государственного издательства, Москва 1922, s. 49, https://imwerden.de/pdf/lvov-rogachevsky_russko-evrejskaya_literatura_1922__ocr.pdf (26.07.2019).

¹⁵ Л. Финкель, *Русскоязычная литература...*, s. 120.

¹⁶ R. Katsman, *Demarginalization of Contemporary Russophone Literature in Israel...* (przeł. M.M.-S.)

Niemalą rolę w weryfikacji pojęcia literatury marginalnej czy peryferyjnej odegrał rozwój Internetu. Jego globalny zasięg skutecznie przeobraża to, co Katsman nazywa „geografią literacką”, jako że dynamicznie rozszerza obecność rosyjsko-izraelskich pisarzy i poetów na światowym literackim rynku, zwłaszcza jeśli pamiętać o ich wyjątkowej aktywności w sieci.

Najnowszej literatury rosyjsko-izraelskiej nie należy zatem kategoryzować jako literatury marginalnej, peryferyjnej, ponieważ nie wpisuje się ani w rosyjską, ani w izraelską hierarchię literacką, wolna jest też od dekadentckiego nacechowania literatury emigracyjnej i nade wszystko nie jest literaturą mniejszą, minorową, ponieważ nie próbuje przemawiać do rosyjskiej większości językowej w imieniu żydowskiej (izraelskiej) mniejszości. Ta ostatnia refleksja od pewnego czasu szeroko rezonuje w pracach literaturoznawczych przywoływanego już tutaj Romana Katsmana¹⁷.

Minoryzację literatury należy rozumieć jako eksponowanie stosunku podrzędności mniejszości wobec większości w tekstach pisanych w języku narodowym tejże większości. Jest to literatura upolityczniona, nacechowana ideologicznie, jak na przykład rosyjsko-żydowska twórczość w Rosji przed rewolucją 1917 roku, a także w Związku Sowieckim i wśród emigracji w okresie poprzedzającym rozpad sowieckiego imperium, gdzie ewoluowała od tekstów mniejszości odzwierciedlających ideologię większości do literatury wobec nich opozycyjnej. Minorowość literatury kojarzy się z wyobcowaniem, nawet odrzuceniem, w najlepszym przypadku lekceważącym wobec niej dystansem. Za nadrzędny cel taka literatura wyznacza sobie pokonanie statusu twórczości „obcej”, nie-swojej. O zjawisku tym można mówić w szerokim wymiarze jako o relacji między literaturami, jak i w wąskim, czego znamieny przykład stanowi narracja o walce bohaterów z przeciwnościami wynikającymi z życia w obcym świecie i z konsekwencjami odrzucenia. Taką twórczość, będącą izraelską odśłoną powstającej dotąd w Związku Sowieckim nieoficjalnej antysowieckiej literatury, prezentowała — o czym już była mowa — alija przełomu lat 60. i 70. Przełom wieków przyniósł zmianę kontekstu politycznego, straciło więc aktualność myślenie o literaturze jako narzędziu kontestacji i miejscu, które odzwierciedlałoby, napędzane między innymi antysemicką polityką napięcie pomiędzy centrum (Związkiem Sowieckim) a peryferium — „rosyjskojęzycznym Izraelem”. Stopniowo

¹⁷ Zob. tamże.

więc — w sposób niejako naturalny — rozpoczął się proces redukcji cech minorowych.

Deminoryzacja rosyjsko-izraelskiej literatury odbywa się głównie (choć nie tylko) poprzez rewizję tematyki. Przede wszystkim należy powiedzieć o jej odpolitycznieniu. Literatura dawno odeszła od emigranckiego, antysowieckiego patosu utworów Eli Luksemburga i Dawida Markisza, zastępując go antyheroizmem i ikonoklastycznością. „Emigrancki” dyskurs wciąż jeszcze da się dostrzec, ale w konstrukcji świata przedstawionego utracił pozycję dominującą i jak metaforycznie ujmując to Katsman: „[...] всплывает как еще один остров в цепи историко-нарративного архипелага, как еще одна опирающаяся в стенку боковая лестница в Городе бессмертных”¹⁸. A i tu dochodzi do gradacji — o ile w utworach takich pisarzy jak Dina Rubina, Nekod Singer i Michaił Yudson wciąż obecna jest pamięć o przeszłości (głównie skoncentrowanej w obrazach miast), o tyle twórczość Dennisa Sobolewa wolna jest od nostalgii wobec pierwszej ojczyzny (zapewne nie bez znaczenia pozostaje fakt, że pisarz emigrował z Rosji jako dwudziestolatek i całe swoje dorosłe życie spędził już w Izraelu). Z najnowszej literatury rosyjsko-izraelskiej zniknęły — w swoim charakterze minorowe — wątki rosyjsko-żydowskie, rysowane na tle rosyjsko-żydowskiej, sowieckiej mentalności, nie opowiada się już o bohaterach, tkwiących w obcym, wrogim sowieckim świecie, z którego pragną uciec, nie pojawia się — intensywnie wcześniej wykorzystywany — motyw władzy jako ucieleśnienia zła.

Rosyjsko-izraelska literatura równoległe z procesem deminoryzacji podlega dewiktylizacji¹⁹, stanowiącej — zgodnie z koncepcją Katsmana — kolejne ważne narzędzie demarginalizacyjne. Zakłada ona odejście od typowego dla literatury emigracyjnej elementu dekadentckiej ofiarności²⁰. Typowy bohater ulega przekształceniu z ofiary w pełnoprawnego uczestnika konfliktu poprzez anihilację dominują-

¹⁸ P. Кацман, *Иерусалим: диссипативный роман Дениса Соболева*, <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/1/ierusalim-dissipativnyj-roman-denisa-soboleva.html> (25.06.2019).

¹⁹ Opisowi nowego paradygmatu „a-wiktylizacyjnego” literatury rosyjsko-izraelskiej Katsman poświęcił artykuł: *Кризис виктимной парадигмы (случай новейшей русско-израильской литературы)*, „Studia Rusycystyczne” 2017, nr 27, s. 9–28.

²⁰ Zob. B. Waligórska-Olejniczak, *Życie woli barwy złamane i wielokropek. O zbiorze Z Rosji do Izraela. Opowiadania*, „Iudaica Russica” 2019, nr 1(2), s. 118 (recenzja książki: *Z Rosji do Izraela*, wyb. i opr. M. Michalska-Suchanek, A. Lenart, „Śląsk” – Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, Katowice 2018).

cej dotąd opozycji: ofiara–kat i towarzyszących jej motywów ofiarności i heroizmu²¹. Istota procesu tkwi w wyjściu poza schemat myślenia, samoświadomości i mentalności ofiary, ale także w blokowaniu gestu agresji, przez co postać uwalnia się jednocześnie od obu członów wskazanej wyżej antynomii.

Kluczowy wpływ na charakter najnowszej rosyjsko-izraelskiej literatury ma tożsamościowa identyfikacja jej twórców. Zygmund Bauman podkreśla, że tożsamość nie jest jednostce dana, przeciwnie — jest czymś, co się konstruuje, jest rodzajem zadania do wykonania²², stanowi świadomy (bądź nie) proces samokreacji. W określaniu tożsamości kapitalne znaczenie przybiera wartościowanie kulturowe. To właśnie poczucie silnego związku z kulturą etniczną lub narodową uznawaną za własną jest tu punktem wyjścia — dalej na różnych poziomach i w różnych sferach życia pozyskiwane są elementy składające się na samookreślenie, które finalnie łączą się z czynnikami psychicznymi i kształtują tożsamość²³.

W przypadku „rosyjskiego Izraela” deklaracja tożsamościowej identyfikacji nie była prosta. Trudne okazywało się zwłaszcza jednoznaczne określenie wspomnianej walencji kulturowej. Jaką kulturę uznać można (należy) za własną: etniczną? narodową? żydowską? rosyjską? Czy istnieją jakieś kryteria obiektywne czy rzecz tylko w afirmacji? Przywołajmy po raz kolejny Baumana: „Pytanie o tożsamość wyrasta z odczucia chybotliwości istnienia, jego manipulowalności, niedookreślenia, niepewności i nieostateczności wszelkich form, jakie przybrało”²⁴. Uczucie tożsamościowej „niepewności” i „chybotliwości” dotykało pisarzy „rosyjskiego Izraela” w różnym stopniu i przyjmowało najrozmaitsze formy, ale — co najważniejsze — ewoluowało. Przywołajmy wyimki z dwóch powieści Diny Rubiny, bodaj jedynej rosyjsko-izraelskiej pisarki, która zyskała sporą popularność na polskim rynku wydawniczym. W powieści z roku 1999 *Oto idzie Mesjasz!* dopiero pełne uświadomienie sobie przez bohaterkę (Ziamę) silnej więzi z dziadkiem-Żydem staje się przypieczętowaniem jej poczucia narodowej tożsamości i jednocześnie uwieńczeniem długich

²¹ Zob. R. Katsman, *Demarginalization of Contemporary Russophone Literature in Israel...*

²² Zob. Z. Bauman, *Dwa szkice o moralności ponowoczesnej*, przeł. J. Bauman, Instytut Kultury, Warszawa 1994, s. 9.

²³ Zob. J. Nikitorowicz, *Typy tożsamości człowieka w społeczeństwie zróżnicowanym kulturowo*, <http://bazhum.muzhp.pl/media//files/Chowanna/Chowanna-r2003-t1/Chowanna-r2003-t1-s50-66/Chowanna-r2003-t1-s50-66.pdf> (30.07.2019).

²⁴ Z. Bauman, *Dwa szkice o moralności...*

poszukiwań związanych z samookreśleniem. Tak oto w przypadku Ziamy Baumanowskie zadanie zostało w stu procentach wykonane:

Все было правильно: мозаичный узор судьбы подбирался по камушку, складывался медленно и старательно. И — поняла она — удивительно верно. В первые же дни она ощутила себя камушком, точно вставленным в изгиб узора огромного мозаичного панно, кусочком смальты, которые подбирает рука Того, кто задумал весь узо²⁵.

Myśl tę Rubina kontynuuje w kolejnym — mocno emocjonalnie nacechowanym — passusie. Na pytanie, czym różni się życie Żydów na ziemiach gojów od życia na własnej ziemi, odpowiada głosem jednego z bohaterów:

Тем, что твоя фамилия может прожить там тысячу лет, и полить кровью, и удобрить прахом своих поколений. Но все равно придет день, когда та земля крикнет тебе: ‚Грязный вонючий жид! Убирайся с моего тела! Она будет орать тебе это в лицо, даже когда ты упадешь на нее на поле боя, она отравит тебе этим воплем последние минуты жизни, и ты умрешь с горечью в сердце, даже не зная — как читается «Шма Исраель» [...]. А твоя земля... Ты мог болтаться вдали от нее тысячу и две тысячи лет, но когда ты все таки вернешься сюда из прекрасного города своего детства и своей юности [...] она отверзает для тебя свое лоно и рождает тебе [...] А когда ты умираешь, она принимает тебя в последнее объятие и шепчет тебе слова кадиша — единственные слова, которые жаждет услышать твоя душа... Вот что такое эта земля — для тебя²⁶.

Bohaterka *Syndykatu*, powieści Rubiny z roku 2008, nie odczuwa już żadnych tożsamościowych dylematów, doskonale wie, kim jest i gdzie jest jej miejsce. Z palety wykorzystywanych przez pisarkę motywów znika nostalgiczny obraz pierwszej ojczyzny, a co więcej, współczesna Rosja staje się w powieści obiektem demaskatorskiego, prześmiewczego opisu. Narratorka *Syndykatu* postrzega świat z perspektywy kogoś, kto nie zna aktualnych rosyjskich realiów społeczno-obyczajowych, co czyni ją osobą szczególnie wyczuloną na wszelkiego rodzaju anomalie i pozwala dostrzegać to, co Rosjanom ginie

²⁵ Д. Рубина, *Вот идет Мессия!*, http://loveread.ec/read_book.php?id=1933&p=1 (30.07.2019). W takim samym kontekście motyw mozaiki wykorzystwała Nina Roźdniestwenska w szkicu *Между двумя концами света*. Opowiada o własnych doświadczeniach w oswojaniu Izraela, o elementach mozaiki, które powoli, ale do skutku układały się w harmonijną całość. Н. Рождественская, *Между двумя концами света*, w: Л. Финкель (red.), *Высокие врата*, Культурный центр города Ашкелона, Ашкелон 2013, s. 195–196.

²⁶ Д. Рубина, *Вот идет Мессия!*...

w codziennym oglądzie. Odślania więc absurdu rzeczywistości Rosji – „mało przyjemnego kraju” (w oryginale brzmi to dosadniej – „безумной России”). W powieści czytamy: „[...] zdarza się, i nawet dość często, że chcę się uszczypnąć albo wbić sobie szpilkę – tak to wszystko przypomina mi sen [...]”²⁷. Realny w *Syndykacie* jest tylko Izrael. Jerozolimskie kadry powieści cechuje ton ciepły, sentymentalny, który mocno akcentuje więź z nową (prawdziwą) ojczyzną.

Dennis Sobolev w powieści z 2005 roku zatytułowanej *Jerozolimma* (w części *Lekedem*) przywołuje postać Wiecznego Żyda. Bohater utworu, uosobienie mitu, żyje i umiera w Wiecznym Mieście, czyli tam, gdzie zgodnie ze średniowiecznymi przekazami przebywać nie miał prawa. Osadzenie go przez Sobolewa właśnie w Jerozolimie, w kontekście masowego powrotu Żydów do Erec Israel, odczytać można jako znak zakończenia wielowiekowego wygnania, symboliczne zatarcie pięt na jednocześnie ofiary i metafizycznej winy.

O tożsamościowej identyfikacji „rosyjskiego Izraela” świadczy również konsekwentne posługiwanie się przez jego przedstawicieli określeniami: repatriacja, repatriant, a przede wszystkim alija, a więc nie emigracja, którą pojmuje się jako opuszczenie własnego kraju, lecz jako powrót do pierwotnej ojczyzny, do ziemi ojców. „У каждого еврея древняя история живет внутри”²⁸ – pisze Josif Kelejnikow. Wielka Alija uaktywniła rodzaj prapamięci czy pamięci etnicznej, tj. przenoszonej z pokolenia na pokolenie archaicznej pamięci o żydowskich korzeniach. Między repatriacją a emigracją rozciąga się przepaść również w sferze emocjonalnej. Stefan Zweig, Austriak żydowskiego pochodzenia, poeta, dramaturg, prozaik, żyjący na emigracji w Brazylii tuż przed swoją samobójczą śmiercią wyznaje:

С того дня как мне пришлось жить по чужим, собственно говоря, документам и паспортам, я уже никогда не ощущал, что принадлежу сам себе. Что-то навсегда надломилось в моем естественном самоотоджествлении с изначальным собственным я. [...] и сегодня меня, космополита, не покидает чувство, будто я обязан испытывать особую благодарность за каждый глоток воздуха, который вдыхаю, отнимая его у чужого народа²⁹.

Symptomatyczne, jak bardzo słowa Zweiga przypominają cytowany wcześniej fragment powieści Rubiny.

²⁷ D. Rubina, *Syndykat*, przeł. M. Bartosik, Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA, Warszawa 2008, s. 203.

²⁸ И. Келейников, *Тель-Шева*, w: Л. Финкель (red.), *Высокие врата...*, s. 208.

²⁹ Cyt. za: Л. Финкель, *Русскоязычная литература...*, s.117.

W najnowszej rosyjsko-izraelskiej literaturze pojawia się element — nazwijmy to — socjalizacji. Znika motyw wyobcowania bohatera z rzeczywistości, w której żyje — jest to już jego świat. Obrazy „obcości” zostają zastąpione finalnym aktem procesu intelektualnej i kulturowej asymilacji, całkowicie — co ważne z punktu widzenia de-minoryzacji — pozbawionej śladów ideologii i polityki. Katsman pisze o intensywnym „вживании в различные сферы израильского социума”; „вживании в израильскую почву”³⁰. Tworzenie nowego czasowo-przestrzennego kontinuum wynika z nowego usytuowania bohatera — jego postawa wobec świata zostaje zastąpiona jego istnieniem w świecie. Zrezygnowano przy tym z uproszczonego socjologizmu na rzecz nonkonformistycznej prozy — wieloznacznej, wypełnionej intelektualną autorefleksją. Sama zmiana tematyki — trzeba pamiętać — nie sprawia, że literatura przestaje być minorowa. Rzecz należy rozpatrywać w szerszym wymiarze, jest to raczej zmiana świadomości, punktu widzenia, swojego rodzaju ewolucja mentalnościowa.

Literatura wchodzi na wyższy poziom postrzegania rzeczywistości, rozszerza spektrum oglądu świata i ewoluuje w kierunku nasyconego myślą filozoficzną uniwersalizmu. Ową zmianę koncepcji literatury, rozszerzenie jej semantycznego spectrum, wejście na wyższy poziom postrzegania rzeczywistości i niejako osadzenie jej wymowy (interpretacji) w wymiarze „globalnym” (problemy Żydów w ogóle, problemy świata i ludzkości etc.) Katsman postrzega jako elementy pozwalające na zaliczenie najnowszej twórczości „rosyjskiego Izraela” do literatur majorowych, a właściwie bimajorowych³¹. Tworzący rosyjsko-izraelską literaturę pisarz-Żyd należy jednocześnie do dwóch większości, które reprezentują konkretną realność kulturową, funkcjonującą w świecie wypełnionym znaczącymi faktami i obiektami. Ze względu na miejsce, w którym żyje, jest on częścią większości żydowskiej (izraelskiej), nie przestając jednocześnie być częścią, choćby ze względu na miejsce urodzenia i język, którym się posługuje, większości rosyjskiej. Przy tym dochodzi do paradoksu — twórczość „rosyjskiego Izraela” z jednej strony jest literaturą zarówno rosyjską, jak i izraelską równocześnie, ostatecznie jednak nie będąc do końca ani jedną, ani drugą. Bimajorowość najnowszej literatury rosyjsko-izraelskiej nie wyklucza jej istnienia — powtórzmy — jako odrębne-

³⁰ R. Katsman, *Demarginalization of Contemporary Russophone Literature in Israel...*

³¹ Zob. tamże.

go świata kulturowego, który sytuuje się w połowie drogi łączącej jej dwa skrajne bieguny — „rosyjskość” i „izraelskość”. I tak ją — jak się wydaje — należy postrzegać, pamiętając jednocześnie, że dążenie do zmniejszenia odległości do któregoś z biegunów determinuje (nasila) jej marginalność³².

Prymarną, reprezentatywną cechą literatury „rosyjskiego Izraela” stanowi metafizyczny, a także szczególnie kulturowo-ontologiczny realizm, rozciągający się od jego krańca egzystencjalnego po mistyczny³³. Kluczowe znaczenie przypisuje się słowu, które pełni fundamentalną rolę w całej tradycji żydowskiej. Oddaje ono (a przynajmniej sugeruje) immanentny sens zjawisk, rzeczy, zdarzeń, stanowi czystą jedyną prawdę w chaosie historii³⁴. Słowo — *dawar* — zawsze jawiło się w świadomości Izraelitów jako pojęcie oznaczające zarówno nieustanny ruch do przodu, jak i czyn. Jest ono „dynamiczną Wszecmocą Pana, żywiołową erupcją Jego Mocy”³⁵ — pisze Roman Brandstaetter, oddając znaczenie *dawar* w języku polskim za pomocą wymownego neologizmu słowoczyn³⁶. Słowa kreują przestrzeń dzieła, ale za ich sprawą przede wszystkim dokonuje się transformacja prawdziwego świata.

W kulturze żydowskiej żywe jest przekonanie, że opowiadanie historii jest tożsame z działaniem, które posiada moc przeobrażania człowieka i przestrzeni wokół niego³⁷. Literatura w takim rozumieniu jest nie tylko wytworem imaginacji, wyssaną z palca opowieścią o ludziach, którzy nigdy nie istnieli i zdarzeniach, które nigdy nie miały miejsca, lecz w jakimś sensie czynnością magiczną, poprzez którą ujawnia się prawda o człowieku i świecie, a energia idei skrytej w dziele literackim wykracza poza przedstawioną w nim rzeczywistość. Literatura jest procesem poznania, poznanie zaś zakłada mentalną i emocjonalną aktywność; jest narzędziem rozkodowy-

³² Zob. tamże.

³³ Zob. R. Katsman, *Wstęp*, przeł. A. Mrózek, w: *Z Rosji do Izraela. Opowiadania...*, s. 6–7.

³⁴ Zagadnieniu temu poświęcona jest monografia: A. Oz, F. Oz-Salzberger, *Żydzi i słowa*, przeł. P. Paziński, Czytelnik, Warszawa 2014.

³⁵ R. Brandstaetter, *Czytanie Pisma Świętego jako modlitwa*, Instytut Wydawniczy PAX, Warszawa 1986, s. 74.

³⁶ Tamże.

³⁷ Zob. *Литература — проводник к человеческой сущности*, wywiad Denisa Soboleva dla МЕОЦ (Московский Еврейский Общинный Центр), największej wspólnoty żydowskiej na terenie Rosji, udzielony 23.03.2017, <https://mjcc.ru/news/literatura-provodnik-k-chelovecheskoy-sushhnosti/> (30.07.2019).

wania świata i jednocześnie działaniem, które władne jest świat — a przede wszystkim ludzi — zmieniać. Zacytujmy Jakova Shechtera, jednego z ważniejszych pisarzy współczesnego „rosyjskiego Izraela”, repatrianta z roku 1987: „Литература — удивительное орудие воздействия на человека и ее [...] нужно использовать, чтобы помочь ему выбрать надежду, радость и веру, поднять голову вверх и увидеть свои крылья”³⁸.

Ilustrację znaczenia słowa w najnowszej rosyjsko-izraelskiej literaturze stanowi powieść Soboleva *Legendy góry Karmel. Czternaście opowiadań o miłości i czasie* (*Легенды горы Кармель. Четырнадцать историй о любви и времени*) z 2016 roku. Tytułową górę Karmel — topograficzny *locus* określający jednocześnie wymowę semantyczną, ale również charakterystyczny klimat powieści Soboleva — otaczają doliny, z których jedną, Sijach, często — jak czytamy w *Legendach...* — mylnie tłumaczy się jako „dolina słowa” lub nawet „dolina dyskursu”³⁹. Bohaterem jednego z wchodzących w skład powieści opowiadań: *O smoku z góry Karmel i hajfskiej genizie* (*О драконе горы Кармель и хайфской генизе*) Sobolev czyni zlokalizowaną w karmelskich grotach tytułową genizę⁴⁰, co bez wątpienia należy przyjąć jako interpretacyjne wskazanie. Słowu pisarz nadaje w powieści znaczenie kluczowe, jak w starych chasydzkich przypowieściach staje się ono magią, cudem, dotyka ulotnej i niedefiniowalnej pierwobytniej istoty świata. Rywka, bohaterka bajki o genizie, wierzy, że słowa zawierają esencję wszelkich *p r a d z i w y c h* wartości i uczuć, że „prawda mieści się tylko w słowie, gdyż tylko w słowie można zachować własną duszę”⁴¹.

Znaczenie mają wszystkie pojedyncze litery słowa. Jeśli nie rozpozna się sensu każdej z nich — twierdzi narrator kolejnej powieściowej historii *O pustym domu w Halisie* (*Про пустой дом на Халуце*) — litera wcale nie przestaje przemawiać, tylko człowiek, uwięziony we własnym egoistycznym „ja”, nie słyszy jej głosu. To tak jak w tek-

³⁸ R. Katsman, *Полюбите слово. Беседа с Яковом Шехтером о книгах Второе пришествие кумранского учителя и Самоучитель каббалы*, „Iudaica Russica” 2019, nr 2(3), s. 135.

³⁹ Д. Соболев, *Легенды горы Кармель: Четырнадцать историй о любви и времени*, Геликон Плюс, Санкт-Петербург 2016, s. 34.

⁴⁰ Geniza jest miejscem, w którym chroniąc przed profanacją, gromadzono zużyte teksty liturgiczne i święte księgi aż do czasu ich uroczystego pochówku w ziemi. Zob. *Polski słownik judaistyczny*, Żydowski Instytut Historyczny, <https://www.jhi.pl/psj/geniza> (30.07.2019).

⁴¹ Д. Соболев, *Легенды горы Кармель...*, s. 30.

ście Tory — każda litera niesie określoną treść, często ulotną i niedefiniowalną. Istotny jest całościowy obraz wydarzeń, który odsłania sens stworzenia świata oraz powołania człowieka, ale jednocześnie ważności nabiera tekst postrzegany jako ciąg liter, które układają się w sekwencje znaków i kodują (właściwie dekodują) głęboką prawdę o świecie, w tym tę implikującą interpretacje mistyczne i magiczne⁴².

W magiczność słowa wpisuje się też dodatkowa wartość. Jest ono wyrazem żmudnego procesu wrastania w izraelską ziemię. Szewach Weiss konstatuje:

Wszystkie narody spaja określona narracja. Również żydowska tożsamość opiera się na powtarzanych przez wieki opowieściach. Dzięki nim Żydzi czują więź z poprzednimi pokoleniami i mają gwarancję, że następne generacje będą kultywować tradycje i zwyczaje⁴³.

W rosyjsko-izraelskiej literaturze obserwujemy to, co stanowi ważny wyróżnik jej artystycznego i kulturowego realizmu — adaptowanie się w określonym środowisku kulturowym poprzez własne i subiektywne materializowanie za pomocą słowa żydowskiej tradycji, książkowych obrazów, ale także wiedzy i idei. Dokonuje się intensywna intelektualna i kulturowa asymilacja w izraelską rzeczywistość, pozbawiona śladów ideologii i polityki; raczej w jakimś sensie magiczna.

Pochodną wrastania w kulturę stał się swojego rodzaju prozelityzm literatury. Twórcy starają się kształtować świadomość historyczną i narodowościową odbiorców, budować żydowski etos. Shechter wyznaje:

Главным драматическим событием моей жизни стало познание духовности, приобщение к тайнам Торы, Талмуда, традиции, хасидизма и каббалы. Я был и остаюсь растерянным учеником на пороге сияющего мира⁴⁴.

Jego twórczość jest rodzajem duchowej inicjacji i jawi się jako nieprzerwana opowieść o mozolnej pracy nad sobą w procesie poznawania nowej (lepiej?) odsłony świata — religijnego, chwilami irracjonalnego i ezoterycznego. Utwory Shechtera cechuje żarliwość neofity i konsekwentny, w jakimś sensie programowy prozelityzm, chociaż

⁴² Zob. S. Krajewski, *Żydowskie studiowanie Tory*, „Verbum Vitae” 2005, nr 7, s. 83–90, http://dlibra.kul.pl/Content/21416/04_Krajewski.pdf (30.07.2019).

⁴³ Sz. Weiss, *Hagada, opowieść o tożsamości*, <https://wszystkoconajwazniejsze.pl/prof-szewach-weiss-hagada-opowiesc-o-tozsamosci/> (30.07.2019).

⁴⁴ R. Katsman, *Полюбите слово. Беседа с Яковом Шехтером...*, s. 130.

sam pisarz sprzeciwia się takiemu definiowaniu własnej twórczości. Określa ją raczej jako akt poznania (poznawania) nowego świata — duchowego i materialnego, albo literaturę post-ateizmu czy „literaturę powrotu”⁴⁵. Odnotowuje:

Предыдущая еврейская литература писалась людьми, уходившими от еврейских скисающих сливок в большой мир. Выстрелом рвались Вселенной навстречу. Дорвались, попробовали. И теперь мы возвращаемся обратно. Нам еврейские павлины на обивке милее звездной бездны над головой⁴⁶.

Ewolucja rosyjskojęzycznej literatury w Izraelu ujawnia się nie tylko w warstwie treściowo-ideowej, ale również w kompozycji utworów. Cechuje je fragmentaryczność, która w jakimś sensie oddaje charakter wspólnoty, w której powstaje (repatrianci pochodzą z różnych krańców Związku Sowieckiego), nawiązuje do struktury i interpretacyjnej otwartości midraszy i odzwierciedla — jak pisze Sobolev w *Jerozolimie* — „fragmentaryczność, różnorodność i niekonsekwencję”⁴⁷ ludzkiego życia. Fragmenty (opowiadania, części, rozdziały etc.) łączą się w dyssypatywną strukturę, rozumianą jako porządkowanie na nowo historycznej i kulturowej rzeczywistości, która utrzymuje się — tak widzi to Katsman — w stanie chaosu⁴⁸. W rezultacie tego procesu tworzą się nowe sensy, bądź/i przeformułowaniu ulegają dotychczasowe. Powstają z jednej strony powieści składające się z opowiadań, nowel, esejów, bajek, historii czy powieści-dzienniki, z drugiej natomiast formy eksperymentalne: „вместороман”, „роман-сеть”, „роман-апокриф”, „роман-комикс”, albo „биоавтография”.

Rekapitulując, najnowsza twórczość „rosyjskiego Izraela” traci cechy literatury marginalnej, peryferyjnej (choć zarówno w rosyjskiej, jak i izraelskiej przestrzeniach kulturowych nadal — mimo zmian — jest tak odbierana) przede wszystkim dzięki intensywnie przebiegającemu w ostatnich dwóch dekadach wieloaspektowemu procesowi demarginalizacji. Powoli zyskuje status literatury autonomicznej, działającej w ramach odrębnego, własnego kulturowego świata, poza strukturą wyznaczaną przez centra i peryferie. Uznając najnowszą literaturę rosyjsko-izraelską za samodzielny byt, który posiada własną ścieżkę rozwoju i niezwykłą wewnętrzną dynamikę, na-

⁴⁵ Tamże, s. 133.

⁴⁶ Tamże.

⁴⁷ Д. Соболев, *Иерусалим*, Феникс, Ростов-на-Дону 2005, s. 418.

⁴⁸ Zob. R. Katsman, *Иерусалим: диссипативный роман Дениса Соболева...*

leży — jak się wydaje — odejść od badania jej wyłącznie jako literatury rosyjskiej, a także od opisu w kontekstach oraz zależnościach związanych z rosyjską kulturą i stworzyć do jej interpretacji nowy naukowy i kulturowy paradygmat.

BIBLIOGRAFIA

- Bauman, Zygmunt. "Dwa szkice o moralności ponowoczesnej." Warszawa: Instytut Kultury, 1994.
- Brandstaetter, Roman. "Czytanie Pisma Świętego jako modlitwa." Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1986.
- Finkel', Leonid. "Russkoyazychnaya literatura v izrail'skom kontekste." Ed. Woźniak, Anna. *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty – estetyka – recepcja*. Lublin: KUL, 2013. [Л. Финкель, "Русскоязычная литература в израильском контексте." Ed. Woźniak, Anna. *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty – estetyka – recepcja*. Lublin: KUL, 2013].
- Gendelev, Mikhail. "Russkoyazychnaya literatura Izrailya" <<http://gendelev.org/proza/o-literature/370-literatura-doklad.html>> [Генделев, Михаил. "Русскоязычная литература Израиля" <<http://gendelev.org/proza/o-literature/370-literatura-doklad.html>>].
- Goffman, Erving. *Piętno. Rozważania o zranionej tożsamości*. Transl. Tokarska-Bakir, Joanna. Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Pedagogiczne, 2005.
- Katsman, Roman. "Demarginalization of Contemporary Russophone Literature in Israel" <http://www.academia.edu/35544512/Demarginalization_of_Contemporary_Russophone_Literature_in_Israel>.
- Katsman, Roman. "Iyerusalim:dissipativnyy roman Dennisa Soboleva" <<http://magazines.russ.ru/nlo/2017/1/ierusalim-dissipativnyj-roman-denisa-soboleva.html>> [Кацман, Роман. "Иерусалим: диссипативный роман Дениса Соболева" <<http://magazines.russ.ru/nlo/2017/1/ierusalim-dissipativnyj-roman-denisa-soboleva.html>>].
- Katsman, Roman. "Krizis viktimnoy paradigmy (sluchay noveyshey russko-izrail'skoy literatury)." *Studia Rusycystyczne* 2017, no. 27 [Кацман, Роман. "Кризис виктимной парадигмы (случай новейшей русско-израильской литературы)." *Studia Rusycystyczne* 2017, no 27].
- Katsman, Roman. "Polyubite slovo. Beseda s Yakovom Shechterom o knigakh 'Vtoroye prishestviyekumranskogo uhitelya' i 'Samouchitel' kabbaly.'" *Iudaica Russica* 2019, no. 2(3) [Кацман, Роман, "Полюбите слово. Беседа с Яковом Шехтером о книгах 'Второе пришествие кумранского учителя' и 'Самоучитель каббалы'." *Iudaica Russica* 2019, no. 2(3)].
- Katsman, Roman. "Wstęp." Transl. Alicja Mrózek. *Z Rosji do Izraela. Opowiadania*. Ed. Michalska-Suchanek, Mirosława. Lenart, Agnieszka. "Śląsk"—Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, Katowice 2018.
- Keleynikov, Iosif, "Tel'-Sheva" Ed. Leonid Finkel'. *Vysokiye vrata*. Ashkelon: Kul'turnyy tsentr goroda Ashkelona, 2013 [Келейников, Иосиф. "Тель-Шева." Ed. Л. Финкель. *Высокие врата*, Ашкелон: Культурный центр города Ашкелона, 2013].

- Krajewski, Stanisław. “Żydowskie studiowanie Tory.” *Verbum Vitae* 2005, no. 7, 83–90. http://dlibra.kul.pl/Content/21416/04_Krajewski.pdf.
- Lenart, Agnieszka. “Kultura literacka rosyjskojęzycznego Izraela. Spory wokół narodowości literatury.” *Archiwum Emigracji: Studia — Szkice — Sokumenty* 2014, no. 1–2(20–21), https://www.bu.umk.pl/Archiwum_Emigracji/gazeta/ae_20/08_Lenart.pdf.
- “Literatura — provodnik k chelovecheskoy sushchnosti (interview with Dennis Sobolev)” <<https://mjcc.ru/news/literatura-provodnik-k-chelovecheskoy-sushchnosti/>> [“Литература — проводник к человеческой сущности”] <<https://mjcc.ru/news/literatura-provodnik-k-chelovecheskoy-sushchnosti/>>.
- L’vov-Rogachevskiy, Vasiliy. *Russko-yevreyskaya literatura* / Moskva: Moskovskoye otdeleniye gosudarstvennogo izdatel’stva, 1922 <https://imwerden.de/pdf/lvov-rogachevsky_russko-evrejskaya_literatura_1922__ocr.pdf> [Львов-Рогачевский, Василий. *Русско-еврейская литература*. Москва: Московское отделение государственного издательства, 1922 <https://imwerden.de/pdf/lvov-rogachevsky_russko-evrejskaya_literatura_1922__ocr.pdf>].
- Markish, David. “Izrail’sko-russkaya literatura ili russko-izrail’skiye pisateli?” *Lechaim*, yanvar’, teves 5761, no. 1(105) <<https://lechaim.ru/ARHIV/105/markish.htm>> [Маркиш, Давид. “Израильско-русская литература или русско-израильские писатели?”] *Лехаим*, январь 2001, теves 5761, no. 1 (105) <<https://lechaim.ru/ARHIV/105/markish.htm>>].
- Nikitorowicz, Jerzy. “Typy tożsamości człowieka w społeczeństwie zróżnicowanym kulturowo” <<http://bazhum.muzhp.pl/media//files/Chowanna/Chowanna-r2003-t1/Chowanna-r2003-t1-s50-66/Chowanna-r2003-t1-s50-66.pdf>>.
- Oz, Amos. Oz-Salzberger, Fania. “Żydzi i słowa.” Transl. Paziński, Piotr. Warszawa: Czytelnik 2001.
- Polski słownik judaistyczny*. Żydowski Instytut Historyczny <[https://www.jhi.pl/psj/alij\(j\)a](https://www.jhi.pl/psj/alij(j)a); <https://www.jhi.pl/psj/bima> and <https://www.jhi.pl/psj/geniza>>.
- Rozhdestvenskaya, Nina. “Mezhdru dvumya kontsami sveta.” Ed. Finkel’, Leonid. *Vysokiye vrata*. Ashkelon: Kul’turnyy tsentr goroda Ashkelona, 2013 [Рождественская, Нина. “Между двумя концами света.” Ed. Финкель, Леонид. *Высокие врата*, Ашкелон: Культурный центр города Ашкелона, 2013].
- Rubina, Dina. *Syndykāt*. Transl. Bartosik, Małgorzata. Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA, 2008.
- Rubina, Dina. *Vot idēt Messiya!* <http://loveread.ec/read_book.php?id=1933&p=1> [Рубина, Дина. *Вот идет Мессия!* <http://loveread.ec/read_book.php?id=1933&p=1>].
- Sobolev, Dennis. *Iyerusalim*. Rostov-na-Donu: Feniks, 2005 [Соболев, Денис. *Иерусалим*, Ростов-на-Дону: Феникс, 2005].
- Sobolev, Dennis. *Legendy góry Karmel’: Chetyrnadtsat’ istoriy o lyubvi i vremeni*. Sankt-Petersburg: Gelikon Plyus, 2016 [Д. Соболев, Денис. *Легенды горы Кармель: Четырнадцать историй о любви и времени*, Санкт-Петербург: Геликон Плюс, 2016].
- Szarfenberg, Ryszard. *Marginalizacja i wykluczenie społeczne — panorama językowo-teoretyczna* <http://rszarf.ips.uw.edu.pl/pdf/miws_panorama.pdf>.
- Tarasiuk, Renata. *Aspiracje polityczne społeczności rosyjskiej w Izraelu* <https://repozytorium.uph.edu.pl/bitstream/handle/11331/1135/Tarasiuk.R_Aspiracje_polityczne_spolecznosci.pdf?sequence=1>.

NAJNOWSZA LITERATURA ROSYJSKO-IZRAELSKA...

Tolts, Mark. *The Post-Soviet Jewish Population in Russia and in the World* <https://www.researchgate.net/publication/283926971_The_post-Soviet_Jewish_population_in_Russia_and_the_world>.

Waligórska-Olejniczak, Beata. "Życie woli barwy złamane i wielokropek. O zbiorze 'Z Rosji do Izraela. Opowiadania'." *Iudaica Russica* 2019, no. 1(2).

Weiss, Szewach. *Hagada, opowieść o tożsamości* <<https://wszystkoconajwazniejsze.pl/prof-szewach-weiss-hagada-opowiesc-o-tozsamosci/>>.

Мирослава Михальска-Суханэк

НОВЕЙШАЯ РУССКО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ОЧЕРК ВОПРОСА

Резюме

Новейшая русско-израильская литература утрачивает черты маргинальной и периферийной литературы (хотя в российском и израильском культурных пространствах она все еще, несмотря на изменения, так и воспринимается). Это происходит в основном благодаря многоаспектному процессу демаргинализации, который динамично развивается в последние два десятилетия (концепция Романа Кацмана). Постепенно творчество «русского Израиля» приобретает статус автономной литературы, которая действует в отдельном культурном мире, вне структур, определяемых центрами и периферией.

Mirosława Michalska-Suchanek

THE LATEST RUSSIAN-ISRAELI LITERATURE. OUTLINE OF THE ISSUE

Summary

The latest Russian-Israeli literature is losing the features of marginal and peripheral literature (although in both Russian and Israeli cultural spaces it is still — despite the changes — perceived as such). This is mainly due to the multifaceted process of *demarginalization* that has been dynamically developing in the last two decades (Roman Katsman's concept). It slowly gains the status of autonomous literature, which operates within a separate, own cultural world, outside the structure determined by centers and peripheries.

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski

 ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Ludmiła Mnich, *Шекспир в русской теории первой половины XX века*, Wydawnictwo Naukowe Instytutu Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, Siedlce 2019, 264 s.

Монография Людмилы Мних посвящена проблемам теоретического восприятия Шекспира русской культурой первой половины XX в., парадигму которой составляют русское литературоведение, религиозная философия, эстетика и критика символизма, концептуальная база формализма. Исследовательницу в равной степени интересуют как влияние Шекспира на русских теоретиков, так и влияние русской теории на понимание и интерпретацию самого Шекспира в движении времени. В указанном аспекте «шекспировский дискурс» ранее не рассматривался: автор монографии поставил оригинальную научную проблему и предложил адекватные пути для ее решения.

Структурно монография состоит из *Предисловия*, *Введения*, пяти глав, итогов, библиографии, указателей, аннотаций, а также *Приложения*, посвященного русским переводам 129 сонета Шекспира (этот сонет специально рассматривается в пятой главе книги). **Общая методологическая установка исследования отражает идеи интертекстуальности и междисциплинарности**, поскольку в русской культуре первой половины XX века Шекспир был объектом значимых теоретических размышлений русских философов, теологов, социологов, психологов и собственно теоретиков литературы.

Во *Введении* (с. 8–37) специально оговаривается вопрос о так называемой русской теории, который активно дискутируется в последнее десятилетие в русском литературоведении (см. нр.: *Русская теория: 1920–1930-е годы*, Москва 2004; *Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов*, Москва 2016; *Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание*, Москва 2017). На основе изучения научных исследований, автор констатирует наличие двух подходов в интерпретации понятия «русская теория»: с одной стороны, это опыт теоретической интерпретации концепций русского

формализма, с другой — практически все интеллектуальные практики первой половины XX века. Людмила Мних использует оба подхода, но преимущественно опирается все же на понятие «русская теория» в его более узком ракурсе, сосредоточиваясь на мыслительной рецепции Шекспира и его влиянии на важнейшие теоретические идеи и концепции в русской гуманитарной культуре первой половины XX века. Автором рассмотрены основные проблемы шекспировского дискурса в России, описаны методология и терминология исследования. Исследовательница подчеркивает, что в монографии «проблема *русской теории* в ее отношении к текстам Шекспира интерпретируется прежде всего в двух аспектах: 1) русская теория как ‘вербально артикулированные формы рациональности’ представителей русской интеллектуальной мысли, отражающие мышление россиян о России, мире, религии и истории и 2) русская теория как собственно русская теория литературы» (с. 16). Изучив огромный пласт научной литературы, Людмила Мних обнаружила, что ее предшественники поставили основные акценты прежде всего на проблеме восприятия английского драматурга русскими литераторами (среди которых Виссарион Белинский, Иван Тургенев, Лев Толстой и др.), а также на вопросах художественного перевода. Богатейший же материал, содержащий рецепцию Шекспира русскими интеллектуалами — философами, историками, социологами, политиками, теоретиками литературы и культуры, до сих пор в полной мере не выявлен, не изучен, не систематизирован. В своей монографии Людмила Мних акцент сделала на «другом полюсе рецепции, связанном с Шекспиром как отправной точкой русского осмысления Европы и мира, феномена литературы, но самое главное и прежде всего — самой России, русских и их (русских) отношения к жизни во всех ее проявлениях» (с. 35). Означенная тенденция свидетельствует как о новом подходе к многозначному шекспировскому дискурсу, так и, несомненно, об актуальности предпринятого исследования.

Первая глава — *Шекспировский дискурс русской теории и западное шекспироведение XX века* (с. 38–69), посвящена проблеме русской теории как определенной научной парадигме в современном гуманитарном мышлении, а также русскому и западному шекспироведению XX века. Автор анализирует историю появления понятия «русская теория» и его соотношение с понятием «французская теория», вбирающим в себя широкую когнитивную деятельность. В этой же главе рассмотрено место Шекспира в современном англоязычном и русскоязычном научных дискурсах, влияние Шекспира на русскую философскую, литературоведческую и эстетическую мысль. Особое внимание уделено резонансным дискуссиям и хрестоматийным текстам о Шекспире в России XIX века, а также на политизации шекспировского дискурса в России после 1917 года, когда английский драматург был «приобщен» к строительству нового советского общества.

В следующей главе – *Шекспир в русском литературоведении первой половины XX века* (с. 70–122), Автор монографии сосредоточился на литературно-теоретических проблемах, которые русские филологи первой половины XX века связывали с Шекспиром. Людмила Мних анализирует обращения к Шекспиру представителей исторической (Александр Веселовский) и теоретической поэтик (Александр Потебня), публикации известных русских шекспироведов конца XIX – начала XX века (Николай Стороженко, Александр Смирнов, Леонид Пинский), русских филологов (Фаддей Зелинский, Петр Бицилли), а также представителей новой политической элиты в Советской России (Анатолий Луначарский). Специальное внимание в этой главе отведено классику русской теоретической мысли – Михаилу Бахтину и его шекспировскому дискурсу, а также обращению к Шекспиру видных русских теоретиков театра того времени (Всеволод Мейерхольд). Исследовательница подчеркивает, что анализ материала позволяет определить важнейшие тенденции, определившие восприятие Шекспира русской теорией: 1) адаптация текстов английского драматурга к существующим научным парадигмам, 2) своеобразное «усвоение» Шекспира русской религиозной философией и русским символизмом, 3) «использование» Шекспира представителями русского формализма «в личных целях» для подтверждения собственных выводов и концепций (с. 69).

Этим трем тенденциям посвящены три следующие главы монографии: в третьей главе – *Шекспир в русской религиозно-философской мысли Серебряного века* (с.123–151), рассмотрен шекспировский дискурс Федора Степуна, Павла Флоренского, Льва Шестова и Алексея Лосева. Четвертая глава – *Шекспир в эстетике и литературной критике русского символизма* (с. 152–186), представляет шекспировский дискурс русских символистов: Александра Блока, Вячеслава Иванова, Андрея Белого, Дмитрия Мережковского. В главе пятой – *Шекспир в осмыслении представителей русского формализма* (с. 187–216), автор сосредоточен на рецепции Шекспира русскими формалистами – Борисом Эйхенбаумом, Юрием Тыняновым, Виктором Шкловским, Романом Jakobсоном, которые опирались на основные положения формальной школы и ее терминологию.

В рецензируемой книге затронуты не только значимые теоретические проблемы, но и представлен широкий исторический, философский, этический контекст, обусловленный русской рецепцией Шекспира. Так, например, автор убедительно демонстрирует, как шекспировский дискурс русских религиозных философов вступает в дискуссию с известным моральным императивом Иммануила Канта или с философией Фридриха Ницше в России начала XX века; показывает в связи с Шекспиром со- и противопоставление античной и христианской нравственности в новых идейных координатах времени; фик-

сирует значимость для русских символистов великих шекспировских героев, таких, как Гамлет, король Лир, Макбет и др., которые становились предметом не только этических и эстетических толкований, но и эпохальных политических трактовок и размышлений о судьбах России после 1917 года; наблюдает за процессом становления магистральной проблематики русских символистов, связанной с рецепцией Шекспира, и ее движением на уровень разграничения творчества научного и художественного; **а в штудиях формалистов выявляет «сумму приемов» Шекспира, организованных так, что создают своими взаимоотношениями все новые и новые приемы, образуя, таким образом, явление стиля.** Автор монографии, рассмотрев шекспировский дискурс русской теории в изначально намеченных четырех основных измерениях (литературоведение, религиозная философия, символизм, формализм), приходит к заключению, что в целом русская рецепция английского драматурга обладает собственной парадигмой, где «с одной стороны, Шекспир осмысливался в сфере литературоведческой науки, и русский формализм в этом отношении интересовался Шекспиром почти исключительно в плане литературоведческом. Другой полюс представляется русская религиозная мысль, шекспировский дискурс которой является не литературоведческим, а собственно философским» (с. 223). «Срединное место в этом ряду, — считает Автор, — занимают русские символисты, которые в своих текстах затрагивали одновременно как литературно-теоретические, так и религиозно-философские проблемы, связанные с шекспировскими мотивами, образами и символами»; «именно символисты открыли и ‘оправдывали’ те мистические аспекты в творчестве английского драматурга, которые обычно отрицались официальным (уже ‘марксистским’) литературоведением тех лет» (с. 223).

Глава *Итоги и перспективы исследования* (с. 217–223), завершая работу в целом, содержит такой общий вывод: «Шекспир оказался причастным ко всем важнейшим сферам: от науки и искусства до политики и повседневной жизни, поэтому его творчество символизировало диалог России с Западом и одновременно служило материалом для самопостижения и самопонимания» (с. 223). Книга Людмилы Мних, включая обширный материал по истории русской рецепции Шекспира, являет собой опыт нового прочтения и систематизации этого материала. Научная новизна и ценность книги бесспорны: монография свидетельствует о плодотворной «зависимости» русской теории от восприятия Шекспира в России; и эта «зависимость» продемонстрирована достаточно широко, глубоко и полно.

Книга будет полезна всем гуманитариям, интересующимся проблемами развития и взаимодействия культур.

MARTA CHASZCZEWICZ-RYDEL

 ORCID <http://orcid.org/0000-0003-3590-7414>

Uniwersytet Wrocławski

OLGA SIEMOŃSKA

 ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7009-3837>

Uniwersytet Wrocławski

MATEUSZ ŚWIETLICKI

Uniwersytet Wrocławski

 ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6499-1016>

ANNA ŚWIETLIK

Uniwersytet Wrocławski

 ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6499-1016>

KATARZYNA UCZKIEWICZ

Uniwersytet Wrocławski

 ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6388-6043>

Uniwersytet Wrocławski

SPRAWOZDANIE

z XIII Międzynarodowej Sławistycznej Konferencji Literaturoznawczej

Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich. Pamięć

(Wrocław, 16–17 maja 2019 roku)

W dniach 16-17 maja 2019 roku odbyła się kolejna, zorganizowana przez Instytut Filologii Słowiańskiej Międzynarodowa Konferencja Naukowa z cyklu *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich*. Honorowym patronatem konferencję objęli Rektor Uniwersytetu Wrocławskiego prof. dr hab. Adam Jezierski i Przewodniczący Rady Miejskiej Wrocławia Jarosław Charłampowicz.

W bieżącym roku przewodnim motywem wystąpień była pamięć. Intencją Komitetu Organizacyjnego było wpisanie wrocławskiej konferencji w ramy *memory studies*, w proces wzmożonego zainteresowania kategorią pamięci w humanistyce (*memory boom*, zwrot pamięciowy).

16 maja 2019 roku uroczystego otwarcia obrad w barokowym wnętrzu Oratorium Marianum dokonali Rektor Uniwersytetu Wrocławskiego prof. dr hab. Adam Jezierski, Dziekan Wydziału Filologicznego prof. dr hab. Marcin Cieński oraz Dyrektor Instytutu Filologii Słowiańskiej dr hab. Michał Sarnowski. Na konferencję przybyli sławiści, reprezentujący znaczące polskie i zagraniczne ośrodki naukowe. Wśród nich znaleźli się uczestnicy z Białorusi, Czarnogóry, Czech, Japonii, Litwy, Niemiec, Rosji, Serbii oraz Ukrainy.

SPRAWOZDANIE

Podczas pierwszej części sesji plenarnej obradom przewodniczyli prof. dr hab. Tadeusz Klimowicz, kierownik Zakładu Literatury i Kultury Rosyjskiej oraz dr Sylwia Wójtowicz, z-ca dyrektora Instytutu Filologii Słowiańskiej. Jako pierwszy wystąpił Jarosław Poliszczuk (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu) z referatem *Krajobrazy pamięci/niepamięci we współczesnej literaturze ukraińskiej*. Głos zabrali następnie Anna Woźniak (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II), która przedstawiła wyniki badań, dotyczące problemu subiektywizacji zapamiętywania w późnej prozie Aleksieja Riemizowa, oraz Andrzej Dudek (Uniwersytet Jagielloński w Krakowie), który podjął temat powiązań autobiografii i pamięci kulturowej w tekstach Mikołaja Bierdiajewa.

W drugiej części obrad plenarnych Aleksandr Karpow (Petersburski Uniwersytet Państwowy) zaprezentował referat dotyczący relacji pamięci implicytnej i twórczości literackiej. Dalibor Tureček (Uniwersytet Południowoczeski w Czeskich Budziejowicach) poświęcił wystąpienie narracji tożsamościowej w czeskiej literaturze XIX w. Natomiast referat Olgi Frołowej (Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. Michaiła Łomonosowa) zawierał przemyślenia na temat motywu pamięci w powieści *Wykop* Andrieja Platonowa. Katarzyna Kotyńska (Instytut Sławistyki PAN), odnosząc się do procesu rekonstruowania pamięci, podjęła problematykę przekładu ukraińskiej prozy pierwszej połowy XX wieku. Sesję plenarną wzbogacił referat Vesny Cidilko (Uniwersytet Humboldta w Berlinie) poświęcony współczesnej prozie autobiograficznej obszaru Czarnogóry, Serbii, Bośni i Chorwacji z centralnym motywem pamięci. Badaczka akcentowała zwłaszcza próby manipulowania sferą memoratywną, kreowanie przez politykę pamięci publicznej i prywatnej.

Jolanta Brzykcy (Uniwersytet im. Mikołaja Kopernika w Toruniu) omówiła wyczerpująco motyw pamięci w poezji pierwszej fali emigracji rosyjskiej. Następnie wystąpiła Galina Niefagina (Akademia Pomorska w Słupsku) z rozważaniami o aberracji pamięci w prozie autobiograficznej drugiej fali emigracji. Mirosława Michalska-Suchanek (Uniwersytet Śląski w Katowicach) przedstawiła interesujący referat *Pamięć o Rosji w literaturze „rosyjskiego Izraela” na materiale prozy Dennisa Soboleva*, natomiast Beata Waligórska-Olejniczak (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu) skoncentrowała się na problemie pamięci o wojnach czezeńskich, odwołując się do filmu Aleksieja Uczitiela *Zakładnik* oraz do wybranych utworów Władimira Makanina. Pierwszy dzień obrad zakończyło wystąpienie przedstawiciela bohemistyki Petra Hrtánka (Uniwersytet Ostrawski), który omówił temat pamięci i wspomnień w trylogii uzdrowiskowej Romana Ráža.

Drugiego dnia konferencji referaty sławistów prezentowane były w kilku równoległych sekcjach. Obrady rusycystów przebiegały w trzech. Pierwsza z nich rozpoczęła się wystąpieniem Antoniego Bortnowskiego (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu) zatytułowanym *„Może Estera” Kati Petrowskiej jako próba przewidywania i oswojenia traumatycznej przeszłości*. O pisarzu jako nosicielu i twórcy pamięci kolektywnej mówiła Jelena Dziuba (Pedagogiczny Uniwersytet Państwowy im. Koźmy Minina w Niżnym Nowogrodzie). Problemy dotyczące literatury łagrowej podjęło dwoje badaczy: Tadeusz Sucharski (Akademia Pomorska w Słupsku) w referacie *„Nie wolno ci tego zapomnieć” — o imperatywie pamięci w polskiej literaturze łagrowej* oraz Agnieszka Lenart (Uniwersytet Śląski) w wystąpieniu *Literatura łagrowa Juliusa Margolina jako medium „niechcianej pamięci”*. „Polityce pamięci” w radzieckim kanonie historycznoliterackim swoje wystąpienie poświęciła natomiast Ilona Motejunajte (Pskowski Uniwersytet Państwowy).

W kolejnej części obrad Leokadia Witowska i Igor Golowczenko (Piatigorski Uniwersytet Państwowy) zaprezentowali rozważania dotyczące struktur narracyjnych i pamięci historycznej w opowiadaniach Aleksandra Sołżenicyna. Następnie Wawrzyniec Popiel-Machnicki wraz z Bartoszem Osiewiczem (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu) przedstawili referat na temat pamięci o wojnie w prozie Wiktora Astafiewa. Wystąpienia Ludmiły Szewczenko (Uniwersytet im. Jana Kochanowskiego w Kielcach) i Elżbiety Tyszkowskiej-Kasprzak (Uniwersytet Wrocławski) poświęcone zostały kolejno pamięci i zapominaniu (w powieści Borysa Chazanowa *Далекое зрелище лесов*) oraz pamięci i tożsamości (w powieści Marii Stiepanowej *Памяти памяти*).

W ostatniej części obrad pierwszej sekcji rusycystycznej wystąpili rusycyści z Uniwersytetu Wrocławskiego, m.in. badacze eksplorujący od kilku lat twórczość Fiodora Dostojewskiego. Katarzyna Kordas-Shaginyan przedstawiła przemyślenia dotyczące wspomnień autora *Idioty*, a Marcin Borowski omówił problem pamięci kolektywnej. Sylwia Kamińska-Maciąg, która również podjęła problematykę pamięci kolektywnej, uwagę skoncentrowała jednak na baśni rosyjskiej przełomu XIX i XX wieku. Wystąpienie Anny Świątek poświęcone zostało natomiast miejscu twórczości Jewgienija Charitonowa w rosyjskiej pamięci kulturowej.

Pierwszą część drugiej sekcji rusycystycznej, skupionej wokół problemów prozy współczesnej, utworzył Andrzej Polak (Uniwersytet Śląski w Katowicach) referatem *Pamięć o imperium w najnowszej fantastyce rosyjskiej*. Problematykę pamięci w twórczości Wiktora Pielewina podjęli Mateusz Jaworski (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu) oraz Rucuko Kidera (Uniwersytet Dashisha w Kioto). Następnie Marina Romanienkowa (Uniwersytet Witolda Wielkiego w Kownie) przedstawiła rezultaty badań nad rolą pamięci w tworzeniu obrazu Wilna w utworach Maksy Fraja, zaś Natalia Królikiewicz (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu) podjęła temat relacji między pamięcią indywidualną i zbiorową w powieści *Авиатор* Jewgienija Wodołazkina.

W drugiej części obrad Tatiana Akimowa (Mordowski Uniwersytet Państwowy im. N. P. Ogariowa) dyskutowała nad związkami pamięci i uczucia w liryce miłosnej Aleksandra Sumarokowa. Referaty Edyty Fedorushkov (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu) i Magdaleny Dąbrowskiej (Uniwersytet Warszawski) poświęcone były kolejno twórczości poety ałtajskiego Iwana Żdanowa i cyklowi poetyckiemu *Rozmowy zmarłych* Michaiła Murawjowa. Jelena Olesina i Olga Stukałowa (Instytut Kształcenia Artystycznego w Moskwie) przedstawiły rezultaty wieloletnich badań nad odbiorem poezji przez młodzież szkolną i studentów. Kolejny z badaczy, Zbigniew Kaźmierczyk (Uniwersytet Gdański), mówił o zastosowaniu krytyki gnoptycznej w analizie kategorii pamięci historycznej w twórczości Czesława Miłosza.

Ostatnią część obrad utworzył Michaił Fedosiuk (Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. Michaiła Łomonosowa) referatem omawiającym językowe środki opisu wspomnień w powieści Aleksandra Czudakowa *Ложится мгла на старые ступени*. Kolejne wystąpienia skupiły się wokół problematyki uchodźstwa, emigracji i deportacji. Nel Bielniak (Uniwersytet Zielonogórski) wygłosiła referat dotyczący prozy wspomnieniowej Nadieždy Teffi. Joanna Kula (Uniwersytet Wrocławski) poruszyła temat deportacji Czechenów i Inguszków w literaturze, zaś Olga Siemońska (Uniwersytet Wrocławski) mówiła o pamięci przestrzeni w powieści Diny Rubiny *Po słonecznej stronie ulicy*.

Trzecią sekcję rusycystyczną rozpoczęło wystąpienie Iriny Banach (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupały), które dotyczyło narratywizacji pamięci

SPRAWOZDANIE

autobiograficznej w książce Dmitrija Bawilskiego *Музей воды. Путевой дневник эпохи Теуттера*. Grzegorz Czerwiński (Uniwersytet w Białymstoku) przedstawił rozważania na temat sposobów wykorzystania różnych rodzajów pamięci w reportażach Walerija Paniuszkina. Następnie Irina Prochorowa (Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. Michaiła Łomonosowa) podjęła temat „bojów pamięci” o Uljanowsk we współczesnej publicystyce rosyjskiej. W tej części obrad wystąpiły także Swietłana Pawlenko (Uniwersytet Gdański) z referatem dotyczącym związków pamięci i przestrzeni w prozie wojennej Swietłany Aleksijewicz oraz Ewa Komisaruk (Uniwersytet Wrocławski), która poruszyła problem kształtowania się postpamięci o blokadzie Leningradu na podstawie opublikowanej w 2019 roku powieści Jeleny Czyżowej *Город, написанный по памяти*.

W kolejnej części obrad sekcji C referaty na temat wykorzystania pamięci indywidualnej o przeszłości radzieckiej w budowaniu tożsamości bohaterów prozy współczesnej przedstawili Liliana Kalita (Uniwersytet Gdański) w referacie *Bohaterowie powieści Natalii Kluczariowej „Wagon Rosja” i ich autobiografie* oraz Wiaczesław Kryłow (Kazański Uniwersytet Państwowy) w wystąpieniu poświęconym książce Swietłany Aleksijewicz *Czasy second-hand. Koniec czerwonego człowieka*. Do kategorii pamięci autobiograficznej w prozie współczesnej odniosły się również Tatiana Kuczina (Jarosławski Pedagogiczny Uniwersytet Państwowy) omawiająca matryce pamięci oraz Anna Stryjakowska (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu) w wystąpieniu na temat powieści *В Советском Союзе не было адресов* Olgi Breiningger.

W ostatniej części obrad sekcji C wystąpili przedstawiciele Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu: referat Aleksandry Zywert dotyczył trudnej pamięci o łagrowej przeszłości Rosji na podstawie utworu Siergieja Lebediewa *Предел забвения*, Anna Przybysz poświęciła swoje wystąpienie przestrzeniom pamięci w powieści *Laur* Jewgienija Wodołazkina, zaś Krzysztof Tyczko mówił o roli zaników pamięci bohatera sztuki Asi Wołoszyny *Pacjenci* w kontekście filozoficznego znaczenia utworu. Następnie Filipp Camagni (Uniwersytet Jagielloński) poruszył temat wspomnień spisanych jako materialnego śladu przeszłości w prozie Władimira Szarowa. Obrady sekcji zakończyła Anna Bogińska (Uniwersytet Wrocławski) wystąpieniem na temat roli pamięci autobiograficznej w życiu bohaterki utworu *Другие жизни* Jurija Trifonowa.

Drugiego dnia obrad uczestnicy ukrajinistycznej części konferencji również przedstawiali wyniki badań w równoległych sekcjach A i B. Pierwszą otworzyli przedstawiciele Uniwersytetu Jagiellońskiego: Denys Pilipowicz wystąpił z referatem *Пом'яну Господу. Пом'яник в українській культурі духовної землі przemyskiej*, Tomasz Hodana z tekstem *Pamięć zdeformowana. Polemika religijna końca XVI i połowy XVII wieku w literaturoznawstwie radzieckim (przypadek Iwana Wiszeńskiego)*, a Alicja Nowak mówiła na temat paratekstów drukowanych ksiąg cerkiewnych w XVII wieku, traktując je jako media pamięci. Iryna Betko (Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie) zaprezentowała badania dotyczące *Biograficznych podłoży symboliczno-psychologicznej intymnej liryki Tarasa Szewczenki*. Uczestnicy sekcji B obradowali nad dyskursem memorialnym w tekstach o problematyce wołyńskiej (Julia Rysicz-Szaraniec, Uniwersytet Wrocławski), wspomnieniach (Anna Horniatko-Szumilowicz, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, w referacie *Успадковані спогади: Ольга Гоффманн vel Ткачук повертає пам'ять про батька*), dziennikach (Halyna Bokszań, Chersoński Państwowy Uniwersytet Rolniczy, w wystąpieniu *Мотив пам'яті в щоденниках Галини Пагуттяк і Тоніно*

Греппу) i prozie (Albert Nowacki, Katolicki Uniwersytet Jana Pawła II, badający *Pamięć jednostki a pamięć narodu. Tropy pamięci w powieściach Wołodymyra Łysa*).

Sekcję paralelną, poświęconą literaturze XIX i pierwszej połowy XX wieku, otworzyła Katarzyna Glinianowicz (Instytut Slawistyki PAN) referatem *Gesty pańszczyźniane. Ciało jako nośnik pamięci społecznej w literaturach galicyjskich II połowy XIX wieku*. Tematyka większości wystąpień tej części skupiała się wokół problematyki pamięci w twórczości wybranych twórców: Mykoły Chwyłowego (Halyna Khomenko, Charkowski Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny im. H. Skoworody), Leona Bykowskiego (Sylwia Wójtowicz, Uniwersytet Wrocławski), Ułasa Samczuka (Ryszard Kupidura, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu) i Ołeha Łyszehy (Daryna Voronovska, Uniwersytet Narodowy „Akademia Kijowsko-Mohylańska”).

Następna sekcja poświęcona była literaturze najnowszej. Jadwiga Krajewska (Uniwersytet Wrocławski) rozpoczęła ją referatem *Po wybuchu. Obrazy utrwalone w pamięci uczestników akcji ratunkowej po katastrofie w Czarnobylskiej Elektrowni Atomowej*, następnie Natalia Dashko (Dnieprowski Uniwersytet Narodowy im. Ołesia Honczara) omówiła najnowszą nowelistikę ukraińską, Lyudmyła Danylenko (Zaporoski Państwowy Uniwersytet Medyczny) przedstawiła referat na temat pamięci o radzieckiej przeszłości w książce *Ja, Pasztet i Armia* Kuźmy Skriabina, zaś białoruski Tomasz Wielg (Uniwersytet Opolski) przedstawił uwagi dotyczące historii Białorusi w powieściach Władzimira Karatkievica.

Uczestnicy sekcji A i B wspólnie wzięli udział w sekcji popołudniowej, która poświęcona była książce dziecięcej i młodzieżowej. Ukraińska badaczka Tetiana Kachak (Podkarpacki Uniwersytet Narodowy im. Wasyla Stefanyka) otworzyła ją referatem dotyczącym autobiograficznej pamięci w najnowszej literaturze ukraińskiej dla najmłodszych czytelników, następnie Mateusz Świetlicki (Uniwersytet Wrocławski) analizował anglojęzyczną prozę ukraińskiej diaspory w Kanadzie w wystąpieniu *Literatura dziecięca i młodzieżowa jako medium transferu pamięci kulturowej (na przykładzie twórczości Marshy Forchuk Skrypuch)*. Problematykę postapokaliptycznego świata poruszyła natomiast Anna Ursulenko (Uniwersytet Wrocławski), omawiając powieść *MOX NOX* Tani Malarczuk, zaś Dorota Michułka (Uniwersytet Wrocławski) zaprezentowała prowokujący do dyskusji tekst poświęcony ciszy i śmierci w narracjach literackich.

Drugiego dnia równolegle obradowały również dwie sekcje zachodniosłowiańskie. Wielu uczestników poświęciło swoje wystąpienia różnym aspektom pamięci zbiorowej i narracji tożsamościowej, a także relacjom między pamięcią i historią, interpretując je zarówno w ujęciu przekrojowym (jak Bohumil Jiroušek, Uniwersytet Południowoczeski w Czeskich Budziejowicach, w referacie *Proměny interpretace vzniku Československa v českém marxisticko-leninském myšlení*), jak i szczegółowym.

W referatach pojawiały się zarówno zagadnienia z literatury dziewiętnastowiecznej: Jiří Hrabal (Uniwersytet Palackiego w Ołomuńcu), *Crusoeovský příběh a jeho role v kolektivní paměti české společnosti 19. a 20. století*; Jana Vrájová (Uniwersytet Palackiego w Ołomuńcu), *Tematizace josefinských reforem v české próze druhé poloviny 19. Století jako prostředek konstituování národní paměti*, jak również dwudziestowiecznej: Eduard Burget (Akademia Nauk Republiki Czeskiej), *Role historické paměti v románech Viléma Hejla*; Lubomír Machala, *Selhání, či korekce paměti? Nad knihami tematizujícími poválečný transfer Němců z Československa*, a także prozy z przełomu XX i XXI wieku: Joanna Derdowska (Uniwersytet Śląski w Katowicach), *Między muzeum a życiem. Pamięć traumy historycznej a zabiegi muzeifikacyjne w świecie powieści J. Topola „Warsztat diabła”*; Lucie Antosiková

(Akademia Nauk Republiki Czeskiej), *Kolektivní paměť a evropská kulturní identita v globálním světě...*; Stefan Segi (Akademia Nauk Republiki Czeskiej), *Paměť porevoluční detektivky*.

Przestrzeni pomiędzy dokumentem a fikcją literacką poświęcone były m.in. wystąpienia Klauddii Koczur-Lejk (Uniwersytet Szczeciński) *Tęsknota za nieśmiertelnością – formy upamiętniania człowieka w czeskiej literaturze nowożytnej*; Jany Kolářovej *Na věčnou paměť. Předbělohorská pohřební kázání katolické evangelické proveniencie*; Radka Malego (Uniwersytet Palackiego w Ołomuńcu) *Otisk válečné paměti v denících mladých Židů*; Aleksandry Paják (Uniwersytet Opolski) „...vzpomínám na něho ustavičně a přeji mu, aby se mu tatínek brzo vrátil. Zakamarki (nie)pamięci w korespondencji Jana Zahradníčka; Doroty Żygadło-Czopnik (Uniwersytet Wrocławski) *Duchovní deník – paměť, wspomnění, zaps. Lubomír Doležel, „Život s literaturou. Vzpomínky a rozhovory”* oraz Martiny Halamovej (Uniwersytet Południowoczeski w Czeskich Budziejowicach) *Paměti českého disentu po roce 1989*.

Autorzy referatów podjęli także zagadnienia biograficzności, autobiograficzności i autokreacji w tekstach literackich. W odniesieniu do twórczości czeskich autorów analizowali je Veronika Faktorová (Uniwersytet Południowoczeski w Czeskich Budziejowicach) w referacie *Romantická mytizace života. „Paměti” Josefa Václava Friče*, Richard Změlík (Uniwersytet Palackiego w Ołomuńcu) *Dokument anebo fikce? Nad vzpomínkami Ignáta Herrmanna*; Alena Přibánová „*Sedmý životopis” Oty Filipa – autobiografický román jako dokument, obhajoba, zpověď*; Ilona Gwóźdz-Szewczenko (Uniwersytet Wrocławski) *Autoepitafium pisarza-celebryty – Vladimír Páral o sobie i iných, ciekawszych sprawach*; Petr Komeda (Uniwersytet Palackiego w Ołomuńcu) *Čepova emigrantská esejistika jako způsob reflexe autobiografické paměti v kontextu traumatizujících dějinných událostí poloviny 20. století*; Michal Přibán (Akademia Nauk Republiki Czeskiej) *Novela Josefa Škvoreckého „Neuilly” - také Dichtung nebo jen Wahrheit?*, a także Karolina Ziemka (Uniwersytet Wrocławski) *Paměť jako forma terapie. Autobiografizm w prozie Oty Pavla*.

Miłosz Bukwałt (Uniwersytet Wrocławski) w wystąpieniu *Paměć getta w prozie autobiograficznej Michala Głowińskiego*, a także Libor Martinek (Uniwersytet Wrocławski) w referacie *Wspomnienia pisarza Henryka Jasiczka jako egodokument* wprowadzili do obrad kontekst literatury polskiej. Z kolei Miroslav Kotásek (Uniwersytet Masaryka w Brnie) w referacie *Ivan Blatný a (re)konstrukce jeho místa v české kultuře* poddał analizie zmiany w postrzeganiu twórcy i jego dzieła.

Zmaganie się z pamięcią, niepamięcią, zapomnieniem i wyparciem w wymiarze indywidualnym jest także jednym z najczęstszych wątków fikcji literackiej. Omawiali go w swych wystąpieniach Kamila Woźniak (Uniwersytet Wrocławski) *Sztuka paměti. O prozie Milady Součkovéj „Hlava umělce”*; Jakub Vaníček (Uniwersytet Palackiego w Ołomuńcu) *Odmítaná paměť, narušená identita. K jednomu aspektu současné české prózy*; Katarzyna Uczkiewicz (Uniwersytet Wrocławski) *W pułapce (nie)pamięci. „Stropy” Zuzany Brabcovej*; Anna Gawarecka (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu) *Trudná paměť Jiřeho Hájčika i Kateřiny Tučkovéj*.

Kilka referatów poświęcono także relacjom pomiędzy pamięcią a krajobrazem (który sam w sobie jest przecież formą pamięci). Temat ten poruszyli Josef Řídký *Paměť krajiny, krajina paměti*; Anna Brzezińska-Winkiel (Uniwersytet Wrocławski) *„Ogród Karkonosza” Josefa i Karla Čapkůw jako miejsce autobiograficzne a współczesne sposoby konstruowania tej przestrzeni*; Karel Strelec (Uniwersytet w Ostrawie) *Česky psaná literatura jako médium paměti (a zapomnění) Hlučínska*;

Vladimíra Derková (Uniwersytet Masaryka w Brnie) *Půda jako základ obrazu české národní identity v ruralistické literatuře*, a także Michal Fránek (Uniwersytet Masaryka w Brnie) *Paměť města v zrcadle poezie: Brno / Brunn*.

W obradach dnia drugiego sekcji południowosłowiańskiej wzięło udział trzynaście prelegentek, reprezentujących trzy ośrodki zagraniczne (Uniwersytet w Belgradzie, Uniwersytet Czarnogóry, Ukraińską Akademię Nauk) oraz siedem krajowych (Instytut Sławistyki PAN, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Uniwersytet Jagielloński, Uniwersytet Opolski, Uniwersytet Śląski w Katowicach oraz Uniwersytet Wrocławski). Badaczki wskazały na liczne utwory literackie Południowej Słowiańszczyzny, w których motywem centralnym jest pamięć. Szczególną uwagę zwróciła pamięć zindywidualizowana, związana z żywiołem autobiograficzności. Narratywizację wspomnień epizodycznych w dwóch niezależnych wystąpieniach dostrzeżono w „nowych powieściach historycznych” Ludwiga Bauera. Poświęcone pamięci przeszłości i dyskursom tożsamościowym, są one przykładem magazynowania pamięci zbiorowej w pamięci indywidualnej. Tę podwójność podkreślano także w tekstach o Zagładzie, gdzie indywidualne splata się z tym, co dotyczy wspólnoty narodowej, etnicznej, religijnej. W dyskursie poświęconym Holokaustowi bohaterowie często konfrontują się z przeszłością za pomocą techniki strumienia świadomości, dążąc do opanowania własnego strachu, żywiąc nadzieję, że pamięć jest sposobem obrony przed złem. Z taką strategią mamy do czynienia m.in. w docenianej w Serbii prozie Filipa Davida. Innym zagadnieniem, które zwróciło uwagę audytorium, była pamięć o Bośni i Hercegowinie w prozie wspomnieniowej Emira Kusturicy i Miljenka Jergovicia, tj. dwóch twórców wywodzących się z Sarajewa. Odtwarzają oni pamięć o przeszłości swoich rodzin oraz o dziedzictwie kulturowym środowisk, w których się kształtowali.

Obrady wszystkich sekcji były inspirującym spotkaniem polskich i zagranicznych slawistów, literaturoznawców i kulturoznawców, reprezentujących różne ośrodki naukowe i różnorodne perspektywy badawcze. Referaty stanowiły jedynie wstęp do ożywionej dyskusji, a niekiedy także do gorącej polemiki. Badacze, którzy przybyli w tym roku na organizowaną przez Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Wrocławskiego konferencję, wskazywali na celność i aktualność tegorocznej tematyki, podkreślali wysoki poziom naukowy poszczególnych wystąpień oraz dobrą, merytoryczną atmosferę dyskusji, sprzyjającą wymianie myśli oraz umacnianiu międzynarodowych kontaktów naukowych.

N O T Y O A U T O R A C H

MARTA CHASZCZEWICZ-RYDEL

Dr, adiunkt w Instytucie Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Wrocławskiego w Zakładzie Kroatystyki i Serbistyki. Słowistka i polonistka, zajmuje się historią rozwoju cywilizacji i kultur na obszarze Serbii i Chorwacji, nawiązaniami do epok przednowożytnych we współczesnych literaturach południowosłowiańskich, a także reprezentowanymi w literaturze dyskursami krytycznymi współczesnej humanistyki.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3590-7414>

Kontakt: marta.chaszczewicz-rydel@uwr.edu.pl

TOMASZ DROZDZIŃSKI

Mgr nauk o bezpieczeństwie (2018), absolwent studiów bezpieczeństwa narodowego i rusycystyki na Uniwersytecie Gdańskim, tłumacz języka rosyjskiego i ukraińskiego. Autor kilku artykułów z tego zakresu. Zainteresowania naukowe: teoria i praktyka przekładu, stylistyka funkcjonalna i stylo-metria, lingwistyka kryminalistyczna, współczesne systemy bezpieczeństwa państwa, polityka kryminalna.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8877-0477>

Kontakt: tomasz.drozdinski@gmail.com

KATARZYNA JASTRZĘBSKA

Dr. hab., prof. UJ. Autorka dwóch monografii i licznych artykułów w czasopiśmie i monografiach zbiorowych. Zainteresowania naukowe: przekładoznawstwo, literatura rosyjska XX wieku.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0336-307X>

Kontakt: professor1@o2.pl

JELENA JEGOROWA

Mgr filologii rosyjskiej, asystentka w Zakładzie Pragmatyki Komunikacji i Dydaktyki Języka Rosyjskiego w Instytucie Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego. Posiada wieloletnie doświadczenie w nauczaniu języka rosyjskiego. Przygotowuje pracę doktorską pod kierunkiem prof. Alicji Pstygi. Zainteresowania badawcze: dydaktyka języka rosyjskiego, procesy rozwojowe współczesnego języka rosyjskiego, przekład tekstów specjalistycznych, językoznawstwo porównawcze.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5844-2747>;

Kontakt: jelena.jegorowa@ug.edu.pl

TATIANA KANANOWICZ

Dr, adiunkt w Katedrze Językoznawstwa i Translatoryki Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego. Zajmuje się zagadnieniami składni i tekstologii porównawczej, problemami przekładu polsko-rosyjskiego (specjalistycznego, literackiego, ustnego), prowadzi badania z zakresu szeroko rozumianej komunikacji międzykulturowej i wiedzy krajoznawczej.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1156-5934>

Kontakt: tatiana.kananowicz@ug.edu.pl

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Prof. zw., dr hab. na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego. Autorka siedmiu monografii (m.in. *Псалтырь в русской поэзии*, *Дмитрий Буланин*, 2002; *Память о псалме: sacrum/profanum в современной русской поэзии*, 2009), dwóch podręczników, ponad 270 publikacji naukowych. Specjalizuje się w badaniach nad historią literatury rosyjskiej XVIII–XXI w. W szczególności obiektem zainteresowań są relacje między literaturą, religią a filozofią rosyjską; sacrum w literaturze, psalterz jako źródło inspiracji poetyckiej; proza autobiograficzna; antropologia kultury.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

Kontakt: ludmilalucewicz@gmail.com

MIROSŁAWA MICHALSKA-SUCHANEK

Dr hab., pracownik Uniwersytetu Śląskiego. Obszar zainteresowań: historia literatury rosyjskiej, teoria literatury i dydaktyka języka obcego, z uwzględnieniem języków specjalistycznych (rosyjski język biznesu). Zainteresowania badawcze: literatura wobec tematyki aktów suicydalnych, kategoria nastroju w dziele literackim, literatura a anomalie ludzkiej psychiki, a ostatnio literatura rosyjska a tematyka żydowska. Autorka ponad siedemdziesięciu artykułów i recenzji, a także książek *Fenomen samobójstwa* (2011), *Mit Judasza-samobójcy. Czytając opowiadanie Leonida Andriejewa „Judasz Iszkarriot”* (2013), *Samobójcy Fiodora Dostojewskiego* (2015), *Piętnaście odśłon Fiodora Dostojewskiego* (2018), redaktorka i współredaktorka kilkunastu zbiorowych monografii oraz redaktor naczelna czasopisma „Judaica Russica”.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5262-0816>

Kontakt: mirosława.michalska-suchanek@us.edu.pl

ZOJA NOWOŻENOWA

Dr hab., profesor nadzwyczajny w Katedrze Językoznawstwa i Translatoryki w Instytucie Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego. Autorka i współautorka ośmiu monografii naukowych i podręczników, w tym: *Русское глагольное предложение: структура и семантика* (2016), *Ćwiczenia ze stylistyki i kultury języka rosyjskiego* (1990), *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного*

NOTY O AUTORACH

русского языка. Грамматика (1992). Zainteresowania naukowe: składnia języka rosyjskiego, funkcjonalne aspekty gramatyki, leksyki i stylistyki oraz problematyka dyskursu, aspektów komunikacji międzykulturowej i międzyjęzykowej, jak również dydaktyki szkoły wyższej.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3266-8251>

Kontakt: zoja.nowozenowa@ug.edu.pl

UGO PERSI

Dr nauk filologicznych, profesor, kierownik Katedry Sławistyki w uniwersytecie w Bergamo (Włochy). Opublikował w Rosji i równolegle we Włoszech monografię *Модерн и слово. Стилль модерн в русской и европейской литературе* i „*He пой, красавица, при мне...*” *Территория русского романтизма* oraz ponad sto artykułów naukowych. Jest redaktorem tomu *Italia, Russia e dintorni. Piccola rassegna tipologica del viaggiare*. Zainteresowania naukowe: literatura, muzyka i sztuki wizualne XIX wieku, kultura rosyjska oraz dziennikarstwo w Rosji i we Włoszech.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6601-768X>

Kontakt: ugo.persi@unibg.it

POŁONSKIJ, ANDRIEJ W.

Prof. dr hab. nauk filologicznych, kierownik Katedry Dziennikarstwa w Instytucie Nauk Społecznych i Komunikacji Masowej w Państwowym Uniwersytecie Badawczy w Białgorodzie (Rosja). Zainteresowania naukowe: media, komunikacja medialna, dyskurs współczesnych mediów, tekst medialny, teoria publicystyki, lingwokulturologia, komunikacja międzykulturowa.

ORCID <http://orcid.org/0000-0002-2678-6203>

Kontakt: andrey.polonskiy@gmail.com

ALICJA PSTYGA

Dr hab., prof. UG, kierownik Katedry Językoznawstwa i Translatoryki Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego oraz kierownik Pracowni Badań nad Komunikowaniem Medialnym afiliowanej przy Wydziale Filologicznym UG; redaktor serii wydawniczej „Słowo z Perspektywy Językoznawcy i Tłumacza” (Wydawnictwo UG); członek PTR, TMJP i Tertium. Autorka monografii *Nowe słownictwo rosyjskie. Struktura formalno-semantyczna rzeczownika negacji. Prefiksalne negatywa rzeczownikowe we współczesnym języku polskim i rosyjskim* (2010), *Przekład w komunikowaniu medialnym. Wybrane zagadnienia na podstawie polskich przekładów rosyjskich tekstów prasowych* (Gdańsk 2013), a także ponad stu artykułów z zakresu przekładu oraz słowotwórstwa, leksykologii, frazeologii języka rosyjskiego i polskiego, również w ujęciu porównawczym; redaktorka bądź współredaktorka dzieł monografii wieloautorskich.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6933-2132>

Adres e-mail: alicja.pstyga@ug.edu.pl

MICHAŁ A. RYBAKOW

Dr nauk filologicznych, docent. Od roku 1995 zatrudniony w Katedrze Językoznawstwa Rosyjskiego Uniwersytetu Przyjaźni Narodów. Kierownik programu licencjackiego na kierunku filologia.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9444-3889>

Kontakt: rybakov_ma@pfur.ru

OLGA SIEMOŃSKA

Mgr, doktorantka w Instytucie Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Wrocławskiego. Zainteresowania badawcze: geopoetyka, związki przestrzeni i literatury, humanistyczne studia miejskie. Autorka kilku publikacji z tego zakresu.

Kontakt: osiemonska@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0128-2997>

ŻANNA SŁADKIEWICZ

Dr hab., prof. UG, Dyrektor Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego, kierownik Zakładu Pragmatyki Komunikacji i Dydaktyki Języka. Kierownik Pracowni Badań nad Perswazją Językową; zastępca redaktora naczelnego rocznika „Studia Rossica Gedanensia”, członek PTJ i PTR. Opublikowała ponad 100 prac z zakresu komunikologii, dyskursologii pragmatyngwistyki, socjolingwistyki, frazeologii i glottodydaktyki. Autorka monografii: *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия* (2013), *Здоровье превыше всего. Коммуникативная ситуация оправдания в дидактическом дискурсе: прагматический и межкультурный аспект* (2019, we współaut.); podręcznika *Ćwiczenia z fonetyki języka rosyjskiego dla początkujących* (2014, we współaut.), redaktorka dziesięciu monografii zbiorowych.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7237-5328>

Kontakt: filzs@ug.edu.pl

MATEUSZ ŚWIETLICKI

Dr nauk humanistycznych, adiunkt w Zakładzie Literatury i Kultury Amerykańskiej Instytutu Filologii Angielskiej Uniwersytetu Wrocławskiego. Zainteresowania naukowe: amerykańska i kanadyjska literatura dziecięca i młodzieżowa (szczególnie literatury ukraińskiej diaspory), studia nad pamięcią, kultura popularna, historia i kultura USA. Autor kilkunastu publikacji z tego zakresu.

ORCID: 0000-0001-7009-3837

Kontakt: mateusz.swietlicki@uwr.edu.pl

ANNA ŚWIETLIK

Doktorantka w Zakładzie Literatury i Kultury Rosyjskiej w Instytucie Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Wrocławskiego. Zainteresowania naukowe:

NOTY O AUTORACH

proza homoerotyczna, literatura samizdatu, *gender studies*. Prace dotyczące twórczości Jewgienija Charitonowa i Eduarda Limonowa publikowała w Polsce i w Rosji.

ORCID: 0000-0001-6499-1016

kontakt: anna.swietlikk@gmail.com

KATARZYNA UCZKIEWICZ

Dr nauk humanistycznych, slawistka, tłumaczka języka i literatury czeskiej. Redaktor naczelna kwartalnika „Pamięć i Przyszłość” i rocznika „Miasto. Pamięć i Przyszłość”. Od 2014 roku kieruje Ośrodkiem Współpracy Polsko-Czesko-Słowackiej na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Wrocławskiego. Współautorka (z Łukaszem Medekszą) książki *Ziemie Zachodnie. Zrób to sam*, autorka artykułów poświęconych powojennym Ziemiom Zachodnim, propagandzie i kulturze PRL, opozycji antykomunistycznej w Europie Środkowej, relacjom polsko-czeskim. Naukowo interesuje się dyskursami emancypacyjnymi w Europie Środkowej, myślą Vaclava Havla, współczesnymi środkowoeuropejskimi miastami.

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6388-6043>

Kontakt: katarzyna.uczkievicz@gmail.com

OLGA. I. VALENTINOVA

Dr hab. Nauk filologicznych, profesor w Katedrze Językoznawstwa Rosyjskiego Uniwersytetu Przyjaźni Narodów. Doktorat obroniła w roku 1991, habilitacja — 2006. Od roku 2011 kieruje seminarium *Filologiczna hermeneutyka*. W roku 2019 jej książka *Системный взгляд как основа филологической мысли*, napisana wraz z Władimirem Denisienko, Siergiejem Priebrażenskim i Michaiłem Rybakowem, została uznana na Ósmym Międzyregionalnym Konkursie Książki Akademickiej za najlepszą filologiczną monografię roku.

ORCID 0000-0002-8510-8701

Kontakt: ovalentinova@yandex.ru